

П.М. САС

Феодалыные
города
Украины

в конце XV-
60х годах
XVI в.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

П.М. САС
Феодалыне
города
Украины
в конце XV-
60х годах
XVI в.

Scan by Skorpion Professional

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1989

Ответственный редактор *В. А. Смолий*

*Утверждено к печати ученым советом
Института истории АН УССР*

Редакция исторической литературы

Редактор *Н. С. Шафета*

Сас П. М.

С20 Феодальные города Украины в конце XV — 60-х годах XVI в. / АН УССР. Ин-т истории; Отв. ред. В. А. Смолий.— Киев : Наук. думка, 1989.— 232 с.

ISBN 5-12-000669-8 (в обл.) : 2 р. 60 к. 1700 экз.

В монографии исследуются экономика, правовое положение и административное устройство феодальных городов украинских земель — Киева, Луцка, Владимира, Кременца, Житомира, Винницы, Острога и других, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Рассматриваются социально-экономическая классификация городских поселений, их фортификация, цеховая организация и специализация ремесла, городская торговля и промыслы. Показаны особенности одежды, виды холодного и ручного огнестрельного оружия ремесленного изготовления.

Для научных работников, преподавателей и студентов исторических факультетов, краеведов, всех, кто интересуется историей городов Украины.

С 0503020900-009
М221(04)-89 45-89

ББК 63.3(2Ук)44

ISBN 5-12-000669-8

© Издательство «Наукова думка», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Феодальные города играли важную роль в развитии материальной и духовной культуры народов, общественном разделении труда. Они способствовали ускорению эволюции феодализма, появлению первых ростков новых общественных отношений. Ф. Энгельс писал, что «в то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений»¹.

В период феодализма на Украине выросло много городских поселений. Сложившаяся сеть городов и местечек охватывала все украинские земли, в том числе Киевщину, Брацлавщину и Воынь, находившиеся под властью Великого княжества Литовского. В конце XV—60-х годах XVI в. в этом регионе существовало значительное количество развитых в социально-экономическом отношении городов.

Исследование феодальных городов украинских земель, находившихся в государственной системе Великого княжества Литовского, началось еще в дореволюционной отечественной историографии. Ряд буржуазных историков внесли определенный вклад в освещение правовых сюжетов и накопление фактического материала по истории городов Украины XV—XVI вв. (К. Неволин, Ф. Леонтович, М. Довнар-Запольский, М. Любавский и др.)². Однако вследствие несостоятельности методологии буржуазной исторической науки освещение развития феодальных городов Украины оказалось существенно искаженным. Так, буржуазный историк либерального направления М. Любавский

безосновательно утверждал, что на украинских землях в середине XVI в. насчитывалось всего четыре города — Киев, Луцк, Владимир и Кременец. Все остальные поселения он фактически относил к селам ³.

В дореволюционной историографии прочно утвердилась ошибочная в своей основе концепция относительно общего упадка городов Украины в XV—XVI вв. вследствие разложения «земского единства» классов-сословий феодального общества, которое подверглось губительному влиянию магдебургского права (М. Владимирский-Буданов, В. Антонович, М. Грушевский и др.) ⁴. Украинский буржуазный историк В. Антонович приписывал городам Украины исследуемого периода застой и регресс, якобы обусловленные утратой городами некоего идеального «общинного начала». Отсюда, по его словам, крайне низкий уровень городского ремесла, упадок ярмарочной торговли и отсутствие в городах совершенных юридических норм, что, в конечном итоге, привело к «уничтожению» городского сословия ⁵.

Определенное внимание феодальным городам Украины исследуемого региона было уделено польскими буржуазными историками (А. Пшездецкий, М. Балиньский, Т. Липиньский, Т. Стецкий и др.) ⁶. Приводимые в их работах историко-географические и статистические сведения касались различных сторон жизни феодальных городов украинских земель. Наряду с этим польские буржуазные историки всячески превозносили «благотворное» влияние на города феодальных владельцев.

Поднимая на щит реакционную теорию о «культурной», «цивилизаторской» роли польской шляхты на захваченных феодальной Польшей украинских землях, польский буржуазный историк А. Яблоновский приписывал городам Украины середины XVI в. отсталость и архаичность. По его утверждению, города с развитой экономикой появились на украинских землях лишь после Люблинской унии 1569 г. ⁷

Таких же позиций придерживался и польский буржуазный историк С. Кардашевич. Он утверждал, что после нашествия орд Батыя юго-западные русские земли превратились в «пустыню» и ее впоследствии начали заселять феодалы Литвы и Польши. По мнению С. Кардашевича, города Украины развивались только благодаря стараниям магнатов и благосклонности к ним польских королей ⁸.

Характерными для польской буржуазной историографии субъективизмом и тенденциозностью при освещении истории городов Украины насыщены исследования С. Кутшебы. Он, в частности, пытался доказать, что феодальные украинские города якобы находились только на стадии зарождения, представляли собой почти целиком аграрные поселения и имели отсталое ремесло. С. Кутшеба писал о неспособности мещан украинских земель выработать собственный городской строй, о слепом заимствовании ими административного и правового устройства польского феодального города⁹.

Научное исследование феодальных городов Украины стало возможным в советской историографии, опирающейся на прочный фундамент марксистско-ленинского учения. Некоторые аспекты социально-экономического развития городов украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, характерные черты их правового положения и административного устройства, в том числе распространение магдебургского права, его сущность и формы проявления, освещены в трудах украинских советских историков¹⁰.

Отдельные вопросы, связанные с развитием ремесла в феодальных городах Украины, подняты в статьях В. А. Голобуцкого и Д. И. Мышко¹¹. Исследованию городского строя и сущности магдебургского права на Украине в XIV—XVIII вв. посвящена статья В. Д. Отамановского¹². Нельзя согласиться с утверждением автора о полной неприемлемости и чуждости магдебургского права феодальному украинскому городу¹³. В целом в советской историографии отсутствует детальный анализ источников и действий магдебургского права как в отдельных городах, так и на Украине в целом¹⁴.

В конце 60-х—80-х годах изданы работы, посвященные некоторым феодальным городам Украины¹⁵. В них освещаются развитие городского ремесла, промыслов, торговли, административное устройство и правовое положение феодального города, социальная структура населения и борьба горожан против эксплуатации.

Несмотря на определенные достижения в исследовании советскими историками феодальных городов Украины, их историческое прошлое изучено еще недостаточно. В значительной степени это относится к

истории городов украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Социально-экономическое развитие и административное устройство городов этого региона украинских земель и является предметом исследования данной работы. Основное внимание уделяется освещению социально-экономической классификации (типологии) феодальных городов, их фортификации, экономики, социальной структуры населения, правового положения и самоуправления городской общины.

Хронологические рамки работы охватывают конец XV—60-е годы XVI в.— исторически целостный период социально-экономического и политического развития украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. К концу XV в. усилилось распространение отработочной ренты, началось прикрепление крестьян к земле, создавалась фольварочная система ведения сельского хозяйства, возник спрос на хлеб на рынке¹⁶. В конце XV— начале XVI в. завершился процесс образования Русского централизованного государства, что имело большое значение для исторических судеб украинской народности. Уже в 1503 г. произошло воссоединение Чернигово-Северской земли с Россией. Конец 60-х годов XVI в., определенный верхней хронологической границей работы, отмечен дальнейшим развитием феодальных отношений на украинских землях (второй Литовский статут 1566 г.). Значительно ухудшились условия экономического и социально-политического развития городов Украины исследуемого региона вследствие Люблинской унии 1569 г., захвата украинских земель шляхетской Польшей.

В качестве источников использованы: актовый материал (опубликованный и архивный), законодательство Великого княжества Литовского, летописи и мемуары. Наиболее важные сведения о социально-экономическом развитии и административном устройстве городов Украины в исследуемый период содержит актовый материал, в частности документы так называемой Литовской метрики и городских сословных судов. Первостепенное значение среди этих источников принадлежит переписям и ревизиям городов (инвентари, люстрации, подымные и поборовые реестры), в которых содержатся данные о количестве и географии городских поселений, их правовом положении и административном устройстве, а также сведения, позволяю-

щие определить численность населения городов и местечек, развитие ремесленного производства, промыслов и торговли. В инвентарях и люстрациях XVI в. имеются данные, на основе которых можно проследить динамику роста городского населения в середине XVI в., определить характер его занятий (переписи украинских замков 1545 и 1552 гг.).

Несмотря на неполноту поборовых и подымных реестров середины 60 — начала 70-х годов XVI в., в них содержатся важные сведения об экономике городов. В частности, научный интерес представляют имеющиеся в них данные о городском ремесле, некоторых промыслах, сельскохозяйственных занятиях мещан. Большинство из этих материалов опубликовано в дореволюционное время. Однако сборник документов, подготовленный в конце XIX в. польским буржуазным историком А. Яблоновским¹⁷, страдает неполнотой и многими неточностями. Проведенные ныне дополнительные разыскания в архивах позволили нам ввести в научный оборот новые сведения об этническом составе населения городов, профессиональной специализации ремесленников, торговцев, хозяйственной деятельности мещанства.

Важный материал по истории феодальных городов Украины содержится в актовых книгах (гродских судов Винницы, Владимира, Житомира, Кременца и Луцка), хранящихся в фондах Центрального государственного исторического архива УССР. Он дал возможность проследить социальную дифференциацию и этнический состав населения многих городов и местечек Украины, накопление городской верхушкой торгового и ростовщического капитала, конкретизировать представление о состоянии ремесла, промыслов и торговли в городах, самоуправлении мещанских общин.

В качестве источника при написании работы использовано государственное законодательство Великого княжества Литовского (Литовские статуты 1529 и 1566 гг.), жалованные грамоты государственной власти городам, отдельным феодальным владельцам на города, различные предписания должностным лицам. В законодательных нормах феодального государства, выражавших волю господствовавшего класса, фиксировалось политико-правовое положение мещан в классово-сословной структуре феодального общества, отражались общие условия экономического развития городов.

Из нарративных источников использованы летописи (в частности, летописи белорусско-литовские) и мемуарная литература, сведения которых в определенной степени позволяют уточнить некоторые вопросы социально-экономического развития феодальных городов Украины и их административного устройства.

В процессе исследования темы, кроме опубликованных документальных материалов, широко использованы архивные источники. Обработаны и введены в научный оборот документы ряда фондов Центрального государственного архива древних актов СССР, Центрального государственного исторического архива УССР в г. Львове, Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского АН УССР, Львовской научной библиотеки им. В. Стефаника АН УССР.

Изучение городов и местечек Брацлавщины, Волыни и Киевщины, входивших в состав Великого княжества Литовского, позволило проследить особенности и основные закономерности развития городских поселений Украины в конце XV—60-х годах XVI в. Новые исследования городов других регионов Украины помогут воссоздать историю их развития в период феодализма.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ
И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ,
ВХОДИВШИХ В СОСТАВ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

1. ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДОВ
И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

В конце XV—60-х годах XVI в. украинские земли, находившиеся под властью Великого княжества Литовского, в административно-территориальном отношении делились на земли (воеводства), которые пришли на смену упраздненным в 50—60-х годах XV в. удельным княжествам. Каждая земля подразделялась на поветы и волости, количество и территория которых не всегда были стабильными. Так, Волинская земля включала Луцкий, Владимирский и Кременецкий поветы. Киевщина делилась на поветы, центрами которых выступали Киев, Овруч, Чернобыль, Житомир, Черкассы, Остер, Переяслав, а также волости — Звягельскую, Чудновскую, Каневскую, Черняховскую. Подольская земля (Восточная Подолия) охватывала Брацлавский и Винницкий поветы. Особыми административно-территориальными единицами являлись владения крупных феодалов. В начале XVI в. 70 волостей, а также много городов Чернигово-Северщины, удерживаемых ранее феодалами Великого княжества Литовского, были воссоединены с Русским государством.

В Волинской земле вся полнота власти принадлежала назначаемому великим князем литовским луцкому старосте, а также маршалку Волинской земли; Подольской — великокняжеским наместникам Брацлавского и Винницкого поветов, впоследствии — старосте брацлавскому и винницкому; Киевской — воеводе киевскому. Широкими административными и судебными полномочиями были наделены поветовые старосты, хотя они и зависели от власти старост и воевод, управлявших землями. В подчинении у воевод и старост находились хорунжие, каштеляны, городничие, тиуны и другие должностные лица¹. В велико-

княжеских городах воеводско-старостинская администрация играла роль высшей судебной и административной инстанции для части мещан, подлежащих замковой юрисдикции, а также для тех жителей, на которых не распространялась юрисдикция магдебургского самоуправления: светских и духовных феодалов, населения феодальных юридик, личного состава военных гарнизонов и др.²

Названные выше административное деление и судебная система действовали на украинских землях до середины 60-х годов XVI в. После Виленского сейма 1565—1566 гг. произведены судебная реформа и реорганизация воеводств, приблизившие институты местной государственной власти Великого княжества Литовского к образцу, существовавшему в Польском королевстве. В результате Киевское воеводство было разделено на Киевский и Мозырьский судебные поветы, Брацлавское воеводство (прежде Подольская земля) — на Брацлавский и Винницкий поветы³.

В конце XV—60-х годах XVI в. на украинских землях усилился процесс закрепощения крестьянства. Широко распространилась отработочная рента. В течение первой половины XVI в. на большинстве украинских земель была введена барщина — два дня в неделю. Одновременно интенсивно росло крупное феодальное землевладение. Увеличение спроса на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию на внутреннем и внешнем рынках стимулировало переход хозяйств феодалов на фольварочную систему⁴. Характерной особенностью развития условного феодального землевладения на восточнославянских землях Великого княжества Литовского было то, что в XV в. возобладала тенденция к превращению боярского условного землевладения в полное безусловное землевладение. Вследствие этого происходили уравнивание прав боярства с титулованной знатью, усиление политической роли и общественного значения нетитулованных крупных и средних землевладельцев-магнатов (панов) и бояр (шляхты)⁵.

Происходившие в феодальном обществе на Украине в конце XV—60-х годах XVI в. экономические и общественно-политические процессы во многом обуславливали направление развития феодальных городов, оказывали влияние на их надстройку. В течение исследуемого периода социально-экономический облик городов, их роль как центров ремесла, промыслов и тор-

говли были неодинаковыми. До конца XV в. развитие городов происходило все еще медленно. По подсчетам, сделанным на основании многих источников, в то время к городским поселениям принадлежали около 35 населенных пунктов. Большинство из них возникло еще в древнерусский период: Киев, Любеч, Белгород, Вышгород, Переяслав, Житомир, Овруч, Чернобыль, Остер, Чуднов, Канев, Черкассы, Винница, Брацлав, Владимир, Луцк, Вишневец, Перемиль, Турийск, Тарговица, Дубно, Острог, Заславль, Звягель, Корец, Полонное, Ровно, Степань, Кременец, Порицк, Торчин, Збараж, Литовеж, Мельница, Кошер⁶.

В городской экономике довольно большую долю занимало земледелие. Так, согласно люстрации Киевской земли, произведенной еще в 1471 г., в Чуднове обрабатывали землю 32 человека, которые уплачивали в пользу замковой администрации по 20 литовских грошей. Остальные мещане Чуднова также занимались земледелием, хотя на некоторое время были освобождены от уплаты налогов, поскольку находились на слободе — «еще воли не выседали». Все чудновские мещане, независимо от их правового статуса, по приказу местного старосты периодически выходили на полевые работы во время летней страды⁷.

Из уставной грамоты великого князя литовского Александра киевским мещанам (1494) явствует, что население Киева также прочными узами было связано с сельским хозяйством. На это указывают статьи грамоты, регламентировавшие для мещан порядок пользования сенокосами: «А сена за рекою не мають косити, ни жли мають косити один день под борком; а закосного слуге воеводину давати им десять грошей; а што укусят, то мають и спрятати, а сена на город им не возити ни отколь... А вольно бывало из старины мещаном на болоньи сено косити, а острова за Днепром, чим ся место кормливало». Часть заготовляемого сена использовалась для корма тяглового скота, который содержали мещане, занимавшиеся пашенным земледелием. Эта отрасль сельского хозяйства играла важную роль в экономической жизни Киева, что отражено, в частности, в правовых актах феодального государства, касавшихся города. Особо указывалось в них на правоспособность жителей, владеющих землей: «А восхотел ли бы кто землю пашную, а любо бортную записати к церкви, то нехай будеть з нашим (великого князя.— П. С.) призволением»⁸.

В целом такой вид корпоративной земельной собственности в период феодализма, как земельные владения городских общин, на украинских землях был известен давно. Наиболее ранние свидетельства о городском землевладении на Украине, находившейся под властью Великого княжества Литовского, относятся к последней четверти XIV в.⁹

Точная численность населения городов в конце XV в. не установлена из-за неполноты и фрагментарности сведений источников. Отдельные указания документов все же проливают свет на этот вопрос. Например, согласно люстрации Кременца, составленной в середине 80-х годов XV в., в городе насчитывалось 30 дворов¹⁰. В некоторых городах концентрировалось более значительное количество населения, что создавало благоприятные условия для занятия мещан ремеслами, промыслами и торговлей. Наличие плотной заселенности было, в частности, непременным условием развития винокуренного промысла. Согласно данным люстрации Киевской земли 1471 г., в Чуднове насчитывалось 53 корчмы, Житомире — 20, Виннице — 15¹¹. В конце 80-х годов XVI в. арендаторы корчем в Овруче уплачивали значительную сумму денег за право занятия винокурением — 36 коп и 40 литовских грошей. Вероятно, город в то время отличался относительно плотной заселенностью. Тем более что через несколько десятилетий в Овруче насчитывалось не менее 500 домов (1519)¹².

Об уровне экономического развития городов и степени вовлечения мещанства в товарно-денежные отношения косвенно свидетельствуют данные о сборе государственной пошлины. В 1487 г. сбор пошлины на Луцкой таможенной коморе (заставе) был отдан на откуп арендаторам на три года с условием уплаты в государственную казну по 1525 коп литовских грошей ежегодно¹³. В течение 1486—1489 гг. сбор государственной пошлины на киевской, вышгородской и житомирских таможах равнялся по 950 коп литовских грошей каждый год. В 1489 г. арендаторы владимирской, перемильской и литовежской пошлин обязывались выплачивать феодальному государству по 40 коп литовских грошей в течение четырех лет. В Звягеле сбор государственной пошлины, а также доходы от аренды городских корчем должны были составить в 1488—1490 гг. в целом 45 коп литовских грошей¹⁴.

Начиная с первых десятилетий XVI в. в развитии

феодалных городов Украины обозначился качественно новый этап, который характеризовался усилением влияния товарно-денежных отношений на экономику городов, а также бурным ростом новых городских поселений. До конца 60-х годов XVI в. на украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, возникли десятки новых городов и местечек. В этой связи необходимо раскрыть вопрос о социально-экономической классификации (типологии) городских поселений. Определение понятий «город» и «местечко» применительно к городским поселениям Украины XVI в. имеет важное научное значение, поскольку без этого невозможно установить действительную роль названных социально-экономических типов городских поселений в общественном разделении труда.

В 60—80-е годы подготовлено немало исследований на эту тему (преимущественно по древнерусскому городу). При рассмотрении социальной типологии средневекового города наметились два основных подхода. С одной стороны, дробная детализация признаков и основных функций феодального города (называются укрепления городов, ремесленный посад, торговля, административное управление и т. д.)¹⁵, с другой — из многих признаков выделяются наиболее важные, характеризующие сущность города как социально-экономического явления периода феодализма¹⁶. Некоторые исследователи выделяют один признак, имеющий универсальный характер. Так, А. В. Куза рассматривает город в его отношении к производимому в феодальном обществе прибавочному продукту. Исходя из общей посылки, что социально-экономическая сущность древнерусского города проявлялась в связи аккумулярованием, переработкой и перераспределением этого продукта, В. А. Куза дает свое определение феодального города. Оно сводится к тому, что древнерусский город представлял собой постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи — волости концентрировалась и перераспределялась большая часть произведенного там продукта¹⁷.

Касаясь данного вопроса, исследователи белорусского феодального города З. Ю. Копыцкий и А. П. Грицкевич исходят из того, что критерием для отличия города от местечка является степень населенности городского поселения (менее 300 домов — местечко, свыше 300 — город). При этом А. П. Грицкевич

подчеркивает необходимость учета административно-политического значения городского поселения¹⁸.

Специальных работ по социально-экономической классификации (типологии) феодальных городских поселений Украины в советской историографии нет¹⁹. Отдельные материалы по этому вопросу, преимущественно в хронологических рамках XVII в., содержатся в общих трудах украинских советских историков.

По мнению И. П. Крипякевича, в XVII в. на Украине город существовал на нескольких уровнях: «местечко», «малый город» и «большой город». Местечко, по определению ученого,— это небольшое поселение земледельческого характера со слабо развитым ремеслом, служившее местом проведения торгов для ближайшего района. Население местечек отличалось от крестьян тем, что не отработывало барщину, а пребывало в основном на чинше. И. П. Крипякевич употреблял термин «малый город», однако фактически не разграничивал его с понятием «местечко». Он считал, что малые города и местечки имели одинаковые уставы и привилегии, а также выступали местом проведения торгов для ближайшей сельской округи. Ученый отдельно выделял «настоящие» большие города. К ним И. П. Крипякевич относил те городские поселения, которые достигли расцвета еще в древнерусский период. Они имели развитые цеховое ремесло и торговлю, четко выраженную социальную дифференциацию населения и др. Города отличались от местечек также по населенности (критерием их разграничения взято 500 домов)²⁰.

Как считал А. И. Баранович, в Речи Посполитой городом называлось поселение, в котором происходили торги и ярмарки, а небольшой город имел название «местечко»²¹.

Исследованию характерных черт феодальных городов Украины второй половины XVII в. уделено внимание в монографии Е. С. Компан. Рассматривая взаимосвязи города с сельской округой, автор при этом подчеркивала, что далеко не все города возникли вследствие отделения торгово-промышленной деятельности от земледелия. Отсюда большой удельный вес сельского хозяйства в городской экономике. Вполне справедливо она указала на то, что ремесленно-торговое поселение становится городом в социально-экономическом отношении лишь тогда, когда между городом и деревней возникает товарообмен. Е. С. Компан

также употребляла термины «город» и «местечко», не раскрывая, однако, различия между ними²².

Изучению феодальных городов Украины второй половины XVI — первой половины XVII в. посвящены исследования П. В. Михайлины. В середине XVII в., отмечает ученый, города представляли собой важные хозяйственные, политические, оборонные и военно-административные центры²³.

Специалист в области историографии социально-экономического развития феодальных городов Украины XVI—XVIII вв. А. К. Швидько критерием отличия феодального города от местечка считает характер организации экономической жизни поселения. Если города являлись средоточием ремесла и торговли, административными и культурными центрами, то местечки представляли в основном земледельческие поселения. По мнению автора, в экономике городов преобладал удельный вес ремесла и торговли, обслуживавших как примыкающую сельскую округу, так и более отдаленные земли²⁴.

В исторической литературе рассматривались экономический и правовой статусы городов, указывалось на наличие сословного самоуправления. Отмечалось, что мещане выступали держателями земельных наделов феодальных владельцев²⁵. Одной из особенностей возникновения местечек явилось основание их возле замков²⁶. Несмотря на определенные успехи в изучении этих вопросов, в целом разработку социально-экономической классификации (типологии) городских поселений Украины в период развитого феодализма нельзя признать удовлетворительной. На это обстоятельство одним из первых обратил внимание В. К. Яцунский, указавший на различия украинскими советскими историками термина «феодальный город»²⁷.

В трудах современных польских историков также не всегда проводится четкая граница между городами и местечками Великого княжества Литовского, а также Речи Посполитой. Чаще всего польские исследователи классифицируют городские поселения по степени их населенности²⁸.

Употребляемая в источниках терминология для обозначения городских поселений на украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, далеко не всегда служит надежным критерием при разграничении понятий «город» и «местечко». Например, поселение Берестечко на Волыни в

источниках XVI в. выступает как «место» (т. е. город) и «местечко»; Выжва — «замок и место», «местечко»; Острожец — «город» и «местечко»; Степань — «замок» и «местечко с замком» и др.²⁹ При этом один и тот же термин в разных случаях имел неодинаковое социально-экономическое содержание, а количество проживавших в поселении жителей не всегда свидетельствовало о развитости его экономики. Так, «местом» (городом) значился в документах населенный пункт Жуков, в котором насчитывалось 89 домов и 3 ремесленника (1570), а также Турийск, где в то же время было 203 дома и 19 ремесленников. Под термином «местечко» выступало поселение Несухоежи, имевшее в 1570 г. 132 дома и 26 ремесленников, а также Звягель, в котором были 161 дом и 4 ремесленника³⁰.

Таким образом, налицо значительные трудности в определении содержания понятий «город» и «местечко» применительно к городским поселениям Украины исследуемого периода. Важным для решения этого вопроса представляется изучение характера видов собственности в городах и местечках украинских земель. К. Маркс и Ф. Энгельс, определяя виды собственности, писали, что «главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев»³¹.

Экономическое обособление города от деревни в классовом обществе тесно связывалось с категорией собственности. «Отделение города от деревни, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене»³².

Собственность в городах, прежде всего собственность в ремесле, отличалась по характеру от собственности в деревне так называемым «естественно сложившимся капиталом», который «заключался в жилище, ремесленных инструментах и естественно сложившейся, наследственной клиентуре; вследствие неразвитого общения и недостаточного обращения капитал был лишен возможности реализации и поэтому переходил по наследству от отца к сыну. Капитал этот, в отличие

от современного, не оценивался в деньгах, ...а был непосредственно связан с вполне определенным трудом владельца, совершенно неотделим от него и поэтому был *сословным капиталом*»³³.

Рассматривая разложение докапиталистических форм отношения работника к объективным условиям труда, К. Маркс писал о характерных для эпохи феодализма общественных отношениях, «при которых работник является собственником, или при которых собственник сам работает»³⁴. Основным условием существования таких общественно-экономических отношений наряду с земельной собственностью в общине была собственность на орудия труда в ремесленном производстве: «собственность работника на его орудие предполагает особую форму развития промышленного труда — *ремесленный труд*; с этой формой труда связан цеховой корпоративный строй и т. д. ...Способ труда вместе с организацией труда и орудием труда в известной степени передается по наследству. Средневековые города. Труд — это пока еще собственный труд работника...»³⁵

Развивая эту мысль далее, К. Маркс вывел понятие о двух исторических состояниях собственности. Историческое состояние № I предполагало то, что «вторичные орудия и произведенные самим трудом плоды земли оказываются включенными в земельную собственность в ее первобытных формах»³⁶. Оно требовало особого типа производственных отношений, при которых «сам труд причисляется к *объективным условиям производства* (крепостная зависимость и рабство)»³⁷.

Характеризуя историческое состояние собственности № II, К. Маркс отметил, что «ремесленное и городское развитие труда... здесь не являются придатком к земельной собственности и не подчинены ей, как в первом случае; стало быть, и сырье и жизненные средства в качестве собственности ремесленника *опосредствованы* только его ремеслом, его собственностью на орудие труда»³⁸. При этом он обратил внимание на то, что состояние № II, при котором «особый вид труда, мастерство в нем и соответственно с этим собственность на орудие труда равнозначны собственности на условия производства... правда, исключает рабство и крепостную зависимость, но может в форме кастового строя получить аналогичное негативное развитие»³⁹.

Противоположность между двумя видами собственности не была абсолютной. Во введении к первому черновому наброску «Капитала» К. Маркс указывал, что «в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность... в средние века... в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни. Сам капитал в средние века — в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал, — имеет в виде традиционных орудий ремесла и т. д. этот землевладельческий характер»⁴⁰.

Таким образом, в период феодализма ремесленное и городское развитие труда предполагало такой вид собственности, субъекты которой фактически выступали собственниками условий производства. От степени развитости этого вида собственности в том или ином поселении и зависела его «городская» сущность. Труд, основанный на упомянутом выше виде собственности, в конкретно-исторических условиях развития феодального общества на Украине в XVI в. прежде всего связывался с ремесленным производством, промыслами и торговлей. Отсюда, по нашему мнению, феодальным городом в социально-экономическом смысле следует считать такое поселение, в котором насчитывалось не менее нескольких десятков ремесленников, торговцев, жителей, занимавшихся промыслами. В исследуемый период лишь такое поселение могло создать устойчивый товарообмен с обширной сельской округой, а также более отдаленным регионом. К городам, в частности, относились Ковель, торгово-ремесленное население которого составляло 250 человек (36,5 % всех жителей города), Константинов — 119 (23,9 %), Степань — 89 (18,7 %), Торчин — 85 (20,2 %), Соколь — 39 (18,7 %), Литовеж — 38 (15,2 %), Овруч — 38 (21,8 %), Берестечко — 22 (8,5 %), Локачи — 21 (18,7 %) и другие поселения (1570)⁴¹.

Местечками выступали такие населенные пункты, в которых торгово-ремесленное население отсутствовало или же составляло всего несколько человек. По такому признаку к местечкам принадлежали, например, Судилков, в котором в 1570 г. проживал 1 ремесленник (2,7 % всех жителей местечка), Жуков — 3 ремесленника (3,3 %), Острожец — 5 ремесленников

(5,4 %), Вишневец — 7 торговцев (0,7 %) ⁴². Вследствие малочисленности торгово-ремесленного населения роль местечек в общественном разделении труда по сравнению с городами была незначительной.

Как конкретно проявлялся «городской» характер собственности в местечках (а также в городах), благодаря чему они отличались от сел? Какие основные экономические функции выполняли местечки в экономике феодального общества на Украине в XVI в.? Для примера воспользуемся данными реестров 70-х годов XVI в. местечек Голятина и Берестка (Волынь). По реестру «места» Голятина Луцкого повета (1578) в нем насчитывался 91 житель. 27 из них были огородниками, 4 находились на «воле» и проживали под замком. Ремесленная часть населения местечка была представлена двумя бондарями, гончаром, кузнецом, печником, двумя скорняками, тремя хлебниками, а также кабатчиком (владельцем корчмы). Из 12 проживавших в местечке ремесленников 5 являлись огородниками. В целом же ремесленники Голятина составляли приблизительно 13,2 % всех жителей.

Голятинские мещане, имевшие пахотные земли, должны были ежегодно уплачивать владельцу по 6 литовских грошей, давать по маце ржи и овса, выполнять подводную повинность и чинить плотины, а также отбывать 4 барщинных дня во время уборки урожая. При этом мещане Голятина уплачивали в среднем в 2,5 раза меньше денежный чинш и давали в 3 раза меньшие натуральные поборы, чем жители окрестных сел — Звинячего, в котором было 63 крестьянина (дворища) и 20 огородников, Красова (20 крестьян, 1 огородник), Новоставцев (16 крестьян, 9 огородников), Старого Голятина (18 крестьян, 9 огородников). В отличие от мещан подавляющее большинство жителей упомянутых сел ходили на ежедневную барщину.

Количество ремесленников в Голятине и их процентное соотношение со всеми жителями свидетельствуют о том, что производимая ими продукция поступала за пределы местечка. В то же время в примыкающих к Голятину селах ремесло находилось на патриархальной стадии развития. Так, в с. Старый Голятин был только один ремесленник (гончар), а в с. Звинячем — два (кузнец и чеботарь) ⁴³.

Инвентарь «места» Берестка Луцкого повета (1578) зафиксировал 94 жителя, из которых 9 человек зани-

мались ремеслом и промыслами (гончар, кузнец, 2 скорняка, лучник, стрельник, сапожник, арендатор пошлины и корчмы), т. е. 9,5 % всего населения. Основной феодальной ренты в Берестке являлся денежный чинш, взимаемый владельцем за право пользования землей. Он был вдвое меньше чинша, к уплате которого понуждались крестьяне административно относившихся к Берестку сел (Вичина, Волосовой Воли, Зубильного, Старого Берестка, Стиденя), в которых отсутствовали ремесленники. Только в с. Вичин проживал один человек, занимавшийся промыслом (мельничным делом) ⁴⁴. Отсюда видно, что местечко Берестко выступало центром ремесла по отношению к ближайшей сельской округе.

Таким образом, объем повинностей мещан Голятина и Берестка свидетельствовал о том, что они в той или иной степени были наделены экономической самостоятельностью. Определенная часть населения местечек существовала за счет доходов от занятий ремеслом и промыслами, имела собственность на соответствующие орудия труда. Все это дает основание усматривать в названных явлениях характерные черты ремесленного и городского развития труда в период феодализма, что обуславливало специфическую экономическую роль подобных местечек (и еще в большей степени городов) по отношению к сельским поселениям.

Хотя местечки и представляли собой преимущественно аграрные поселения, все же они играли важную роль в экономической жизни феодального общества как торговые центры. Практически каждое местечко служило местом проведения торгов. Однако функция местечек как центров торговли была локальной, поскольку на торги приезжали в основном крестьяне близлежащих сел. В городах же, особенно больших, проводились ярмарки, на которые съезжались купцы из самых отдаленных местностей, а также из-за границы ⁴⁵.

Феодальные владельцы получали большие доходы от местечек, в частности от проводившихся в них торгов и взимания различных пошлин с местного населения и приезжих купцов. Не удивительно, что в актовых документах того времени о разделе, купле-продаже и залоге имений, местечки оценивались гораздо большими суммами денег, чем села. Например, залоговая цена местечка Камень (Каширский) Луцкого повета

была установлена в 17 000 коп литовских грошей, тогда как села Маховичи этого же повета всего лишь в 800 коп литовских грошей, т. е. в 21 раз меньше (1569) ⁴⁶.

Экономический фактор имеет очень важное значение при определении социально-экономической классификации (типологии) городских поселений («город» или «местечко»). Вместе с тем он не исчерпывает сущность и функциональные особенности городских поселений на украинских землях. В связи с этим вполне обоснованным представляется вывод А. П. Грицкевича о том, что одним из критериев определения феодального города является выполнение им функций административного центра повета ⁴⁷.

Населенные пункты, выступавшие крупными административно-политическими и оборонительными центрами (ими были преимущественно поветовые центры), господствовали над подвластными им обширными территориями: в них сосредоточивались местные органы государственной власти, осуществлявшие суд, административное управление, налоговую и финансовую политику, решавшие вопросы обороны вверенных им территорий от вражеских вторжений. Как правило, такие населенные пункты были наиболее важными в своей местности оборонными центрами, в них находились значительные культовые сооружения, а некоторые из них служили резиденцией для церковных иерархов. То есть административно-политические, военные, идеологические функции таких поселений свидетельствовали об их городском статусе.

В местечках также имелись органы административного управления феодального владельца (обычно при замках), сфера воздействия которых охватывала несколько близлежащих сел. Общей отличительной чертой городов и местечек было еще наличие в них фортификационных сооружений — замка и оборонительных укреплений, окружавших само городское поселение.

На основании источников определено, что на украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, насчитывалось около 150 городов и местечек (см. приложение № 1). Из них города составляли приблизительно 45 населенных пунктов. По численности домов их можно подразделить на три группы: I. Малые города (до 200 домов): Белев, Выжва, Заславль, Звенигород, Клевань, Корец, Красилов,

Локачи, Любеч, Межирич, Миляновичи, Несухоежи, Овруч, Острожец, Оручев, Остер, Полонное, Ровно, Тарговица, Чернобыль, Чуднов, Шульжинцы. К малым городам условно можно отнести Белую Церковь и Переяслав, поскольку по этим городам отсутствуют достаточные данные для определения численности их населения; II. Средние города (от 200 до 700 домов): Берестечко, Винница, Владимир, Дубно, Збараж, Житомир, Канев, Ковель, Константинов, Литовеж, Луцк, Олыка, Острог, Соколь, Степань, Торчин, Турийск, Черкаassy; III. Крупные города (свыше 700 домов): Брацлав (до разорения города турецко-татарскими завоевателями в 1552 г.), Киев, Кременец⁴⁸.

Если исходить из предположения, что одна мещанская семья в то время состояла как минимум из шести членов, то городов с населением до 1,2 тыс. жителей насчитывалось 24; от 1,2 до 4,2 тыс. жителей — 18; свыше 4,2 тыс. жителей — 3. Самым большим городом украинских земель исследуемого региона был Киев, в котором проживало около 6 тыс. жителей⁴⁹.

Местечек было в 2,3 раза больше, чем городов (103 населенных пункта). Численность домов в местечках колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен. Например, в Порицке насчитывался 31 дом, Судилкове — 37, Берездове и Тучине — по 38, Боремле — 42, Жукове — 89, Белогородке — около 100, Звягеле — 161, Муравице — 193 и Вышгородке — 229 домов⁵⁰.

Наличие множества местечек и мелких городов — явление, типичное и для западноевропейских стран периода средневековья. Крупные города (с населением свыше 5 тыс. жителей) в Западной Европе XIV в. составляли около 5 %; средние (от 2 до 5 тыс. жителей) — не более 20 %; мелкие и мельчайшие (от нескольких сотен до 2 тыс. жителей) — около 75 % общей численности городов⁵¹.

В XVI в. географическое расположение городских поселений на Украине было неравномерным. Процесс формирования сети городов и местечек существенно осложнялся вследствие постоянных и опустошительных турецко-татарских вторжений, от которых особенно страдало население Брацлавщины и Киевщины. Это послужило причиной того, что в Брацлавском и Киевском воеводствах было сравнительно немного городов и совсем мало местечек. Так, на Брацлавщине к городам относились всего два населенных пункта — Брацлав и Винница, к местечкам четыре — Звениго-

род, Мизяков, Пиков и Тивров. На территории этого воеводства находились также несколько городищ и небольших замков, в частности Бершадь, Дашев, Животов, Ильинцы, Караул, Ситковцы, Тимолов, Чурилов, Ямполь. В XVI в. городища представляли собой чаще всего остатки укреплений с застройкой некогда существовавших поселений. При благоприятных условиях они заселялись и нередко перерастали в местечки или города.

Специфической чертой городов Восточной Подолии было то, что они выполняли функции «украинных замков», т. е. являлись передовыми форпостами на пути вторжений отрядов неприятеля, двигавшегося вглубь Украины. Это сказывалось на всем укладе жизни мещан, поскольку им приходилось много внимания уделять обороне города. В Брацлавском и Винницком замках существовала налаженная система сторожевой службы. Например, винницкий староста нанимал четырех сторожей и «кликунов», несших караульную службу в Винницком замке. Им предписывалось «в ночи на замку кликати, а в день стеречи». Со своей стороны жители города нанимали сторожей для охраны собственно городских укреплений (ostroга). Кроме того в период летних полевых работ винницкие мещане выставляли конные разъезды в урочище Четыре Могилы, расположенном в одной миле от города, а также в более отдаленной Гуменной Дуброве. Всем мещанам вменялось в обязанность иметь «ку службе военной кони» и по приказу местного старосты или его урядника выступать в поход. В случае возникновения военной угрозы мобилизованные на военную службу жители Винницы становились лагерем в степи на путях вероятного продвижения турецко-татарских отрядов⁵². Впрочем винницкие и брацлавские казаки не дожидались появления неприятеля, а сами часто делали «зацепки» в «турецкой земле»⁵³.

На Киевщине сеть городских поселений была более разветвленной, чем на Брацлавщине. Так, в Киевском воеводстве городами являлись 11 населенных пунктов — Киев, Житомир, Канев, Черкассы, Белая Церковь, Любеч, Овруч, Остер, Переяслав, Чернобыль и Чуднов. Местечек насчитывалось 10 — Белогородка, Городище, Ивница, Левков, Олевск, Полищенцы, Романов, Топорище, Хабное, Черняхов. На территории Киевщины было немало городищ, которые во второй половине XVI — начале XVII вв. превратились в го-

родские поселения (Васильков, Вышгород, Котельня, Сквиря и др.).

Большинство же городов и местечек украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, концентрировалось в Волынском воеводстве, которое было сравнительно лучше защищено от турецко-татарской агрессии. На конец 60-х годов XVI в. на Волыни было 32 города — Кременец, Берестечко, Владимир, Дубно, Збараж, Ковель, Константинов, Литовеж, Луцк, Олыка, Острог, Соколь, Степань, Торчин, Турийск, Белев, Выжва, Звенигород, Заславль, Клевань, Корец, Красилон, Локачи, Межирич, Милянновичи, Несухоежи, Острожец, Оручев, Полонное, Ровно, Тарговица, Шульжинцы. Еще больше было местечек — 89 населенных пунктов.

Феодальные владельцы Волыни часто получали королевские грамоты на преобразование своих сел в местечки, строительство замков и основание местечек на новом месте. Однако далеко не всегда подобные локационные акты были осуществимы на практике. Нередко новооснованные местечки исчезали в огне губительных вторжений орд татарских ханов или в силу различных причин превращались в села. Тем не менее процесс возникновения новых городов и местечек активно продолжался в течение всего XVI в. и в более поздний период. Так, существовавший в 40-х годах XVI в. в Кременецком повете «замочок» Волочищи в начале 90-х годов XVI в. выступает в источниках уже как «место з замком», к которому административно относились 7 близлежащих сел. В начале 80-х годов XVI в. на р. Случь появился «новозбудованный» замок и было основано «место» Базаля. Во второй половине XVI в. на территории Кременецкого повета возникли такие «места» и «местечки», как Видов, Воробиевцы, Краснополь, Любартов, Острополь, Панасовка и др.⁵⁴ В тот период значительно увеличилось количество городских поселений на Брацлавщине и Киевщине, где появились Немиров, Куна, Кублич, Чернеевцы, Корсунь, Чигирин, Васильков, Стеблев, Триполье, Фастов, Прилуки, Погребище и много других городов и местечек⁵⁵.

Одновременно с расширением сети городов и местечек увеличивались размеры городских поселений. Например, если в 1576 г. в Константинове насчитывалось 340 налогоплательщиков, то через 17 лет (1593) их было 537 человек⁵⁶. Согласно реестра константи-

новских имений князя К. Острожского, составленного в 1593 г. после татарского вторжения на Воынь, в «местах» Красилов, Острополь и Любартов было соответственно 100, 107 и 112 налогоплательщиков. Гораздо больше мещан проживало в местечке Кузьмин, в котором насчитывалось 5080 налогоплательщиков, а также Краснополе, где было 2000 налогоплательщиков⁵⁷.

Таким образом, в XVI в. в связи с более быстрым ростом на украинских землях товарно-денежных отношений появились десятки новых городских поселений. По социально-экономическому признаку они подразделялись на города и местечки. Городами являлись поселения, в которых насчитывалось несколько десятков ремесленников, торговцев, жителей, занимавшихся промыслами, а также важные административно-политические центры (в том числе центры поветов). Местечки имели локальное значение как торгово-ремесленные и административные центры. Численность торговцев и ремесленников в них чаще всего составляла всего несколько человек. Важной отличительной чертой, характерной как для городов, так и местечек, было наличие в них оборонительных укреплений.

2. СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Население городов и местечек Украины увеличивалось за счет трех основных источников: притока переселенцев и беглых феодально зависимых крестьян, естественного прироста. Мещанская семья, состоявшая из шести-семи членов, была обычным явлением. Например, у большинства семейных мещан из Полонного, занятых на транспортировке поташа на берег Буга и других работах (начало 60-х годов XVI в.), было по четыре-пять взрослых сыновей и дочерей (не считая их жен и малолетних детей): у Грицка Владычки, Ярошина, Савки-слесаря — по три сына и одной дочери; Конаша и Малка — по два сына и две дочери; Ярмольца Киселевича — три сына, две дочери; Степанца — два сына, три дочери; у Стецка — четыре дочери⁵⁸.

Вместе с тем естественный прирост населения не играл решающую роль в увеличении численности городских жителей, поскольку при феодализме на росте

населения городов сказывались набеги кочевников, эпидемии, голод, пожары, другие стихийные бедствия, уносившие тысячи человеческих жизней.

После превращения в 1475 г. Крымского ханства в вассала Османской империи началась полоса вторжений орд татарских феодалов на украинские земли. В частности, такие набеги совершались в 1489, 1493, 1502—1503 гг.⁵⁹ По свидетельству летописца, в 1491 г. «приходиша татарове завольскыи на Волынскую землю десять тысящ, много зла сътвориша у Волинской земли и в Лядской... а людей по местом и по селом, и по дорогам без числа посекли и в полон побрали»⁶⁰. В 1501 г. крымцы хана Менгли-Гирея во время разбойничьего набега на «Литовскую землю» захватили 50 тыс. человек «полону»⁶¹.

В таких условиях восстановление хозяйства и рост населения городов происходили прежде всего за счет переселенцев, а также пополнения мещанского сословия беглыми-крестьянами. В городах проживало весьма большое количество новоприбывших поселенцев — «прихожих». Например, в Кременце в 1563 г. такая категория жителей составляла около 10 % всего населения города. Большинство членов мещанской общины в Житомире в 1552 г. составляло пришлое население — $\frac{3}{4}$ всех жителей. Многие из них прибыли в город из Овруча, Полонного, Милятина, Корца, Слободищ, Луцка. В Житомире проживало также много выходцев из Белоруссии — из Бобруйска, Турова, Мозыря, Слуцка, Копыля⁶². Аналогичное положение было и в других городах Украины. Так, в течение первой половины XVI в. численность населения Львова увеличивалась в основном за счет переселенцев⁶³.

Активная миграция населения на украинских землях способствовала быстрому увеличению заселенности городов. Так, за период с 1545 по 1552 г. в Виннице количество домов возросло с 274 до 511 — более чем в 1,8 раза; в Брацлаве — с 442 до 770 (до опустошения города кочевниками), т. е. в 1,7 раза. В 1565—1566 гг. количество налогоплательщиков в Луцке увеличилось на 22 человека (на 6,3 %). Характерно, что почти все новоприбывшие являлись ремесленниками: 4 пивовара, 3 перепечая, 3 скорняка, 2 оснача, 2 сапожника, кузнец, портной, скрипник, стригольник, цирюльник и шорник⁶⁴. Разоренным городам, правда, не всегда удавалось полностью восстановиться после постигавших их ударов. Так, если в 1519 г. в Овруче

было 500 мещанских домов, то в 1545 г. всех домов насчитывалось около 200⁶⁵.

Поскольку в период феодализма основным источником, за счет которого пополнялось городское население, было крестьянство, государство, исходившее из интересов господствующего класса, пыталось законодательно регламентировать переходы зависимого крестьянства в города, что отразилось в соответствующих статьях Литовских статуты 1529 и 1566 гг. (артикул 12, разд. XI и артикул 12, разд. XII)⁶⁶.

Однако бежавшие крестьяне находили в городе надежное убежище. Многочисленные иски феодалов по поводу возвращения их «отчичов» оставались преимущественно безрезультатными. Так, в 1569 г. несколько крестьян из с. Козятин (Волынь), принадлежавшего подканцлеру Великого княжества Литовского Остафию Воловичу, не выдержав «тяжких работ», бежали вместе с семьями в местечко Рожище (Луцкий повет). Войт и рожищенские мещане отказались выдать их феодалу. В 1568 г. из с. Малев (Волынь), феодальным владельцем которого был маршалок Петр Загоровский, в г. Тарговицу (Луцкий повет) бежал ремесленник-седельник. Тарговицкий войт ответил отказом на требование феодала возвратит бежавшего крепостного. В 1565 г. в новообразованный город князя К. Острожского Константинов, располагавшийся в Кременецком повете, бежало более 80 крестьян шляхтича Мышки-Варковского, которых этот феодал тщетно пытался вернуть. Также безуспешно закончились попытки князя А. Курбского возвратит более 100 крепостных, бежавших в новоосаженный город Соколь, находившийся в Луцком повете (1566)⁶⁷.

Влияние товарно-денежных отношений на экономическую жизнь городов и местечек Украины приводило к углублению социальной дифференциации мещанства, усилению его поляризации на богатых и бедных. Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» дал классическое определение социальной структуры населения средневекового города, указав на три основных группы городских жителей: патрициат, бюргерство и плебс⁶⁸. В целом эта характеристика применима и к феодальным городам Украины исследуемого периода. При этом необходимо отметить, что подобная социальная структура населения наиболее рельефно выступала в экономически развитых больших и средних городах.

✓ На вершине социальной лестницы в украинских городах находилась сравнительно немногочисленная, но самая богатая купеческо-ростовщическая верхушка, зажиточные магистратские урядники. Часть городского населения относилась к «поспольшеству» — среднему слою горожан, которые имели городское право: средние и мелкие торговцы, ремесленники, лица, занимавшиеся промыслами и сельским хозяйством. Очень большую группу населения городов (часто большинство горожан) составляла беднота, плебс: малоимущие и разорившиеся ремесленники, торговцы, мещан-коморники, жители, проживавшие в убогих хижинах — «халупах», батраки, нищие, деклассированные элементы.

Социальная дифференциация характерна и для малых городов, а также местечек, что подтверждают данные о налогообложении мещан. Так, в г. Острожце (Луцкий повет) из 92 мещан-налогоплательщиков 12 человек уплачивали по 2 гроша, 25 человек — по 4, 44 человека — по 10, 3 человека — по 12, 4 человека — по 20 и 4 человека — по 24 гроша; в местечке Судилков (Кременецкий повет) из 37 налогоплательщиков 7 человек уплатили по 2 гроша, 11 человек — по 4, 18 человек — по 10 и 1 человек — 24 гроша (1570) ⁶⁹.

Наиболее четко социальная дифференциация проявлялась в средних и больших городах, которые, как правило, представляли собой значительные торгово-ремесленные центры. По данным источников, к началу 1571 г. около трети налогоплательщиков Киева составляло неимущее население — 304 человека, уплачивавшие налог в среднем от 2 до 6 грошей (большинство остальных жителей платило по 16 грошей). Наиболее зажиточные мещане облагались значительно большим налогом. Так, с 18 владельцев комяг взималось по 1,5 золотых польских. Мещанин Никита Богданович от двух комяг платил 3 золотых, стрелец Апошнян от своих доходов уплачивал по 24 гроша. Некоторые богатые мещане Киева приобретали феодальную собственность. Например, в 70-х годах XVI в. мещанин Василий Кривкович купил с. Юревич, принадлежавшее шляхтичам Гордею и Потею Суринам ⁷⁰.

В г. Турийске (Владимирский повет) насчитывалось 33 человека мещан-коморников, находивших пристанище у горожан-домовладельцев. К ним относились также беднейшие городские жители, ютившиеся в убогих хижинах (халупах). О таких мещанах в налоговых

документах обычно отмечалось: «...убозство, ничего не маст, только халуца, ничего взять». Самой многочисленной группой населения Турийска были жители, уплачивавшие налог в размере 3—5 грошей. К ним относились 108 человек. Турийских мещан, с которых взималось по 13—15 грошей, насчитывалось 37 человек; 23—25 грошей — 30 человек; 40 грошей уплачивал лишь 1 житель города (1570) ⁷¹.

Множество неимущих и обездоленных мещан было наиболее характерной приметой каждого города и местечка Украины. Например, в Оручеве (Владимирский повет) третью часть жителей составляли убогие халупники — 26 человек; около трети в Константинове — 136 человек; более половины в Берестечке (Луцкий повет) — 133 человека (1570). Немало бедняков было в городах и местечках Луцкого повета — Остроге, Ровно, Берездове, Жарнове, Полонном, Корце, Межириче, Тарговице, Кременецкого повета — Вишневце, Колодном, Красилове, Янушполе, а также в Несухоежах (Владимирский повет), Овруче (Овручский повет), Черняхове (Житомирский повет) и др. ⁷²

Городские низы составляли основной контингент наемных работников на промыслах, гнули спину на богатых купцов и ростовщиков. Так, во Владимире разбогатевшие жители города держали в своих домах прислугу — челядь. Во время вооруженного наезда шляхтича Николая Лысаковского на предместье Владимира (январь 1569 г.) «мещаны з жонами, з детьми и с челядью з домов своих повтекали» ⁷³. Как явствует из налоговых списков населения Луцка (60-е годы XVI в.), в течение многих лет «работниками» числились мещане Савка, Волос, Павлюк, Пархомец, Матфеец, Мацко, Сенко; возницами — Тимко, Мартинец, Андрей, Васко. Труд наемных работников эксплуатировали также богатые жители местечек. Из бедного населения городов чаще всего рекрутировались нищие и уголовные элементы, которых особенно много было в средних и больших городах — «люди люзные, костыри... и иные збытечные в месте без службы мешкают» ⁷⁴.

В великокняжеских городах проживало сравнительно немногочисленное венно-служилое население, состоявшее из старостинских слуг, путных бояр, замковых пушкарей, личного состава военных гарнизонов. В источниках они упоминаются как слуги, стрельцы, севрюки, драбы. В середине XVI в. служилые люди

все больше вовлекались в производственную сферу. Они играли определенную роль в ремесленном производстве, промыслах, занимались земледелием. Например, из 53 замковых слуг и драбов, проживавших в Каневе (1552), было 3 портных, 2 шинкаря (кабатчика), скорняк, кузнец и охотник. По данным источников, к началу 70-х годов XVI в. в Киеве проживал 21 сердюк: среди них 2 золотаря (ювелира), лучник и владелец большого участка пашни. В Любече (Любечский повет) из 23 драбов 8 человек занималось ремеслом: 3 — выполняли кузнечно-слесарные работы (пушкари), остальные — представляли профессии лучника, седельника, скорняка, кузнеца и чеботаря; в Житомире все проживавшие в городе «путные» бояре (7 человек) располагали большими участками пашни; 9 овручских «путных» бояр также преимущественно занимались ведением сельского хозяйства ⁷⁵.

В XV—XVI вв. на украинских землях наиболее тяжелый крепостнический гнет был на Волыни, Галичине, Западной Подолии. Феодално зависимые крестьяне бежали с этих мест в южные и восточные земли Украины, в частности в южную часть Киевского и Брацлавского воеводств, где крепостнический гнет был сравнительно слабее. В этих районах появилось много казаков, сыгравших важную роль в хозяйственном освоении новых земель, в антифеодальных выступлениях народных масс, освободительной борьбе и защите украинских земель от агрессии турецко-татарских феодалов.

Больше всего казаков сосредоточивалось в районе Канева и Черкасс ⁷⁶. Часть казацкого населения жила в городах сезонно. Например, в описи Черкасского замка 1552 г. отмечено, что «окром осилых бояр и мещан бывают у них прихожие козаки». Зимой того же года в городе квартировалось 250 казаков, т. е. почти столько, сколько в Черкассах было оседлого населения. В остальное время казаки, среди которых имели место социальное расслоение и имущественное неравенство, занимались ухаживательными промыслами, предпринимали военные походы против кочевников и др. Немало их находилось на постоянном жительстве в городе (особенно в Каневе), где они батрачили у зажиточных горожан («служат в местах в наймех бояром, або мещаном»). Казаки понуждались местными старостами к различным работам, подносили им «колядки». В Киеве на казаков, как и на иногородних купцов, распро-

странялось правило, согласно которому «козак, або який кольвек гость, хто до Києва зверху, з низу, або з заполья приедеть, повинен дати каждый обвистки наместнику воеводиному грош»; в Виннице казаки платили подстаросте по 3 гроша (1552). Небольшие группы казаков проживали также в городах Воыни. В частности, на это указывает тот факт, что среди жителей Кременца было 2 казака (60-е годы XVI в.)⁷⁷.

В больших торгово-ремесленных центрах выделилась богатая верхушка городских жителей — крупные купцы и ростовщики, состоятельные магистратские урядники. В социальном и имущественном отношении между представителями богатых и городскими низами лежала огромная пропасть. Например, богатый житель г. Степань войт Грин имел 2200 коп литовских грошей, а также различные драгоценности: жемчуг, ювелирные изделия из золота, серебряную посуду, дорогую одежду и др. (1569). Принадлежавшая к богатой верхушке Луцка купеческо-ростовщическая фамилия Мисановичей располагала десятками тысяч коп литовских грошей, вкладывала их в экспортную торговлю зерном, рыбой, поташем, другими товарами, приобретала земли. Наравне с Мисановичами выступал луцкий войт Иван Борзобогатый-Красенский; немногим уступал им член магдебургского самоуправления Луцка Василий Лукьянович. По общественному и имущественному положению к ним примыкали Ганибель Влох, Василий Капля, Зранл Абрамович из Владимира, Аврашкович, Олехно Скуйбеда, Перец Лазорович и другие, проживавшие в Ковеле, Олыке и Торчине⁷⁸.

К привилегированной части населения великокняжеских городов относились светские и духовные феодалы, имевшие там свои дома, подданных, владевшие большими участками городской территории. Уже в середине 40-х годов XVI в. в Луцке имели дома около 40 феодалов, во Владимире — 21. Немало представителей господствующего класса проживало и в других городах. Например, в Виннице их было 39, в Овруче — 47 (данные за 1552 г.). Большой экономической силой располагали многочисленные киевские монастыри, прежде всего наиболее богатые из них — Печерский, Софийский, Михайловский Златоверхий, Никольско-Пустынный, Выдубицкий. Они получали широкие хозяйственные льготы от государственной власти Великого княжества Литовского. Так, в 1506 г. великий князь литовский Сигизмунд I удовлетворил просьбу

монахов Никольско-Пустынного монастыря, хлопотавших о подтверждении своего права на мельницу, устроенную на р. Дарница ⁷⁹. Духовные феодалы ревностно следили за соблюдением своих привилегий. Так, в 1560 г. Печерский монастырь вел судебную тяжбу с киевским магистратом и всеми мещанами, стремясь заставить жителей города исправно платить пошлину за провоз товаров через монастырское имение Навоз, расположенное на Днепре ⁸⁰.

Как правило, проживавшие в городе шляхта и крупные феодалы не подлежали юрисдикции городского самоуправления. Феодалное государство, в ущерб мещанскому сословию, предоставляло феодалам различные экономические льготы. Например, в 1568 г. королевский дворянин Василий Коляда получил от высшей государственной власти Великого княжества Литовского привилегию, согласно которой «плац з домом в месте Луцком в рынку лежачий» освобождался от всех налогов, а также административно-судебной зависимости от магдебургского самоуправления: «Васыль Коляда сам, жона, дети и потомки его с того плацу и дому... не мают и не будут повинни николы и ни в которых речах перед врядом местским, то есть войтом, бурмистром и радцами оного места Луцкого становити и никому в отказе быти, и усправедливлитися одно перед замковым врядом тамошним и то не иным только земским шляхетским правом» ⁸¹.

В начале 60-х годов XVI в. в Кременце насчитывалось более трех десятков феодальных владельцев, за получивших на льготных условиях значительные участки городской территории и находившиеся вблизи города сельскохозяйственные угодья. Если у бедных мещан размер городского участка — «плаца» — по площади часто не превышал 1 прута, то землянка Михайлова Скубедрина захватила 24,5 прута городской территории. В большинстве случаев плацы, пребывавшие под контролем феодальных владельцев, освобождались от уплаты всех повинностей. Например, боярин Рой имел в Кременце плац площадью в 2 прута, который освобождался от государственного налогообложения и других повинностей. На таких условиях принадлежали плацы боярам Несвицким — 6,5 прута, Гасану — 12, князю Збаражскому — 2, шляхтичам Гостским, землянам Ледаховскому — по 3, Лосятинскому, Сенюте, Шумскому и Андриюшко — по 4, Еловицкому — 3,5, Ивану Березейскому — 5 протов. Такие при-

вилегии распространялись на духовных феодалов, беспошлинно владевших городскими плацами и сельскохозяйственными угодиями, — священников Пятницкой, Никольской, Пречистенской, Троицкой, Воскресенской церквей, католического плебана ⁸².

На городских землях феодалы возводили для себя роскошные хоромы, различные хозяйственные постройки и др. Селились они обычно в лучших частях города, часто на территории замка, где они искали защиту не только от нападений кочевников, но и от социального протеста народных масс. Например, в 1561 г. княгиня Анна Масальская за долг 150 коп литовских грошей заставила своему мужу — князю Андрею Масальскому — «дом свой властный отчизный никому ничим не винный... лежачий в замку Луцком под стеною мурованою, противку костела... межи дома панов Чапличов и пана Рудецкого. Тот дом всей з будованем дворным, з светлицею и з сеньми, и з коморою на подрубе, з гриднею, з стайнею и с плацом» ⁸³.

По этническому признаку большинство городских жителей относились к местному украинскому населению. В частности, об этом свидетельствует тот факт, что наиболее распространенными именами и фамилиями (прозвищами) в среде городских жителей были такие, которые традиционно бытовали среди украинского этноса. Например, Калиш Петрович, Лучка Похилый, Павлюк Крутоус, Наум Плющ, Миско Халява, Костюк Пашкович, Миско Кислович, Антон Воронович, Федько Товстоногович, Микита Листопад, Иван Дашкович, Иван Чорт, Опанас Кондратович, Грицько Половко, Мартинец Сало, Матвий Величко, Иван Легонович, Микита Богданович, Иван Рудый, Иван Бух, Дмитро Шотыга, Иван Гришкович, Миско Ботуга, Богдан Попович, Григорий Посолейко, Федор Бутович, Федот Цыбулька, Иван Плескач, Ходко Жало, Федько Чорный, Ходко Неколодко, Василий Кривый, Степан Пиво, Богдан Потапович и др. ⁸⁴

То, что эти имена и фамилии принадлежали коренному населению украинских земель, подтверждает также их распространенность среди крестьянских масс в исследуемый период. Например, типичными крестьянскими именами и фамилиями были такие: Федько Юхимович, Иван Лаврикович, Степан Омелянович, Миско Дудка, Васько Чалый, Петрик Полозович, Федец Дроневиц, Юско Левкович, Сенко Романович, Иванец Куликович, Иван Мацько, Гнат Пашкович, Тишко Хомич,

Максим Бабич, Пашко Кривый и др.⁸⁵. Как видим, мещанские и крестьянские имена и фамилии в ряде случаев тождественны. В целом они родственны по своему происхождению и этимологии.

Очень много фамилий (прозвищ) мещан происходило от названий их профессиональных занятий, прежде всего ремесленных: Барбер, Бондар, Золотар, Иконник, Коваль, Котляр, Кушнир, Крамар, Пострыгач, Пушкар, Ризнык, Рымар, Солодовник, Слюсар, Тесля, Шаповал, Швець и др.⁸⁶

Кроме украинцев, в городах проживали русские, белорусы, а также поляки, литовцы, евреи, молдаване, чехи, немцы, турки, армяне, представители других народностей. Так, в 1545 г. в Кременце наряду с коренным украинским населением проживало небольшое количество чехов, немцев, поляков и литовцев. В начале 60-х годов XVI в. в этом городе различные этнические группы составляли около 13 % всех жителей. Среди них евреев было 67 человек, поляков — 12, белорусов — 6, турков — 5, русских — 4, немца — 3, литовца 2, молдован — 1, чех — 1⁸⁷. В 1565 г. в Луцке насчитывалось 39 евреев, 8 русских, в городе проживали также семьи армян, поляков, литовцев и цыган. В середине XVI в. в Житомире также проживало незначительное количество представителей других народностей, в том числе 9 белорусов, литовец, турок; в Каневе — 4 татарина, 2 молдаванина; в Черкассах — 2 татарина, русский, белорус, молдаванин и турок. В Остроге обосновалась небольшая колония татар. В Турийске в 1570 г. жило 3 татарина и литовец, в Несухоежах — немец⁸⁸. Среди представителей различных народностей, проживавших в Киеве в 1571 г., больше всего было белорусов — 20 человек, которые прибыли из Орши, Кричева, Могилева, Бобруйска и других белорусских городов. В Киеве проживали также русские, представители польской, турецкой и других народностей. Незначительное количество выходцев из других земель, по сравнению с местным украинским населением, проживало и в других городах, например в Овруче, Остре, Чернобыле⁸⁹.

Таким образом, население городов Украины пополнялось в основном за счет переселенцев и беглых крепостных. Городское население состояло из трех основных групп: богатой верхушки, посольства и бедноты. Социальные грани между различными группами городских жителей особенно резко проявлялись в больших торгово-ремесленных центрах. В великокняжеских го-

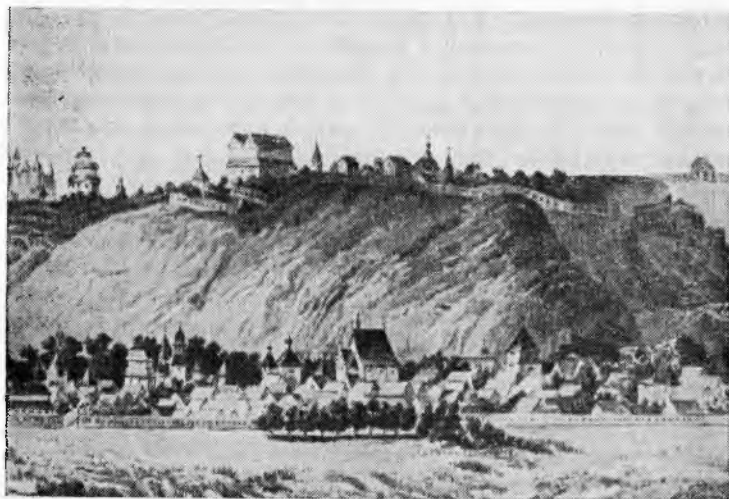
родах проживали также другие социальные группы населения, не входившие в мещанскую общину (исключение составляли казаки, проживавшие в некоторых городах): светские и духовные феодалы, являвшиеся самой привилегированной группой населения городов; военнослужащие гарнизонов, часть которых занималась ремесленной или промысловой деятельностью; казаки, чаще всего находившиеся на положении городской бедноты. Основная масса городского населения состояла из украинского населения. В городах Украины проживали также выходцы из Русского государства, белорусских земель, а также поляки, литовцы, евреи, молдаване, чехи, армяне, немцы, представители других народностей.

3. АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЗАСТРОЙКИ ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК И ИХ ФОРТИФИКАЦИЯ

Планировка и массовая застройка городов и местечек в исследуемый период определялись как социально-экономическими факторами, так и необходимостью организации надежной обороны поселений. Поэтому основными элементами их плановой структуры выступали укрепленная цитадель (замок) и «место» — собственно городское поселение.

В городской застройке, особенно при сооружении главных укреплений, четко выступала тесная взаимосвязь с ландшафтом. Как правило, при выборе места для возведения замка, трассировании укреплений и застройке улиц учитывались такие его особенности, как мысы, высокие холмы, естественные овраги, реки и их притоки. Замки обычно располагались несколько особняком от поселений и занимали стратегически наиболее важную высоту (планировка Киева, Переяслава, Канева, Черкасс, Луцка, Кременца и др.).

У замков в виде отдельных секторов велась застройка улиц самого поселения. Примером такой плановой структуры может служить застройка Брацлава. В середине XVI в. Брацлавский замок стоял на высоком мысе, ограниченном с одной стороны Южным Бугом, с другой — его притоком р. Пуцовкой. Мыс со стороны Южного Буга заканчивался крутой и обрывистой скалой. Длина замка составляла 36, ширина — 28 сажней. С напольной стороны к замку примыкал обнесенный острогом город, в котором насчитывалось 730 до-

Замковая гора со стороны Подола в Киеве.
Фрагмент рисунка А. ван Вестерфельда. 1651 г.

мов. В некоторых случаях основное укрепление (замок) сооружалось в петле реки, среди заболоченной местности (планировка Дубно, Константинова (Колищенец) ⁹⁰.

В планировке самого крупного города украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, — Киева выделялось три основных центра, которые в целом составляли единый городской организм. Наиболее важным из них был Нижний город (Подол), поскольку он имел наиболее развитую социальную и экономическую структуру, присущую феодальному городу. В источниках конца 60-х — начала 70-х годов XVI в. эта часть Киева собственно и называется «местом». Планировка Нижнего города, как и всякого феодального города, развивалась медленно, в течение не одного десятилетия, в чем-то оставалась консервативной. Поэтому большой научный интерес представляют материалы и план Киева, составленные французским инженером Ги де Бопланом в период между 1630 и 1638 г.

Несомненно, что и в первой половине XVII в. Киев сохранил основные черты планировки, присущие ему во второй половине XVI в. Судя по собранным Ги де Бопланом материалам, Нижний город простирался вдоль Днепра приблизительно на 4000 шагов, расстоя-

ние от его укреплений со стороны реки до подножья киевских холмов составляло около 3000 шагов. В плане Нижний город приближался к неправильному треугольнику. Главным композиционным центром застройки выступала рыночная площадь. Планировка улиц была нерегулярной. Вместе с тем в ней прослеживалась ориентация на Днепр. Улицы застраивались деревянными домами усадебного типа. Высотными архитектурными сооружениями внутренней застройки являлись культовые здания⁹¹. В Нижнем городе проживала основная масса мещан, там размещалось самоуправление по магдебургскому праву, неподалеку был речной порт. Вокруг города тянулся деревянный острог, у которого проживали беднейшие мещане магистратской, замковой и монастырской юрисдикции.

Вторым по значению районом концентрации населения Киева была местность, примыкавшая к Печерскому монастырю. Вблизи его стен возводилось немало домов монастырских подданных, в том числе ремесленников. Наконец, третьим городским центром представлен Киевский замок, игравший важную роль в обороне города. Существенное значение имели его административно-политические и идеологические функции — в замке находилась резиденция киевского воеводы, а также действовало несколько церквей. Территория этой части города была сравнительно мало заселена. Тем не менее здесь находилось определенное количество постоянного населения, в том числе ремесленников. Земли в верхней части города мещане использовали также для сельскохозяйственных нужд. Например, вблизи Михайловского монастыря и у Крещатика находились пашни⁹².

Не только в Киеве, но и в других городах и местечках Украины рынок все больше превращался в организующее звено внутренней планировки поселений. Это было естественно, поскольку он являлся центром экономической и общественно-политической жизни феодального города. От рыночной площади в разные стороны расходились городские улицы. Появление элементов радиально-кольцевой планировки обуславливалось разными причинами. В частности, этому служили система городских укреплений с воротами, наличие городских площадей в центре города, вокруг церквей и въездных ворот⁹³. За городскими укреплениями — «парканом», «острогом» — начинались улицы неукрепленного предместья.

Такую планировочную структуру имел, в частности, поветовый центр Волынского воеводства город Кременец. Главным композиционным центром его планировки, сложившейся к началу 60-х годов XVI в., стала рыночная площадь. На ней размещались несколько десятков торговых лавок, а также здание ратуши, в котором собирались представители городского самоуправления по магдебургскому праву. В выходявших на рыночную площадь домах преимущественно селились наиболее богатые мещане, шляхта. От рынка начиналось несколько улиц, которые тянулись до «паркана» — Горная, Средняя, Жидовская, Воскресенская, Жолобовская, Средняя (вторая), Великая Вишневецкая. Приближавшаяся к радиальной планировка улиц сохранялась лишь в пределах укреплений. В предместье улицы размещались свободно, в соответствии с хозяйственными нуждами мещан и с учетом особенностей ландшафта. Например, улицы Великая и Грушвицкая шли от города к острогу, прикрывавшему предместье. Две улицы ориентировались наручей (Над Поток и Малая), Боярская улица тянулась от ручья под замковую гору. Предместье Кременца населяли в основном новоприбывшие и незажиточные мещане, ремесленники⁹⁴.

Основным элементом застройки улиц в городах и местечках были дома усадебного типа. На приобретенных участках городской территории — плацах — мещане возводили дома и различные постройки хозяйственного и производственного назначения. В частности, это были истебки, использовавшиеся преимущественно для содержания птицы, поветы — сплетенные из лозы сараи, а также некоторые ремесленные мастерские и другие постройки. Например, владимирский мещанин Олехно Воронович у тыльной стороны своего дома соорудил баню с сеньми и кузницу, стены которой были глинобитными (1566). Примечательно, что усадебно-дворовая застройка является одним из важнейших археологических признаков древнерусского города⁹⁵.

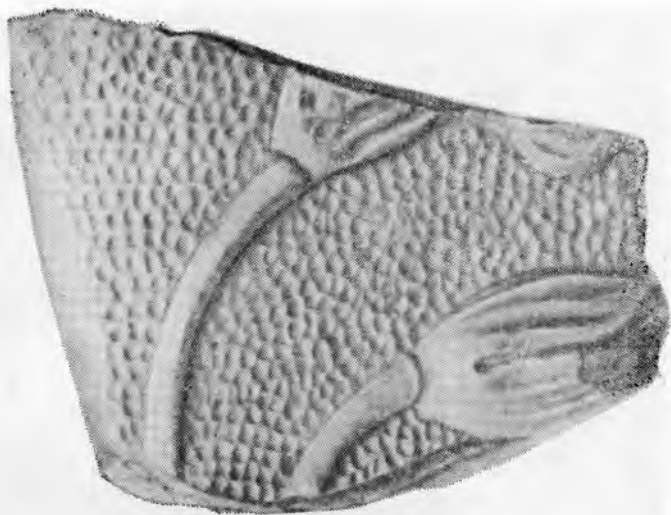
Жилые дома обычно возводились из дерева. В них могло быть несколько помещений, в том числе жилых комнат. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что многие мещане Луцка в 60-х годах XVI в. являлись владельцами одной половины дома⁹⁶. Конструктивные особенности домов, характерные для массовой застройки городов и местечек, можно проследить на

Изразец из Киева. XV в.

основании описей жилищ на территории великокняжеских замков и относившихся к ним дворов (середина XVI в.). Из них явствует, что двухкамерные дома в отдельных случаях имели характер срубов-пятистенков, перегороженных внутри срубной стеной. В каждой из комнат устраивалась печь с дымоходной трубой. Другим типом многокамерных жилищ были дома на две жилые комнаты — светлицы, в которых размещались такие же печи. Светлицы разделял общий коридор — сени. У входа в дом строилось крыльцо — ганок. Покрытием для домов служила дранка (колотые дощечки) ⁹⁷.

Кроме светлиц, сеней и ганка во многих домах имелась комора, представлявшая собой помещение, где хранилось наиболее ценное имущество мещан. Поэтому двери коморы, как правило, снабжались внутренними или висячими замками. Коморы строились и отдельно от жилых домов. Часто их владельцы сдавали коморы взаем мещанам, которые нуждались в жилье. Наиболее простым и примитивным типом жилища была так называемая халупа. Конструктивно халупы мало чем отличались от истебок, являвшихся облегченными хозяйственными постройками. Об этом свидетельствует

Фрагмент изразца из Києва. XVI в.

то, что термины «истебка» и «халупа» в источниках не всегда дифференцируются и выступают как синонимы. В подобных жилищах проживали беднейшие мещане, по существу, нищие. В одном из налоговых документов начала 70-х годов XVI в. о таких мещанах отмечалось: «...сами пробоч просят, ничего не мают»⁹⁸.

Дома богатых горожан, а также феодальных владельцев имели несколько жилых и хозяйственных помещений. Дворы феодалов в городах обносились высокими и крепкими заборами, что, впрочем, не всегда спасало их владельцев от социальной борьбы мещанства. Например, в 1568 г. владимирские мещане Илько Воронович, Миско Огородникович, Завада и многие другие с оружием в руках ворвались во двор шляхтича Станислава Граевского, сокрушив при этом ворота. Судя по жалобе дворянина Богдана Дешковского, вассала Граевского, в доме этого богатого шляхтича кроме нескольких жилых комнат были две коморы, набитые ценным имуществом⁹⁹.

В таких домах богатством и изысканностью отличался интерьер. В частности, для облицовки печей в жилых помещениях применялись керамические изразцы. В них кроме орнаментального декорирования использовались также изобразительные мотивы. В исследуемый период изразцы отличались сочным рельефом и, одновременно, упрощенными пропорциями. Об

этом свидетельствует фрагмент изразца из Константинова, на котором изображена фигура человека ¹⁰⁰.

Представление о жилище городских богачей дает описание двора феодала в местечке Берестко (Луцкий повет). Комплекс построек возник в нем в течение 60-х — середине 70-х годов XVI в. Самый большой дом состоял из трех жилых комнат, коморы, сеней, крыльца. Для покрытия дома использовался гонт. Все окна были застеклены. На крыльцо можно было подняться по ступенькам — «столбе». На крыльце стоял расписной стол. Оттуда дверь вела в сени, в которых были окно и двери на железных завесах. С правой стороны сеней располагалась большая светлица на пять окон. Ее стены были оббиты полотном, украшенным разноцветными узорами. Расписными узорами покрывались также балки перекрытия потолка и сам потолок. В углу стояла изразцовая печь. В этой светлице находились два больших стола и один маленький. С левой стороны сеней располагалась светлица на четыре окна, в которой также имелась печь. Из светлицы можно было попасть в комору, занимавшую часть сеней. По левую сторону от крыльца находилась небольшая комната — светелочка на три окна, одно из которых было общим с сенями. В ней стояла украшенная изразцами печь. Все печи в доме имели кирпичные дымоходные трубы ¹⁰¹.

Между территориально-планировочной и социальной структурой городов и местечек существовала тесная взаимосвязь. Наиболее богатые жители селились преимущественно в центре, вблизи рынка, в безопасных с точки зрения защиты от вражеской осады местах. Например, мещанская фамилия Черевчеев, представители которой в течение длительного времени занимали различные должности в магдебургском самоуправлении Киева, традиционно селилась под горой Уздыхальницей (Андреевская гора). Рядом находился Боричев узвоз, являвшийся наиболее коротким и удобным путем, соединявшим Нижний город с Киевским замком, за стенами которого можно было найти надежное убежище в случае опасности. В лучших частях великокняжеских городов имели дома феодальные владельцы. Причем они стремились строить дома обособленно от мещанских домов. Например, владимирский священник, удерживавший в своих руках Пятницкую церковь, являвшуюся для него «отчизной и дедовизной», имел «дом з ыстebками, з броваром и зо всим дворищем,

Мурованная башня замка в Остроге XIV в.
Перестройка XV—XVIII вв.

кгрунтом земляным», который соседствовал с домами шляхтича Хоболтовского и княгини Козеки ¹⁰².

На улицах и переулках в черте городских укреплений, а также в предместье проживала основная масса малоимущих и бедных мещан. Так, в конце 60-х — начале 70-х годов XVI в. все ремесленники города Дубно жили в «уличных» домах, Константинова — в «халупках уличных», Шульжинец — в «халупках вбогих» на улицах этого местечка. В предместье имело дома подавляющее количество ремесленников Острога ¹⁰³.

Богатый опыт, приобретенный городскими ремесленниками при сооружении жилых домов, находил применение в замковом и культовом строительстве. В деревянном зодчестве возникали новые конструктивные и архитектурно-художественные решения при сооружении. Уже в первой половине XVI в. получил распространение особый конструктивный прием — залом. На квадратную в основе клеть-сруб накладывалась крыша в форме срезанной пирамиды. На ней устанавливался вертикальный сруб, накрывавшийся пирамидальным рубленным верхом. Для перекрытия использовался верх восьмигранной формы, что придавало зданию яр-

ко выраженную архитектурную индивидуальность. Такую форму имел, в частности, собор Благовещения в Ковеле, построенный в 1505 г.¹⁰⁴

Одной из важных отличительных черт городского зодчества была фортификация городских поселений. Сооружение новых и реконструкция старых замков в городах и местечках Украины, находившихся под властью Великого княжества Литовского, обуславливалось объективными факторами развития феодального общества, а также оборонными и политическими причинами. В великокняжеских городах хорошо укрепленные замки-крепости служили опорными пунктами власти великого князя литовского над обширными территориями украинских земель. Замки в великокняжеских городах играли важную роль в сдерживании агрессии турецко-татарских феодалов. Повсеместное распространение замков в частновладельческих и церковных городах и местечках свидетельствовало не только об опасности вторжений крымцев, но и о стремлении феодалов обезопасить себя от вооруженных восстаний народных масс. Под защитой крепостных стен представители господствующего класса отсиживались также во время частых феодальных распрей.

На конструкцию замков заметное влияние оказали распространение и совершенствование огнестрельного оружия, прежде всего артиллерии. Ф. Энгельс писал в этой связи, что «одним из первых результатов усовершенствования артиллерии был полный переворот в искусстве фортификации»¹⁰⁵. В некоторых украинских городах исследуемого региона были сооружены мощные каменные стены, а также высокие башни, усиленные контрфорсами. Башни частично выдвигались за периметр стен. Все это достаточно эффективно защищало от ядер противника и позволяло лучше организовать систему огня. При такой постановке башен защитники получали возможность вести как фронтальный, так и фланговый огонь вдоль стен.

Большинство великокняжеских замков — Киевский, Брацлавский, Владимирский, Винницкий, Житомирский, Овруцкий, Черкасский и другие, — а также подавляющее количество частновладельческих и церковных замков были построены из дерева. Деревянные замки украинских городов и местечек конца XV — 60-х годов XVI в. имели большое сходство с древнерусскими укреплениями X—XIII вв. Основным элементом конструкции последних были стены, сложенные с одного или

Сцена строительства.
Фрагмент гравюры из «Евангелия учительного». 1637 г.

нескольких рядов деревянных срубов. В оборонительных валах применялись срубы (городни), засыпанные землей, а также пустые (клетки). По верху вала шли порожние срубы, образующие сплошную стену с отдельными помещениями — клетями. Археологические исследования оборонительных замков на Южном Буге и Среднем Поднепровье подтвердили, что в XV — XVI вв. деревянные замки на Украине строились с учетом древнерусской традиции¹⁰⁶.

С накоплением опыта обороны крепостей в условиях использования огнестрельного оружия вырабатывались новые конструктивные приемы замкового строительства. В частности, на стенах и башнях устраивались небольшие галерейки — «подсябитья», благодаря которым простреливалось пространство у подножья. Чтобы повысить прочность используемых в городнях горизонтально уложенных деревянных брусьев, их делали небольшой длины. Городня, длина которой превышала 4—5 сажней, в случае осады уже считалась ненадежной. При связке венцов деревянных брусьев в оборонительных стенах предпочтение отдавалось способу «в замок».

Городни и деревянные башни сверху накрывались и обмазывались глиной. По верху городен настилались «обланки» (обходы). С земли на них поднимались при помощи «усходов». Главными узлами обороны в замках являлись башни. Они строились с бойницами в несколько ярусов, что позволяло увеличивать сектор обстрела. Внутри башен сооружались помосты, на которые вели один-два усхода. Кроме того, с земли на башню иногда устраивались дополнительные ступеньки — «усходная столба». Весь замок окружал глубокий ров, который, если позволяли природные условия, наполнялся водой. Единственным путем в замок были

выездные ворота с подъемным мостом. Обычно в воротах устраивались калитки («фортки») ¹⁰⁷.

Появление новых элементов в деревянном замковом строительстве под влиянием усовершенствования артиллерии хорошо прослеживается на примере Винницкого и Брацлавского замков. На середину 40-х годов XVI в. Винницкий замок представлял собой цитадель, которая была очень слабо приспособлена к защите от артиллерийского огня. Замковые башни не имели подсыбитья и боковых бойниц, слишком тонкими были городни, к тому же они не соединялись «в замок», вследствие чего в оборонной стене виднелись просветы. В начале 50-х годов XVI в. в Винницком замке производились ремонт и модернизация укреплений. В первую очередь реконструкция коснулась стен. Перед ними была сооружена ограда из дубовых кольев, переплетенных лозой. С внешней стороны ее обмазали глиной, а пространство между стенами и оградой (30—70 см) засыпали грунтом. Сверху старых городен были надстроены новые, причем их внешние стены сделаны двойными. Городни также забивались грунтом.

Перед старой башней, через которую проходили ворота, была заложена новая, которую вынесли за периметр стен (по типу бастии). Двойные стены башни были заполнены грунтом. В ней устраивались боковые бойницы, что давало возможность фланкировать замковые стены. Важным нововведением стало использование в оборонительных сооружениях замков бойниц подошвенного боя, что позволяло защитникам более эффективно вести огонь из пушек и ручного огнестрельного оружия. В середине 40-х годов XVI в. подобный конструктивный элемент («земляные стрельбы») был применен в системе обороны Брацлавского замка. «Земляные стрельбы» строились из срубов с двойными стенами, которые засыпались песком. Сверху их накрывали досками. В целом в результате реконструкции Винницкого и Брацлавского замков их обороноспособность повысилась. В частности, об этом свидетельствовали пробные стрельбы из пушек по крепостным стенам Винницкого замка, продемонстрировавшие большую надежность модернизированных укреплений ¹⁰⁸.

Таким образом, новые элементы, возникшие в деревянном замковом строительстве на украинских землях, были близкими к строительным и планировочным приемам, на которых базировалась бастионная система укреплений. Прежде всего это вынесение замковых

башен за периметр оборонных стен, использование в срубах двойных стен и подсыпка их с внешней стороны по принципу сооружения куртин, а также устройство «земляных стрельб». Процесс усовершенствования крепостных сооружений в направлении повышения их сопротивляемости огню артиллерии был характерен для всех стран Европы XV—XVI вв., в том числе Польши, Московского государства, а также белорусских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Например, в конце XV — начале XVI в. в Новогрудском замке возведена новая башня Дозорная, в нижней части которой размещались бойницы подошвенного боя для стрельбы из пушек. В оборонительном строительстве Московского государства уже во второй половине XV в. четко проявилась тенденция к увеличению высоты крепостных стен ¹⁰⁹.

К числу наиболее крупных замков украинских земель в период феодализма принадлежал Киевский. Заложен он был примерно в конце XIV в. на одном из киевских холмов, получившем впоследствии название Замковая гора. В течение нескольких веков он играл важную роль в обороне и административно-политической жизни города, а также обширных примыкающих территорий украинских земель. Так, в 1416 г. стены замка успешно выдержали осаду многотысячного золотоордынского войска, которым предводительствовал хан Эдигей. В 1483 г. Киевский замок был разрушен ордой крымских татар, однако очень скоро восстановлен ¹¹⁰. В середине XVI в. его стены состояли из 133 городен — конструктивных элементов, представлявших собой срубы из обтесанных сосновых бревен. В насыпных земляных валах применялись срубы, засыпанные землей. По гребню земляного вала шли порожные срубы, образующие сплошную стену с отдельными помещениями-клетями. В верхней части городен были настланы обланки (обходы) и устроены небольшие навесные галерейки-подсябитья, позволявшие обстреливать пространство у подножия. На боевые площадки городен защитники поднимались по специальным лестницам. Снаружи городни обмазывались глиной, а сверху накрывались толстыми досками.

Главными узлами обороны замка выступали трехъярусные башни. Четырнадцать башен были срублены в две стены и имели шестиугольную форму, одна — четырехугольную. На всех башнях были подсябитья, боевые площадки (помосты), лестницы, а также бойницы

Надвратная башня замка в Луцке. Конец XIII в.
Перестройка XVI — начала XVII вв.

верхнего, среднего и подошвенного боя. Через две башни — Воеводскую и Драбскую — проходили ворота с подъемным мостом. На территории замка находились глубокий колодец с коловоротом, арсенал (в 1552 г. на вооружении состояло 29 пушек различного калибра и 90 единиц ручного огнестрельного оружия), хозяйственные и жилые помещения, дома феодальных владельцев, четыре деревянных церкви. На одной из замковых башен были установлены механические часы, выбивавшие 24 удара. Вследствие того, что замок был деревянным, его приходилось ремонтировать в среднем один раз в десять лет¹¹¹.

Сравнительно большим был деревянный замок во Владимире. В середине XVI в. в нем насчитывалось 5 башен, а стены состояли из 70 городен. Бойницы

Владычья башня замка в Луцке. Конец XIII в.
Перестройка XVI в.

в них располагались в три яруса. Стены и башни имели подсыбитья. В надвратной башне была решетка, которую опускали в случае опасности, перекрывая тем самым проезд в замок. Одновременно поднимался мост перекинутый через крепостной ров ¹¹².

Значительно меньшими по размерам были замки в частновладельческих и церковных местечках, а также небольших городах. Например, в середине 60-х годов XVI в. в Полонском замке была всего одна башня и несколько жилых помещений — светлиц. Замок принадлежал магнату Н. Радивиллу, который отдал его в держание луцкому войту И. Борзобогатому. Судебный исполнитель из Луцка, осматривавший Полонский замок, нашел его в весьма плачевном состоянии. В част

ности, он обратил внимание на подгнившие городни, пришедшие в негодность обланки, помосты, усходы и другие элементы его конструкции. Подводя итог своим впечатлениям от осмотра, он отметил, что «весь тот замок дирав и ободраный есть, яко в час непогоды дожч всюды иты может»¹¹³.

В городах украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, были и каменные замки. Самым мощным из них являлся замок в Луцке. Он состоял из двух укреплений — Верхнего и Нижнего, или Окольного, замков. Верхний замок размещался на небольшом мысе между реками Стырь и Малый Глушец. С напольной стороны мыс защищал глубокий ров¹¹⁴. Верхний замок построен по распоряжению великого князя литовского Любарта Гедиминовича на месте существовавшего ранее деревянного замка (XIV в.). По типу постройки он относился к романским крепостям с элементами готики. В плане замок представлял нерегулярный треугольник, ограниченный 12-метровыми стенами с тремя башнями. Башни были усилены контрфорсами, верх их венчали зубцы-мерлоны. В оборонительных сооружениях замка и несколько рядов располагались бойницы. Надвратная и Стыровая башни были трехъярусными и имели высоту 27 м. Лицевая поверхность стен Надвратной башни выложена из кирпича. Середина забутована известняком и кирпичом на известково-песчаном растворе. Первоначальная высота третьей башни — Владычьей — неизвестна (в настоящее время ее высота составляет 13,5 м). Все три башни в плане четырехугольные. В середине XVI в. в Верхнем замке проведены значительные строительные работы, в результате чего на башнях появились ренессансные аттики и обрамления окон, хотя ворота и портал сохранили готический облик¹¹⁵. Величественный и неприступный вид крепости впечатлял каждого, кто посещал средневековый Луцк.

В 1545 г. на территории Верхнего замка велось строительство епископского дома, тыльная сторона которого была встроена в оборонительную стену. Королевский люстратор, осмотревший строительство, пришел к выводу, что с его завершением этот дом станет украшением Луцка и усилит мощь оборонительных сооружений: «Немалая покраса и оброна всему замку и месту прибудут»¹¹⁶. Под Стыровой и Владычьей башнями были построены подвалы и пивоварни из камня. Среди

Круглая башня замка в Остроге. XVI в.

других значительных каменных построек на территории Верхнего замка следует назвать здания пушкарни и церкви ¹¹⁷.

Нижний замок по размерам был больше Верхнего. В нем насчитывалось 4 каменных и 4 деревянных башни. Оборонительные стены, состоявшие из 69 городен, также отличались смешанным типом постройки. Большинство их участков были каменными, остальные — деревянными. При этом каменные стены укреплялись сверху деревянными городнями. Таких городен, «што на муру деревом робят», насчитывалось 37. В Нижнем замке стояли два каменных культовых здания: право-

славная церковь и католический костел. На последнем был установлен «зегар» — механические часы ¹¹⁸.

Сходные приемы строительства и планировки каменных замков наблюдались в исследуемый период и в Подольском воеводстве, находившемся под властью шляхетской Польши. В XVI в. там происходил процесс модернизации каменных средневековых укреплений с возведением мощных башен, в результате чего стало возможным фланкировать огнем крепостные стены. Строительство замков с планом треугольной формы представляло собой своеобразную переходную форму к регулярным прямоугольным в плане замкам. Одновременно такая планировка органически связывалась с характером местности и традициями сооружения мысовых укреплений ¹¹⁹.

Каменный замок существовал и в Кременце. Построен он был в XIII—XIV вв. из белого камня-известняка. Замок располагался на краю горы и имел в плане нерегулярную форму. В нем насчитывалось три оборонительные башни. Надвратная башня представляла собой двухъярусное сооружение с арочным готическим проездом. Более чем десятиметровой высоты оборонительные стены завершались зубчатым парапетом, а также имели узкие бойницы. Толщина стен превышала 2 м ¹²⁰.

В XV в. мощные оборонительные сооружения были построены в частновладельческом городе Остроге. Самой старой постройкой являлась квадратная замковая башня с густым рядом контрфорсов. Несколько позже соорудили Круглую, или Новую башню, верх которой венчали глухая аркада полуциркульных арок и зубчатый парапет. Башня была сложена из местного песчаника на известковом растворе с добавлением толченого кирпича. Город окружали три пояса укреплений. Из них до наших дней сохранились Луцкие, или Татарские, ворота, которые имеют выразительный архитектурно-художественный облик. В них воспроизведен мотив триумфального въезда. Некоторые из декоративных и конструктивных элементов, использованных при строительстве Луцких ворот, характерны для эпохи Возрождения ¹²¹.

В начале 60-х годов XVI в. князь Иван Чарторийский развернул строительство каменных оборонительных сооружений в замке городка Клевань. Организация и проведение всех строительных работ возлагались на нанятого в Луцке шафара (распорядителя), кото-

Надвратная башня замка в Кременце. XIII—XIV вв.
Перестройка XV—XVI вв.

рому вменялось «шафовати... роботу муру замку». В начале общая смета строительства составляла 3000 коп литовских грошей. Работы по сооружению замка велись в течение нескольких лет. Так, в 1565 г. шафар ездил в Луцк с целью поменять 600 таляров на монету Великого княжества Литовского «для расходов на шафоване оных робот». Строительство каменного замка в Клевани продолжалось и в 1566 г.¹²²

Иногда для нужд обороны приспособлялись каменные церкви. Например, так случилось с Богоявленской церковью в Остроге, которая была построена из кирпича в середине XV в. Она представляла собой пятикупольный трехнефный храм, в архитектуре которого воплотились традиции древнерусского культового зодчества. Это отразилось в планировочной и объемно-пространственной структуре, системе завершения храма, его декоре. Так, архитектуре Богоявленской церкви, как и древнерусскому культовому строительству, присуща постановка боковых глав над боковыми камерами, образовавшимися в междурукавье пространственного креста, ветви которого перекрыты цилиндри-

ческими сводами. В 1521 г. Богоявленская церковь была включена в систему оборонительных сооружений Острожского замка. Ее северная стена стала составной частью фортификационной стены¹²³.

Важным узлом в обороне Нижнего замка в Луцке выступал каменный костел, сооруженный в 1545 г. Он также занимал часть крепостной стены, над которой возвышались четыре его мощных башни. По оценке современников, в случае осады костел играл важную роль в обороне замка: «Оброна теж немалая в час прыгоды з нього быти может»¹²⁴. Приспособление каменных храмов к нуждам обороны города было довольно распространенным явлением в Великом княжестве Литовском. Так, в конце XV — начале XVI в. храм Софии в Полоцке был перестроен на пятикупольную церковь-замок¹²⁵.

В городах и местечках украинских земель замки не были единственными фортификационными сооружениями. Как правило, городское поселение имело дополнительные укрепления. Его окружали глубокий ров и земляной вал, по гребню которого устраивался так называемый паркан, представлявший собой специальной конструкции деревянный забор, который иногда использовался и в оборонительных стенах замков вместо городен. Он состоял из вертикально вкопанных в земляной вал бревен, которые переплетались крепким хвостом или продольно связывались жердями. Для придания паркану большей прочности и защиты его от огня он обмазывался толстым слоем глины. В верхней его части настилалась обланки. В зависимости от величины городского поселения в паркане устраивались одни или несколько ворот. В местечко Дубровицу, например, можно было попасть только через «браму новую, у паркане которая»¹²⁶.

Иногда паркан имел более сложную конструкцию. Так, во Владимире мещане строили паркан «деревом, а не плетеньем». По всему контуру паркана были сделаны обланки. Местами паркан сменялся сплошной стеной мощных деревянных срубов, образованной тыльными сторонами мещанских домов. Владимир в два ряда опоясывали валы и глубокие рвы, которые частично проходили на месте старых укреплений древнерусского Окольного города. Начинались они от р. Смочи, затем проходили возле Войтовского пруда в направлении к р. Луге. Как установил М. М. Кучинко, длина этих укреплений в древнерусский период вдоль

р. Луги составляла приблизительно 1 км, ширина — более 800 м. Валы были насыпаны из глины, и внутри их не было никаких деревянных конструкций¹²⁷.

Родственным паркану оборонительным сооружением являлся острог. Это было ограждение, состоявшее из вертикально вкопанных в грунт (или насыпной вал) заостренных кольев. Горизонтально они крепились с помощью длинных жердей. Перед насыпным валом обычно выкапывался оборонительный ров. Такого рода укрепление в середине XVI в. было в Черкассах, где острог был сделан «з дерева дубового дилеванем а кольем толстым и частым». В остроге имелось двое ворот — одни в верхней части города, другие — в нижней, а также калитка для пешеходов¹²⁸.

Укрепления типа острога и паркана были сравнительно простыми по конструкции и вместе с тем достаточно эффективными при обороне. Это обусловило их применение в более поздний период. Например, в первой половине XVII в. главными элементами в системе фортификационных укреплений Нижнего города в Киеве являлись паркан (или острог) с въездными воротами и оборонительный ров. Защитные возможности паркана значительно усиливались встроенными в него срубами мещанских домов. Важными оборонительными сооружениями были небольшие деревянные башенки в паркане, а также въездные ворота. В середине XVII в. въезд в город со стороны Днепра проходил через однарусную четырехугольной формы башню с шатрообразным перекрытием. Башня несколько выходила за периметр частокола, что позволяло вести огонь вдоль стен. Перед острогом был выкопан ров, который частично проходил по руслу протекавшего в то время Глубочицкого ручья. Через ров к воротам был перекинут мост. Примечательно, что на рисунках Киева голландского художника А. ван Вестерфельда (1651) в конструкции Киевского замка видны элементы, присущие паркану и острогу¹²⁹.

В исследуемый период в некоторых городах Украины, например Кременце, укрепления были комбинированного типа — существовали как паркан, так и острог¹³⁰.

Городские укрепления служили не только для защиты от нападений крымцев. За стенами городов укрывались беглые феодально зависимые крестьяне. Они являлись серьезным препятствием для феодалов, посягавших на сословные интересы мещан. Например, когда

вооруженный отряд шляхтича Николая Лысаковского «кошю» и «збройно» вторгся в предместье Владимира, то нападавшие учинили разбой лишь в этой части города, «не смеючи въехати в самое место» (1569). Безуспешной оказалась попытка своевольных шляхтичей Ланцей Стримилецких заставить врасплох луцких мещан. Узнав о приближавшейся опасности, они «в звоны на цвалт звонили, браму местскую над Глушцом затворили». Даже мещане небольших местечек могли противостоять той или иной группе шляхты, пытавшейся захватить поселение во время феодальных распрей. Так, лучшим аргументом для землянина Франца Круша в пользу отказа от притязаний на местечко Порицк было то, что перед ним были заперты ворота местечка, а более сотни мещан с ручницами (ручное огнестрельное оружие), луками, рогатинами и другим оружием заняли позиции на оборонительных укреплениях¹³¹. Особенно возрастало значение фортификационных сооружений в ходе восстаний мещанства против произвола господствующего класса, как это было при восстании брацлавских и винницких мещан 1541 г., выступивших против старосты князя Пронского¹³².

Подытоживая материал о наиболее характерных признаках феодальных городов и основных чертах социальной структуры городского населения Украины, находившейся под властью Великого княжества Литовского, можно отметить, что главным критерием, позволяющим классифицировать поселение как «город» или «местечко», является экономический фактор. Имеется в виду степень реального экономического воздействия поселения на общественное разделение труда. По этому признаку города отличались от местечек значительно большим контингентом торгово-ремесленного населения, включавшего несколько десятков человек. Вследствие этого между городом и обширным примыкающим регионом возникал устойчивый товарообмен. К городам принадлежали важные административные центры, в том числе поветовые. Названных два признака являются ведущими при разграничении понятий «город» и «местечко». Местечками выступали поселения, чаще всего имевшие несколько ремесленников и торговцев. Роль их как административных центров, а также выполнение других функций, присущих феодальному городу, были незначительными по сравнению с городами. Общей чертой городов и местечек была их фортификация.

Воспроизводство и рост городского населения происходили в основном за счет двух демографических источников: переселения и бегства крепостных. Социальная структура населения городов включала три основные группы — богатую верхушку, посольство и бедноту. К привилегированной части населения великокняжеских городов относились представители господствующего класса, пользовавшиеся большими экономическими льготами и особым юридическим статусом. Такая социальная структура населения прежде всего была характерна для больших и средних городов. В малых городах и местечках также наблюдалось заметное имущественное неравенство между горсткой богатых мещан, с одной стороны, и беднотой — с другой. По этническому признаку большинство городских жителей состояло из местного украинского населения.

В архитектурно-планировочной структуре городов и местечек выделялись два главных элемента: оборонительная цитадель (замок) и укрепленное поселение. Для внутренней планировки городов и местечек была характерна усадебно-уличная планировка. Роль композиционного центра застройки принадлежала рынку. На территории, примыкающей к рыночной площади, а также на лучших улицах селились богатые мещане, шляхта. Основная масса малоимущих и бедных мещан имела дома в улицах, расходившихся от рынка, переулках и в предместье. Конструкция оборонительных сооружений сохраняла отдельные черты, свойственные военному зодчеству древнерусского времени. Вместе с тем вследствие усовершенствования огнестрельного оружия в фортификации городов и местечек произошли изменения. Главными узлами обороны в исследуемый период становились многоярусные башни, строились каменные замки.

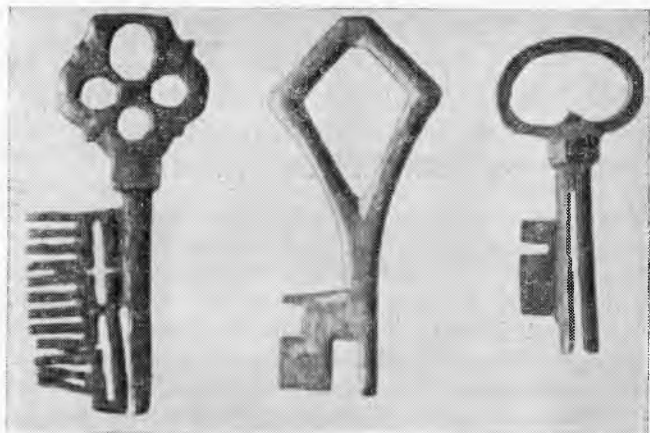
ЭКОНОМИКА ФЕОДАЛЬНЫХ ГОРОДОВ: РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. РЕМЕСЛО И ЦЕХОВОЙ СТРОЙ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ

Ремесленное производство было одним из наиболее важных элементов экономики феодальных городов Украины конца XV — 60-х годов XVI в. Определенное развитие получило оно и в местечках. Сведения о ремесленниках и количестве ремесленных специальностей в городах сохранились лишь с середины XVI в. Вместе с тем наличие многих специальностей в городском ремесле, равно как и в промыслах, в конце XV в. не вызывает сомнения. В Киеве, например, в этот период работали портные, золотари (ювелиры), сапожники, винники, хлебники, ремесленники других специальностей¹.

Подсчеты на основе комплекса источников (различные жалованные грамоты городам, актовый материал городских книг, люстрации украинских замков 1545, 1552 гг., поборовые реестры 1565, 1568, 1570, 1571 гг. и др.) свидетельствуют о том, что в городах украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, к концу 60-х годов XVI в. насчитывалось более 130 специальностей в различных отраслях городской экономики.

Больше всего специальностей приходилось на кузнечно-слесарное производство, оружейное и ювелирное дело. В источниках называются следующие представители этой отрасли ремесла: замочники, зекгармистры (занимались установкой, обслуживанием и ремонтом башенных часов), золотари, конвисары (ремесленники по олову), котельники, кузнецы-универсалы, лучники, медники, ножовщики, збройники (бронники), пушкарри, сабельщики, сагайдачники, слесари, стрельники. Судя по ассортименту, а также технологии изготовления ремесленных изделий, в кузнечно-слесарном и оружейном деле существовала еще более глубокая спе-

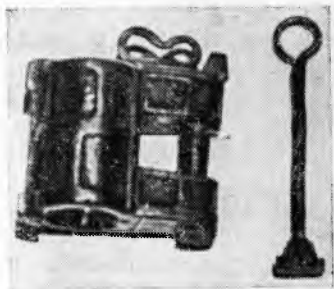

Ключи. XIV—XVI вв.

специализация: кузнецы-инструментальщики, кузнецы, специализировавшиеся по изготовлению сельскохозяйственных орудий труда, кольчужники-панцирники, бехтерники (ремесленники, изготавливавшие особого рода доспехи), шлемники. Таким образом, в названной отрасли ремесла существовало не менее 21 специальности. В других отраслях производительной сферы городской экономики, а также торговле и ростовщичестве количество специальностей было таким: пищевое производство и винокурение — 16; специализированные промыслы — 13; кожевенное производство и изготовление изделий из кожи — 12; деревообделочное производство — 11; специальности, связанные с ведением сельского хозяйства — 9; строительство и керамическое производство — 8; обработка шерсти и изготовление полотна — 5; изготовление одежды и шапок — 4; транспорт — 4; прочие специальности — 18. В торговле и ростовщичестве выделилось 12 специальностей (см. приложение 2).

Наиболее массовыми были ремесленные специальности, а также близкие к ремеслу специальности в промыслах, связанные с производством продуктов питания, одежды, обуви и др. Так, в середине 60-х годов XVI в. в Луцке проживало 79 хлебников, 33 мясника (резника) и столько же сапожников. По неполным данным (поборовый реестр 1571 г.), из 243 представителей торгово-ремесленного населения Киева 43 занимались рыбной ловлей, 27 были владельцами комяг

и больших челнов, 32 работали сапожниками, 14 — портными. Тогда же в Овруче из 39 ремесленников и торговцев насчитывалось 14 сапожников, 4 лучника, 3 скорняка, 2 портных, 2 кузнеца, по одному збройнику, печнику, пушкарю, плотнику и сабельщику. В 1552 г. во Владимире проживало 25 портных, 25 сапожников, не менее 15 шорников. Среди ремесленников 35 специальностей, работавших в Кременце (1563), наиболее многочисленными были мясники — 21 человек, сапожники — 18, портные и скорняки — 14².

Замок с ключом. XVI в.

Концентрация в городах значительного количества ремесленников, в том числе и однородных специальностей, объективно способствовала упрочению связей ремесла с рынком, ориентации его на товарное производство. Эти связи обнаруживались уже на этапе обеспечения ремесленника сырьем, когда он покупал его на рынке. Например, мещанка из Торчина закупила на ярмарке в г. Берестечке для шорного дела 6 козлиных и 4 бычьей кожи (1565). Выделанные кожи, а также шкуры животных постоянно продавались на городских рынках. Только у 17 ремесленников-мясников, торговавших своими товарами на рынке во Владимире (1569), насчитана 71 бычья, баранья и козлиная кожа³.

Часть недостающего сырья и материалов поступала из-за границы. Прежде всего это касалось разнообразных материй и металлов, в частности высококачественной стали. Так, среди товаров, которые купил в Люблине «чоловек торговный» из Острога Грицько Щуревич (1564), значились «пять поставов сукна муравского и чотыри поставы сукна швебединского, штука бархату...железо белое». В 1569 г. другой острожский купец Тимош Шимкович возвращался из Люблина, нагружив один из своих возов приобретенным там железом⁴.

В городах и местечках Украины повсеместное распространение получил такой древний вид ремесла, как гончарное. Гончары в больших количествах изготавливали на гончарном круге глиняную столовую и кухон-

ную посуду — кувшины, миски, блюда, горшки и крышки к ним, а также делали изразцы, глиняные игрушки, другие керамические изделия. В XIV в. на украинских землях в основном преобладала кухонная посуда — глиняные горшки, которые были довольно тонкостенными и имели орнамент в виде волны, линии и их сочетаний. Иногда они покрывались зеленой и желтой поливой. В XV—XVII вв. значительно увеличилось количество столовой посуды самых разнообразных форм. Это были миски, миски-макитры, кувшины и другие столовые предметы. В кухонной посуде появляются сложно профилированный венчик и выемка для крышки⁵.

В исследуемый период на Украине относительно высокого уровня достигла металлообработка. Некоторые ремесла этой отрасли имели высокую степень товарности. В частности, об этом свидетельствует тот факт, что кузнецы г. Несухоежи (Волынь), специализировавшиеся на изготовлении железных сошников к сохам, поставляли на рынок значительные партии этих изделий. Так, 1200 сошников, сделанных несухоежскими ремесленниками, были проданы в начале 70-х годов XVI в. в Мозыре, 720 сошников — отправлены в Новогрудок⁶.

Городские кузнецы, слесари, ножовщики, котельники, замочники изготовляли различные предметы домаш-

Сосуд из Переяслава XVI в.

Бехтерец и шлем.
Середина XVI в.

него обихода, инструменты, замки и ключи, котлы, ножи, орудия рыбной ловли, а также множество других вещей. Некоторые изделия представляли собой довольно сложные механизмы. В частности, это были дверные замки, которые подразделялись на висячие и внутренние. В исследуемый период висячие замки чаще всего имели цилиндрическую форму и состояли из многих деталей. Замки подобной конструкции обнаружены при археологических раскопках Комаровского поселения, датируемого XIII—XV вв. (поселение расположено в районе современного с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого района Киевской области) ⁷.

Немало ремесленников было занято оружейным делом. Развитие этого технически сложного ремесла стимулировалось спросом на оружие среди различных социальных слоев феодального общества. Не только феодалы и их слуги, но и большинство мещан имели холодное и огнестрельное оружие. Бытование оружия в мещанской среде объяснялось постоянно существовавшей опасностью нападений крымцев. В люстрации Житомирского замка 1552 г. отмечено, что все житомирские земляне и мещане имеют «ручницы» и метко стреляют. Мещанам Кременца запрещалось проживать в городе, если они не имели какого-нибудь оружия ⁸. Нередко мещане направляли оружие и против «внутреннего» врага — феодальных владельцев, которые пытались ущемить их сословные интересы.

Изготавливали различные боевые доспехи («зброи»), холодное и огнестрельное оружие ремесленники нескольких специальностей: бехтерники, збройники (бронники), кольчужники-панцирники, лучники, мечники, пушкарники, сабельщики, сагайдачники, слесари, стрельщики, шлемники, а также кузнецы-универсалы.

Представление об ассортименте изделий збройников, шлемников и других ремесленников, связанных с оружейным делом, дает описание «зброй», принадлежавших луцкому войту Ивану Борзобогатому. В нем названы «бехтеры, панцири, зброи бляховыи, шишаки, рукавицы железные зарукавки и наколенки, всее тое зброи на колко десят чоловеков» (1566) ⁹. Такого рода снаряжение прежде всего было характерно для воинов-исадников. Например, во время вооруженного нападения мещан Олыки, предводительствуемых магистратскими урядниками, на имение князя Федора Головни с Дерн (лето 1565 г.) половина из 300 вооруженных мещан была на лошадях и «у зброях». Остальные ме-

щане действовали пешим строем «з гаковницами, ручницами, з сагайдаками, з рогатины» и другим оружием. При этом в качестве военного трофея олыцкие мещане захватили у князя «пахтеры, колчуги, панцири, прилбици, ручницы, седла зо всимы ряды, узды» и др.¹⁰

Среди защитной металлической амуниции выделялся бехтерец. Этот доспех надежно защищал воина от холодного и даже ручного огнестрельного оружия. Он набирался из металлических пластинок, которые соединялись кольцами в несколько рядов. Внизу делался кольчужный подзор или железная сетка. Боковые и плечные разрезы бехтерца застегивались пряжками и запряжниками или ремнями с металлическими наколенниками¹¹. При изготовлении этого вида доспеха использовалось от нескольких десятков до 1500 пластинок. Как правило, способ их монтажа предполагал двойное или тройное покрытие. Кроме кольчужного подзора к бехтерцу иногда наращивался кольчужный ворот и рукава. В среднем его масса достигала 10—12 кг, а длина — 66 см¹².

Весьма трудоемким делом было также изготовление панциря — кольчатого доспеха в виде кафтана с рукавами по локоть или запястье. Обычно его длина доходила до колена. Края подола у панциря, так же как и у кольчуги, назывались подзором¹³. Панцирь отличался от кольчуги по форме колец, использовавшихся при его плетении. Если кольчуга состояла из проволочных круглых в поперечном сечении колец, то панцирь плелся только из плоских колец, чаще всего клепанных «на гвоздь». Благодаря использованию плоских колец удавалось в 1,5—2 раза увеличить защитное поле доспеха по сравнению с кольчугой. При этом масса панциря от расковки колец не увеличивалась и в среднем равнялась 5—7 кг (в XVI—XVII вв. масса кольчуги достигала 12—17 кг)¹⁴.

Доспех имел дополнительные элементы, в частности пластинчато-кольчатые наколенники. Они состояли из металлической бляхи овальной формы (коленной чашечки) с кольчатой сеткой вокруг. Верхняя часть наколенника набиралась из мелких прямоугольных пластин, расположенных по типу чешуи в несколько рядов и скрепленных между собой кольцами. В нижней части наколенника была кольчужная сетка, которая суживалась от коленной чашки вниз в виде трехугольника. Как правило, ее заправляли за голенище сапога¹⁵.

Наиболее распространенными типами боевого на-

Укороченная кольчуга, изготовленная на Украине. XV в.

головья в XVI в. на Украине были шишак и прилбица. Шишаки имели высокое навершие в виде трубки. Употреблялись также шишаки в виде полусферической каски с подзатыльником, наушами и козырьком, через который пропускалась стальная носовая стрелка. Корпус на макушке имел небольшой округлый выступ. Такое боевое наголовье хорошо защищало голову всадника от поперечных сабельных ударов¹⁶. Что касается прилбицы, то она состояла из металлической тулеи, прикрывавшей лоб, и кольчужной сетки, которая спускалась на плечи со стороны ушей и затылка¹⁷.

В мастерских городских ремесленников-оружейников выковывались мечи, сабли, кинжалы, делались копья, рогатины, боевые секиры, булавы и другое холодное оружие. Наибольшую техническую сложность представляло изготовление так называемого белого оружия, к которому, в частности, относились мечи и сабли. Как правило, на их клинки шла высококачественная сталь. Особенно ценился булат — сталь специальной закалки, производство которой было налажено на Востоке. Булатные клинки отличались прочностью, упругостью и остротой. Благодаря особой структуре металла они имели неповторимый струистый рисунок. Пригодная для изготовления клинков сталь в основном импортировалась. Иногда перековывалось старое оружие. Например, в мастерской сабельщика Миклаша из Степани, кроме различного оборудования и инструментов, в частности клещей и «молотков ковальских», было много клинков старых мечей. Ремесленник по-

лучил их от шляхтичей, желавших перековать мечи на сабли (1569) ¹⁸.

Проживавшие в городах мечники все же имели много заказов на свои изделия. В исследуемый период мечи еще не утратили своего значения как рубящее оружие. Нередко их приобретало для своих нужд магдебургское самоуправление, ими снабжались вооруженные отряды феодалов, служебные лица таможенных застав. Так, служивший в 60-х годах XVI в. при Луцкой таможене отряд из нескольких десятков человек был вооружен аркебузами (ручное огнестрельное оружие), сагайдаками (комплект вооружения конного воина-лучника), кордами (род кинжала или кортика), ощепами (копьями), а также мечами. Мечи пускались в ход во время частых ожесточенных стычек между враждующими феодальными владельцами, которые, доказывая свою правоту, обращались к кулачному праву. Например, в 1569 г. степанский урядник князя Константина Острожского попытался решить один из таких конфликтов при помощи нескольких сотен бояр, слуг, наемных солдат и мещан, которые под его началом «з гаковницами, з ручницами, з сагайдаки, з мечи, з рогатинами и з сокерами» напали на часть Степани, находившуюся во владении шляхтича Станислава Граевского ¹⁹.

Некоторое представление о форме мечей, имевших распространение на украинских и белорусских землях Великого княжества Литовского в XV в., дают несколько мечей, найденных при археологических раскопках близ современного г. Бобруйска. Они состоят из прямого узкого клинка ромбовидного сечения, приближающегося к шпаге. Крестовина — поперечина между череном рукояти и клинком, а также сама рукоять значительно длиннее, чем у мечей более раннего периода. Рукоять оканчивается набалдашником шарообразной формы. В XV в. такие мечи были известны также в Русском государстве ²⁰.

Несмотря на то что в XVI в. на Украине меч продолжал употребляться как боевое оружие, он все больше уступал позиции сабле. По сравнению с мечом сабля представляла собой значительно лучше приспособленный для ведения конного боя вид оружия. Она была легче меча и имела выгнутое с одной стороны, заостренное лезвие, что увеличивало площадь поражения. Это оружие на Руси появилось уже в X в. ²¹

Определить тип сабли местного производства, которого в XVI в. придерживались украинские ремеслен-

Сабля казацкая с ножнами иранского типа. XVI—XVII вв.

ники, очень сложно. В источниках отсутствуют подробные описания этого оружия, а на сохранившихся экземплярах сабель отсутствуют надписи и клейма украинских мастеров. Среди историков-оружиеведов существует мнение о том, что украинские оружейники обращались преимущественно к восточным (турецким и иранским) и в меньшей степени — к польским и венгерским образцам сабель. Они монтировали оружие из привозных частей или полностью делали его своими руками, внося при этом в сабли определенные изменения. Такие сабли обычно классифицируются специалистами как «казацкие». В России они были известны под термином «черкасские»²². Насколько верно такое предположение, покажут дальнейшие исследования с привлечением нового материала. Во всяком случае не вызывает сомнения то, что украинские сабельщики были знакомы с достижениями зарубежных мастеров.

В середине XVI в. привозные сабли, в частности «игорские» и «турские» (венгерские и турецкие), не были редкостью в городах Украины²³.

Для восточной сабли XVI—первой половины XVII в. характерной была значительная кривизна клинка. Названная особенность отчетливо прослеживается на казацкой сабле иранского типа, хранящейся в Киевском государственном историческом музее (№ 133). Клинок у нее больше средней кривизны, к концу заострен. Крестовина стальная, несколько расширяется к концам. В центре крестовины есть небольшой продольный стальной стержень — перекрестье, служившее для удержания скользящего по клинку неприятельского оружия. Черен роговой, плоский, с тремя железными загвоздками, оканчивается наклонной головкой. На ней закреплено металлическое ушко фигурной формы для темляка — ремня или ленты, которые надевались на руку при пользовании оружием. Ножны кожаные,

обтянутые темно-вишневой бархатной тканью. В верхней и нижней части они обложены металлической оправой с чеканным растительным орнаментом. На вогнутой стороне ножен имеются два кольца, на которые крепится бархатный пояс, украшенный металлическими вставками.

Есть основания для утверждения о том, что украинские сабельщики не только использовали опыт зарубежных мастеров, но и обращались к местным традициям оружейного дела. Так, в источниках XVI в. называются сабли «острожское работы», пользовавшиеся спросом на «ярмарках заграничных». Купеческие обозы, которые во второй половине XVI в. отправлялись с Острога за пределы украинских земель, среди других ремесленных товаров доставляли это оружие в Польшу²⁴. Острожские купцы могли рассчитывать на успех в такой торговле лишь в том случае, если их сабли были высокого качества изготовления.

На Украине и в России были известны «черкасские» сабли. Некоторые исследователи считают, что они делались по образцу черкесских²⁵. Такими саблями иногда вооружались целые военные отряды. Например, их имели «слуги господарские московитяне и дети боярские», большой отряд которых в феврале 1564 г. следовал в Винницу на военную службу²⁶.

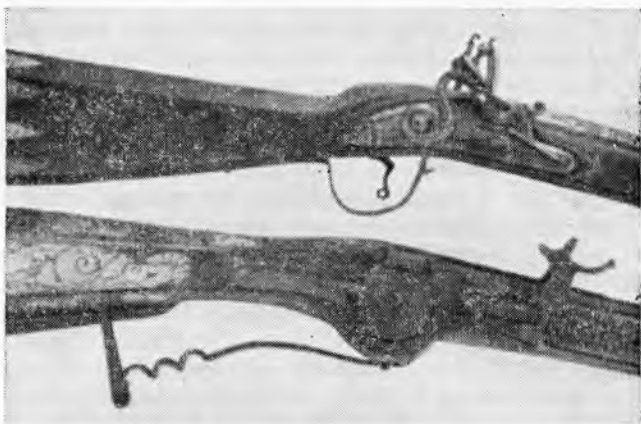
В XVI в. конструктивные формы и техника изготовления холодного оружия эволюционизировали медленно, производственные навыки и секреты передавались мастерами из поколения в поколение. Поэтому выработанный украинскими ремесленниками тип сабли в XVI в. в основных чертах сохранился и в первой половине XVII в. С этим оружием в руках боролись против социальной несправедливости участники крестьянско-казацких восстаний, вступали в бой с врагами народные массы Украины во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Для выяснения некоторых особенностей оружия местного производства определенный интерес представляют сабли, которые были обнаружены при археологических раскопках Берестецкой битвы, состоявшейся в июне 1651 г. под местечком Берестечко на Волыни. Большинство из найденных сабель принадлежат к польско-венгерскому типу черной (боевой) сабли. От польских сабель многие из них отличаются наличием у основы рукояти проволочного кольца для большого пальца правой руки. Некоторые из этих сабель короче польских, имеют не-

сколько большую ширину клинка, а также снабжены более длинным перекрестьем. Все сабли с долом — желобком, который проходит вдоль клинка для облегчения его массы ²⁷.

Изготовлением ручного метательного и огнестрельного оружия занимались лучники, сагайдачники, пушкарни, слесари и ремесленники некоторых других специальностей. В XVI в. лук продолжал широко использоваться как боевое оружие, несмотря на распространение на Украине ручного огнестрельного оружия. Большим спросом луки и сагайдаки пользовались на внутреннем рынке. Ими были вооружены как пешие, так и конные воины. Некоторое количество сагайдаков шло на продажу за границу ²⁸. Натренированный лучник мог за одну минуту выпустить от 8 до 12 стрел, что во много раз превышало скорострельность ручного огнестрельного оружия того времени. Средняя дальность полета стрелы составляла 200—300 шагов, в некоторых случаях превышала 500 шагов. При стрельбе с лошади дальность стрельбы увеличивалась до 40 %. Вооруженный сагайдаком всадник пристегивал с левой стороны к поясу лук с налучем (чехлом), на правом боку к поясу крепился колчан — твердый или мягкий чехол для хранения стрел. С целью предохранения стрел от сырости на колчан надевался иногда специальный чехол — тохтуй, завязывающийся снизу ²⁹.

В исследуемый период наиболее примитивным ручным огнестрельным оружием на Украине был «кий железный» (железная трубка с отверстием в «казенной» части для воспламенения пороха). В середине XVI в. он еще изредка встречался в арсеналах городских замков. Современники называли это оружие «старосветским», что подчеркивает его архаичность для XVI в. На смену железному кию пришли более совершенные виды ручного огнестрельного оружия — гаковница, ручница и аркебуз, которые изготовляли украинские ремесленники.

Сравнительно простой по устройству была гаковница — тяжелое ружье довольно большого калибра. Гаковницы имели длину приблизительно до 1—1,18 м. Масса их достигала 10 кг, калибр — 24 мм. Большие гаковницы назывались «козами». Так, согласно описи 1552 г. Остерского замка, в арсенале этой крепости было 38 гаковниц, 30 из которых «больших, козами зовут» ³⁰. Для погашения силы отдачи при выстреле гаковница крепостной модификации закреплялась на

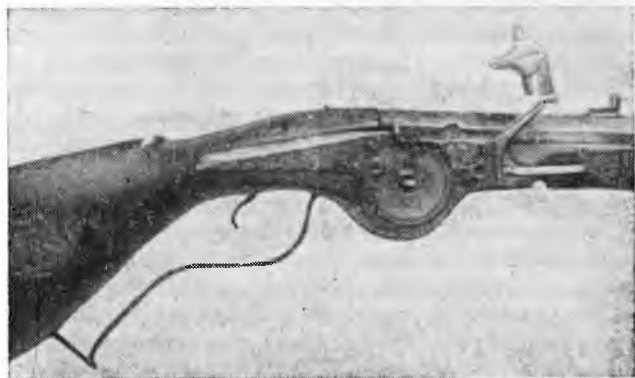

Ударно-кремневый замок ручницы и колесцовый замок аркебуза.
Первая половина XVII в.

каком-либо упоре при помощи крюка на стволе — «гака» (отсюда и название ружья). Сбоку «казенной» части ствола, куда закладывался пороховой заряд, просверливалось небольшое отверстие, с внешней — около него устраивалась железная полка с углублением для затравочного пороха. В специальном двухплечном рычаге (серпентине) зажимался фитиль. Нижний конец серпентина выполнял роль спускового крючка. При нажатии на него серпентин с тлеющим фитилем наклонялся к полке и воспламенял затравочный порох³¹.

Такой тип механизма для воспламенения порохового заряда — фитильный замок — появился в Европе в начале XV в. и просуществовал до конца XVII в. На Украине в XVI в. фитильными замками снабжались не только гаковницы, но и ручницы. По сравнению с тяжелой гаковницей ручница оказалась более пригодной к ведению военных действий в полевых условиях. Она была легче крепостного ружья, меньше калибром, имела длинный ствол и деревянное ложе³².

Во второй половине XV в. в Испании было создано ружье с фитильным замком, получившее название аркебуз. На Украине в XVI в. употреблялись аркебузы с длинными стволами и укороченными — кавалерийского образца. Общая длина этих разновидностей аркебуза составляла соответственно 2,4 и 1,2 м, калибр — 18,5 и 12,5 мм, дальность выстрела достигала 250 м³³. В XVI в. на аркебузах часто устанавливались колесные (колесцовые) замки, которые были более совер-

Колесцовый замок ручницы. Первая половина XVII в.

шенны, чем фитильные. В этом довольно сложном механизме имелось колесико-огниво, располагавшееся таким образом, что его обод с насечкой приходился в уровень с полкой. Колесо заводилось пластинчатой пружиной и фиксировалось специальной задержкой. Для его завода использовался ключ, надеваемый на квадратный конец оси. По встречному ходу колеса размещался серпентин со вставленным в него кремнем. Установленная под серпентином пружина прижимала его вместе с кремнем к колесу. При нажатии на спуск колесо освобождалось от задержки и быстро вращалось. От трения его о кремень высекалась струя искр, воспламенявшая затравочный порох на полке. В конструкции некоторых колесных замков предусматривалась крышка, которая в случае дождя закрывала полку. Однако эти замки не отличались большой надежностью вследствие сложности своего механизма, часто портились от порохового нагара и др.³⁴

К середине XVI в. в европейских странах начали входить в употребление более простые искровые механизмы — ударно-кремневые замки. В них искры высекались при ударе кремня о стальную пластинку-огниво. В частности, это был замок нидерландского типа, которому отдавали предпочтение украинские мастера³⁵. Ударно-кремневые замки использовались в аркебузах. Замки этого типа употреблялись и в ручницах. Например, они были в 16 новых ручницах, принадлежавших шляхтичу С. Граевскому и хранившихся в его доме во Владимире (1569)³⁶.

Со второй четверти XVI в. внешняя отделка ручного огнестрельного оружия работы европейских оружейников начала приобретать черты, характерные для декоративно-прикладного искусства эпохи Возрождения. Ружейные ложи часто инкрустировались гравированным оленьим рогом, костью, перламутром, медной или серебряной проволокой. Металлические части украшались резьбой, гравировкой и даже позолотой. Иногда применялась таушировка — инкрустация стали другими металлами (золотом, серебром, медью)³⁷. Оружие с подобной отделкой встречалось в XVI в. и на Украине. Так, ложи наиболее дорогих аркебузов были инкрустированы костью³⁸.

Изготовление ручного огнестрельного оружия и его ремонт входили в сферу деятельности ремесленников кузнечно-слесарного профиля, прежде всего слесарей и пушкарей. Например, в первой половине XVI в. овручские пушкарки Яков Семенович и Мойсей Чижевич занимались «слесарством» и делали ручницы и гаковницы, а проживавший в Остре пушкарь ежегодно изготовлял по два аркебуза³⁹. Одной из наиболее сложных и ответственных операций было изготовление ствола. С начала XV в. в Европе стволы выделывались из ковкого железного листа, который сворачивался в трубку и сваривался по шву. В XVI в. стволы начали сверлить. На Украине ремесленники также освоили эти технологии. Так, служивший в середине XVI в. в Черкасском замке пушкарь Ворона умел «ручницы ковати». С помощью специального инструмента, в частности «свердел до гаковниц», украинские оружейники сверлили ствольные каналы в железных заготовках стволов⁴⁰. В «казенной» части ствола сбоку делалось отверстие, под ним приваривалась полка для затравочного пороха. Затем ствол «осаживался в ложе», и монтировался механизм для воспламенения порохового заряда. Пули делались из железа, сверху на них наплавлялись олово или свинец. Благодаря этому пули более плотно соприкасались со стенками ствольного канала, что увеличивало убойную силу оружия. Для отливки пуль использовались пулелейки, в частности «формы гаковничные и ручничные». Пулелейки делались в виде медной матрицы строго рассчитанного размера, которая бралась в железные клещи. На случай осады в замках создавались запасы боеприпасов, в том числе и пуль к ручному огнестрельному оружию. Например, в 1552 г. в Винницком замке на 20 гаковниц

приходилось 700 железных пуль «оловом облитых», на 39 аркебузов — 220 пуль. В Черкасском замке в то же время на 36 гаковниц и 7 железных киев было заготовлено 946 «куль железных, свинцом облитых»⁴¹. Все это имело большое значение для обороны города.

Ремонтом и профилактикой стрелкового оружия в основном занимались пушкари. Так, в 1561 г. владимирский пушкарь Константин взялся за починку аркебуза, принадлежавшего киевскому ротмистру Станиславу Стужинскому. После одного из постигших Владимир опустошительных пожаров в негодность пришло много гаковниц, имевшихся в распоряжении магдебургского самоуправления. Поэтому 29 из них было отдано мастеру-пушкарю, который их «оправовал, в ложа оживал» (1566). Кроме устранения неисправностей в ручном огнестрельном оружии, ремесленники производили его чистку. Например, луцкий лентвойт Станислав Романовский для передачи оружейникам Луцка подготовил 40 ручниц с длинными стволами и ударнокремневым замком, а также 30 аркебузов с длинными и короткими стволами, ложи которых были инкрустированы костью. В задачу ремесленников входило их «вычистити и ручницы и аркабузы направить» (1566). Мастера, умеющие изготавливать и ремонтировать огнестрельное оружие, проживали даже в небольших городах. В 60-х годах XVI в. слесарь встречается в Полонном, слесарь и Пушкарь — в Локачах⁴².

Рост товарно-денежных отношений в экономике феодального общества и накопление значительных денежных сумм городской верхушкой создавали благоприятную почву для развития ювелирного ремесла, поскольку его продукция представляла собой предметы роскоши. Золотари (так в источниках называются ювелиры) работали не только в значительных ремесленных и административных центрах — Киеве, Житомире, Виннице, Владимире, Луцке, Кременце, Остроге, но и во многих других городах. Так, ювелиры были в Дубно, Клевани, Локачах, Соколи, Степани⁴³.

Мастера-золотари принадлежали к наиболее зажиточной категории ремесленников. Больших денег стоили не только материалы, с которыми они работали — золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пр., но и специальный ювелирный инструмент. Например, острожский золотарь Грицько Щуревич имел целый сундук такого инструмента, за который уплатил несколько десятков золотых польских — сумму, по тем временам

Пуговицы. XVI в.

немалую. У этого золотаря работали двое подмастерьев (1569) ⁴⁴.

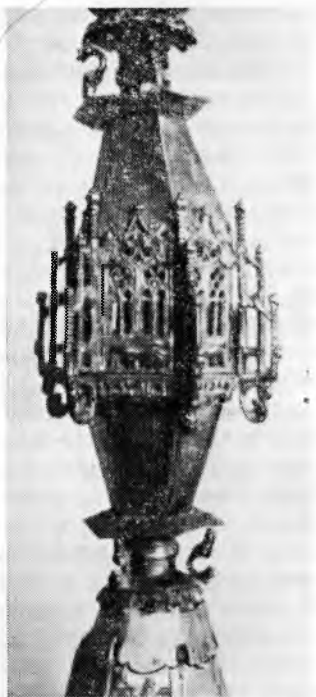
Создавая свои изделия, украинские золотари опирались на местные ремесленные и художественные традиции, а также ориентировались на существовавшую среди знати моду на ювелирные украшения. Определенное представление об ассортименте и художественных образцах ювелирных изделий дают сохранившиеся в источниках исследуемого периода описания различных драгоценностей. В частности, в них называются украшения, выполненные в технике скани, непревзойденными знатоками которой, как известно, были древнерусские ремесленники («обручка серебряная з д्रो-тованем и с позолотою»). Для украшения ювелирных изделий использовалась эмаль: «...перстень з шафером и з шмальцом... перстень с каменем зеленым и з шмальцами». Многие изделия городских золотарей отличались оригинальными формами и свидетельствовали о развитом эстетическом вкусе их создателей. Об этом свидетельствует, например, такая деталь кулона, как «сердечко зо шмальцом», перстень с эмалью в виде

переплетенных кистей рук, пояс «серебряный позлоти- стый с каменци червоными, в каждой цатци по камен- цу», своеобразной формы дорогие пуговицы и другие предметы ювелирного ис- кусства. Украинские золо- тых дел мастера получали немало заказов на изготов- ление посуды с изображе- нием фамильных гербов феодальной знати, инкрусти- рование оружия и выполне- ние других работ ⁴⁵.

Высокохудожественными произведениями декоратив- но-прикладного искусства нередко были изготовляе- мые золотарями церковная утварь, нательные и напре- стольные кресты. Эти изде- лия часто изготовлялись из серебра, украшались полу- драгоценными камнями, гео- метрическим чеканным ор- наментом, а также грави- ровкой, сюжетами которой, как правило, выступали ка- нонические изображения святых.

Несмотря на большую конкуренцию со стороны при- возных тканей, не только в селах, но и в городах суще- ствовали ткачество и сукноделие. Ремесленники этой отрасли обслуживали широкие слои населения, в основ- ном незажиточного. Изготовление сукна и полотна, формы его реализации на рынке были поставлены на более высокий технический и организационный уро- вень в больших и средних городах. В Луцке, например, цех суконников известен уже в середине XVI в. В на- чале 70-х годов XVI в. в Кременце возник ткацкий цех ⁴⁶.

В производстве сукна применялось такое техниче- ское усовершенствование, как валяние сукна в мель- ничных ступах. Дальнейшая его обработка осуществля- лась в мастерских ремесленников соответствующего профиля. В частности, стригальщики занимались вы-

Напрестольный крест.
Деталь. Середина XVI в.

равниванием ворса — «постриганием». Большой заказ на выполнение таких работ получил стригальщик из Владимира от шляхтича Яковицкого (1566) ⁴⁷.

Значительные партии овечьей шерсти и текстильного сырья — «прядива» (пеньки), скупаемые жителями городов для нужд ремесленного производства, а также продажа на рынке готового сукна и полотна, изготавливаемых местными ремесленниками, свидетельствовали о все большем влиянии на ткачество и сукноделие товарно-денежных отношений. Так, во время одной поездки острожский купец Ланко скупил несколько возов пеньки (1559). Оживленная торговля текстильным и суконным сырьем, а также готовой продукцией этих ремесел наблюдалась не только в больших и средних, но и малых городах. Основным поставщиком шерсти и пеньки выступала примыкающая к городу сельская округа. Например, летом 1565 г. луцкий войт Иван Борзобогатый послал своих крестьян из с. Зборошев в г. Торчин для продажи 200 «рун волны дворное овечое». Крестьяне получили от него 20 коп литовских грошей для покупки «домовых потреб», в том числе сукна. В октябре 1569 г. несколько крестьян из с. Дерн (Луцкий повет), принадлежавшего князю Андрею Головне-Острожецкому, вывезли на продажу в г. Белев «три тысячи прядива» ⁴⁸.

Рынок сбыта сукна и полотна не ограничивался рамками одного города и близлежащих сел. В частности, об этом свидетельствует тот факт, что из Берестечка сукно вывозилось на продажу в другие города, например в Дубно. На ярмарок в Берестечко приезжали купцы, покупавшие полотно, изготовленное местными ремесленниками. Так, торчинский мещанин в этом городе приобрел 30 локтей полотна (1565). Все чаще покупали на рынке полотно и сукно феодальные владельцы. В мае 1569 г. землянин Богдан Хренницкий послал своего урядника и боярина из с. Вычолковское (Луцкий повет) в местечко Жидичин купить сукна и полотна на сумму 1,5 копы литовских грошей. Большие отрезы полотна, изготавливаемого местными ремесленниками, имела зажиточная городская верхушка. Например, кременецкий войт Матыс приобрел себе 150 аршинов ткацкого полотна, а также 8 «ручников ткацких» (1565) ⁴⁹.

Во всех городах и местечках Украины проживали ремесленники, основным занятием которых было изготовление платья, обуви и других предметов мужского

и женского костюма. Изделия городских портных, скорняков, шапочников, калитников, сумников, чеботарей пользовались постоянным спросом среди различных социальных слоев населения феодального общества. Поэтому удельный вес этих ремесленников, прежде всего портных, скорняков и сапожников, по отношению к общей численности торгово-ремесленного населения феодальных городов был весьма высок. Так, в 1565 г. в Луцке из 448 человек, занимавшихся торгово-ремесленной деятельностью по 32 специальностям, насчитывалось 40 портных и скорняков, а также 33 сапожника (не считая внецеховых ремесленников). В конце 60-х—середине 70-х годов XVI в. в Остроге, где работало 132 ремесленника по 26 специальностям, было 13 портных, 4 скорняка и 21 сапожник; Константинове — 10 портных, 8 скорняков и 15 чеботарей (из 82 ремесленников 30 специальностей); Степани — 3 портных, 2 скорняка, 3 чеботаря и сапожник (из 25 ремесленников 17 специальностей); Дубно — 2 портных, 4 сапожника, скорняк и чеботарь (из 28 ремесленников 18 специальностей); Овруче — 5 портных и 14 сапожников (из 29 ремесленников 8 специальностей). По неполным данным, в начале 70-годов XVI в. в Киеве насчитывалось 14 портных, 13 скорняков и 32 сапожника⁵⁰.

В исследуемый период для ремесел, связанных с изготовлением предметов одежды и обуви, характерны различные формы простой товарности (работа на заказ, производство на рынок). Эти формы существовали не изолированно друг от друга, а в той или иной степени сочетались. Ремесленники продавали свои изделия на дому, разносили их для продажи по городу, сбывали покупателям на периферии, торговали ими на местном и отдаленных рынках, а также реализовывали плоды своего труда заказчикам. Готовая одежда продавалась на рынке даже в небольших местечках⁵¹.

Выбор материалов для одежды и обуви, особенности покроя, наличие украшений во многом обуславливались социальными и классовыми факторами, поскольку основными потребителями готовых изделий были различные по зажиточности слои мещанства, шляхта и магнаты. Важно поэтому попытаться реконструировать костюм названных классов-сословий феодального общества, что позволяет проследить технические приемы, использовавшиеся в работе портных, скорняков, ремесленников других специальностей, а также раскрыть ряд других вопросов. В частности, выявить со-

Казак и казачка.
Рисунок Г. Боплана.
Вторая четверть XVII в.

циальную дифференциацию одежды, характерные особенности платья и обуви массового спроса.

В качестве материала для пошива относительно недорогой одежды служили домотканые и ремесленного производства ткани из пеньковой и льняной пряжи, сукно низкого качества, овчина, различные меха, а также некоторые привозные материи. Купеческо-ростовщическая верхушка городов и феодальные владельцы носили одежду преимущественно из дорогих материй, привозимых из Англии, Нидерландов, Франции,

Чехии, других стран Европы, а также Востока. Общее представление об ассортименте и качестве тканей, с которыми работали городские ремесленники, дает устав Луцкой таможни 1563 г. Из него следует, что наиболее дешевыми суконными тканями являлись «подлейшие сукна», за каждый локоть которых взималась пошлина в размере 1 пенязь. Средними по стоимости считались сукно люнское (лионское) и порпориян. За локоть этих тканей полагалось уплатить пошлину соответственно по 4 и 5 грошей литовских. Со всех тканей более высокого качества (дороже, чем люнское и порпориян) луцкие таможенники брали по 3 гроша от каждой копы литовских грошей их стоимости. В таком же порядке облагались пошлиной «косматые товары» — меха соболя, куницы, рыси, лисы, волка, белки-сибирки, росомахи, а также шкуры лося, медведя, зубра, оленя, дикой козы и других животных⁵².

Использовавшиеся для изготовления одежды ткани местного производства и привозные материи более детально представлены в уставе Луцкой таможни конца 60-х — начала 70-х годов XVI в. Из него, в частности, явствует, что 1000 локтей полотна простого облагались пошлиной в 12 грошей литовских, 1000 локтей полотна московского — 24, копа сукна домотканного — 2,

штука полотна коленского — 4, флямского — 12, бьян — 4, полштуки чамлета и мухаира — 4, постав колтрыша — 12, цвиковского — 8, муравского, чешского, швебединского, тритского, мышинского — 4, амстердамского — 6, локоть адамашки высшего качества — 2, простой — 1, штука сатина — 3, локоть атласа на золоте (стоимость 3—4 копы литовских грошей за локоть) — 2, локоть златоглава бархата — 4, гладкого бархата черного, красного, коричневого и других цветов — 3, 6 локтей китайки — 2 гроша ⁵³.

Одним из основных элементов мужского повседневного костюма была сорочка. Большинство мещан носили сорочки из домотканного льняного или пенькового полотна. Ширина домотканного полотна (45—50 см) определила особенности покроя: сорочка состояла из трех частей с ассиметричным расположением швов ⁵⁴. На изготовление других предметов одежды, которую носили малоимущие мещане, шли дешевые ткани, преимущественно домотканые, низкосортное сукно, овчина. Из таких тканей шилась поясная одежда — штаны, а также сермяги и кожухи. На шапки чаще всего употреблялись сукно и овчина. Сермяги представляли собой длинную, ниже колена, верхнюю одежду, которая шилась из грубого сермяжного сукна. Что касается овчинных кожухов, то они, как и сермяги, являлись наиболее популярным видом мужской и женской одежды. Сермяги и овчинные кожухи входили в число самых распространенных предметов городской торговли. Например, «бараньи» кожухи были включены в списки купеческих товаров, подлежащих таможенному обложению. За каждый кожух купцы уплачивали 8 пенязей пошлины ⁵⁵.

Названные выше предметы одежды были характерны для малоимущих ремесленников, торговцев, батраков, работников промыслов. Так, во время разорения одной из поташных буд вблизи г. Степани (1562) у работников было отнято 50 сермяг и 40 кожухов. На другой буде, которая также располагалась возле этого города, вследствие ограбления работники лишились большого количества сермяг, кожухов, сорочек и прочего имущества (1568) ⁵⁶. Такая одежда мало чем отличалась от той, которую носили крестьяне. Бытовала она и среди подавляющего большинства жителей местечек. Например, во время разбойного нападения шляхтича Николая Дорогостайского на местечко Хорлуп (май 1569 г.) у мещан было отнято различное

имущество, в том числе сермяги и кожухи. Примечательно, что у некоторых более зажиточных жителей местечка имелось по несколько сермяг и кожухов. Так, у хорлупского боярина Миска было отобрано 3 сермяги, у мещанина Радка — 2 сермяги и кожух, у Федца — 2 сермяги⁵⁷.

Зажиточные мещане, особенно представители богатой купеческо-ростовщицеской верхушки, а также феодальные владельцы, пользовавшиеся услугами городских портных и скорняков, носили одежду из дорогих тканей и более разнообразную по фасону. Поверх сорочки, которая использовалась как нижнее белье, одевалась верхняя рубаха — кошуля. Часто она украшалась вышивкой (косой гладью и лиштвой). Техника косой глади заключалась в том, что стежки вышивальной нити накладывались наискось по отношению к ниткам основы. Что касается лиштвы, то каждый узор в ней состоял из отдельных мелких элементов, которые вышивались независимо один от другого. Узоры лиштвы имели в основном характер геометрических фигур, выполненных в один-два цвета⁵⁸.

Общее представление о внешнем виде и декоре кошули дает реестр вещей, похищенных у луцкого гродского писаря Федора Русина (1566). В числе первых в нем названа украшенная каймой кошулька, пошита из тонкого полотна с золотой нитью. Ее широкие рукава заканчивались веерообразными шелковыми манжетами. В реестре упоминается шелковая вязаная кошулька с каймой по золотой ткани и с рукавами, пошитыми из тонкого полотна и украшенными «косым шитом»; кошулька доброго полотна коленского с вышитыми черным шелком рукавами в технике косой глади; кошулька с вышитым стаником (лифом) и рукавами, украшенными лиштвой; кошулька, в которой был полностью вышитый станик, а рукава взапястье вышиты серыми нитками; три кошульки тонкого коленского полотна с шелковыми вставками и украшенными вышивкой станиками и рукавами. Все эти кошули относились к женскому наряду. Названная в документе мужская кошуля («пана Федорова») была пошита из коленского полотна и без всякой вышивки. Еще одним предметом женского наряда был «фартушок на три лиштвы, черным шолком вышитый». Вообще вышивкой черным шелком украшались самые разные вещи, например небольшие полотенца⁵⁹.

Поясной одеждой у женщин выступала плахта. Она

состояла из двух полотнищ, которые сшивались лишь до половины, а несшитые части опускались свободно или же заправлялись за пояс. На Украине плахту носили как крестьянки, так и женщины, принадлежавшие к господствующему классу. Поясная драпирующая одежда в виде несшитой ткани была характерна также для русской поневы⁶⁰. Плахту охотно носили и мещанки украинских земель, о чем свидетельствует актовый материал. Например, плахты упоминаются в числе сорочек, платков, опанчей и других вещей, похищенных у луцкого мещанина Василия Лукашевича (1560)⁶¹.

Среди мещан средней состоятельности особенно популярной была сукня, представлявшая собой широкополую одежду из сукна на подкладке⁶². Сукня выступала как мужской, так и женской верхней одеждой. Женские сукни шились из тех же материалов, что и мужские, однако отличались по покрою. В источниках они выступают под термином «жоноцкие сукни». Мещане предпочитали сукни голубого и синего цвета. Под цвет сукни подбиралась другая одежда. У владимирского мещанина Сенка Войтовича, например, имелась сукня из люнского сукна голубого цвета. Кроме сукни в его гардеробе было еще убрание — судя по всему, легкая верхняя одежда, которая одевалась под сукню. Убрание было пошито из того же сукна, что и сукня (1566). В сукни были одеты мещане местечка Мельница Паско Сенкович, Щасный Руднык и Стецко Чатоп, возвращавшиеся домой с солью из прикарпатского г. Долины. Сопровождавшие их «паробки» имели только сермяги (1563)⁶³.

Близким по покрою и функциональному назначению к сукне был сукман. Он являлся одеждой зажиточных мещан и шляхты. Обычно сукман украшался разноцветными шелковыми шнурами. Так, у урядника Степана Тасованого, служившего волынскому шляхтичу Богдану Хренницкому, имелся сукман из муравского сукна с нашитыми на него черными шелковыми шнурами. В такой же сукман, но с красными шнурами был одет боярин Самойло, ехавший вместе со Степаном Тасованым на ярмарок в местечко Жидичин. Сукман он подвязывал поясом «з ножами угорскими» и мошной (1569)⁶⁴. Наиболее старым по покрою был сукман со сплошной спинкой и вставными клиньями. К этому типу одежды относились также однобортные и двубортные жупаны с двумя клиньями (усами) по бокам, с отложным воротником⁶⁵.

В источниках имеются сведения о цене готовых сукманов и жупиц (одежда, надевавшаяся поверх рубахи), которые носили мещане. В марте 1567 г. владимирский ростовщик Лейзор Ильяшевич за неуплату долга отобрал у жены мещанина Гната Криковича из Устилуга синий люнский сукман и красную жупицу из такого же сукна. Ростовщик добился того, что в гродских книгах Владимирского замка была сделана запись об общей стоимости этой одежды — 1,5 копы и 8 грошей литовских. В этом же местечке Лейзор Ильяшевич взял под залог в 50 литовских грошей ношенный женский сукман «вლოსкий» зеленого цвета у мещанки Марушки, который, как было отмечено в акте о его конфискации, «болшей тых пенезей не стоил» (1567) ⁶⁶.

В XVI в. среди мещанства Украины бытовала одежда, получившая распространение в Русском государстве и на белорусских землях. В частности, такие ее виды, как однорядка — долгополая однобортная одежда, которую шили из шерстяных тканей; армяк (ярмак) — халатообразная верхняя уличная одежда; опанча — подобие плаща с широкими рукавами и широким воротником ⁶⁷.

Армяк шился из суконных тканей белого, синего и других цветов. В виде украшения на него нашивались шелковые шнуры. Так, у дворянина Василия Езерского, находившегося по своим делам в Луцке в феврале 1565 г., был армяк из муравского сукна белого цвета, украшенный шелковыми шнурами. Опанча обычно служила в качестве дорожной одежды. Например, у ограбленного в пути урядника Яцка, являвшегося слугой шляхтича Григория Чаплича-Шпановского, было отнято опанчу и «ярмак» синий луцкий. Отправившись по зимней дороге в путь, двое зажиточных мещан из г. Дубно взяли с собой ложник (род покрывала) и коверец (коврик), постелив их на саях. Из верхней одежды у них были, в частности, опанча, сукня люнского сукна с серебряными пуговицами, шубка из меха хорька, подшитая люнским сукном (январь 1561 г.). Плащевидный фасон имела гуня, на изготовление которой шло сукно различных цветов. Острожский купец Иван Плескач носил гуню белого цвета (1566) ⁶⁸.

Богатством и обилием дорогих украшений отличалась одежда шляхты. Нередко она тщательно подбиралась по цвету. Например, ковельский урядник Иван Келемет, находившийся в марте 1572 г. во Владимире, имел костюм, в котором преобладали алый, красный,

гвоздичный, коричневый и черный цвета. Его фалшура (верхняя уличная одежда) была пошита из алого сукна, оторочена мехом куницы, украшена золотыми разводами и золототкаными шнурами с жемчугом. На шляхтиче был красный бархатный жупан с серебряными позолоченными пуговицами. К жупану на жемчужных пуговицах пристегивался воротник работы московских мастеров, весь усыпанный жемчугом. Костюм Ивана Келемета включал также бархатную делию, подшитую мехом куницы и снабженную позолоченными пуговицами; гвоздичного цвета однорядок с золототкаными шнурами. В качестве головного убора служил колпак из черного бархата, опушенный мехом черного соболя. В сумке у ковельского урядника находилось несколько кошуль: три кошули, вышитые золотом на фламандском полотне, и две кошули из коленского полотна, украшенные шелковой вышивкой. Оружие этого шляхтича состояло из булатной позолоченной сабли, инкрустированной серебром, и корда (кортика) «под серебром»⁶⁹.

Верхняя зимняя одежда феодальных владельцев и богатых мещан состояла из меховых кожухов и шуб, которые подшивались дорогими материями и часто имели пуговицы из драгоценных металлов. Так, волынская шляхтянка Богушева в 1561 г. отдала под залог луцкому ростовщику Юску две шубы. Одна из них была покрыта гвоздичного цвета адамашковой тканью и оторочена брюшным мехом лисицы. Застегивалась она на серебряные с позолотой пуговицы. Другая шуба пошита из волоского сукна и подшита мехом черной лисицы. Не отставали от феодалов по роскоши зимней одежды и представители городской верхушки. Например, у станицкого войта Грина имелся дорогой меховый кожух, который стоил 15 коп литовских грошей; другой кожух был из меха лисицы, покрыт волоским сукном и тканью с золотой нитью, а также к нему были пришиты серебряные пуговицы (1569)⁷⁰.

Головными уборами у мужчин обычно выступали шапки. Бедные и малоимущие мещане носили шапки из войлока, овчины и материи. Пользовавшиеся спросом у малоимущих мещан шапки стоили относительно недорого — несколько литовских грошей⁷¹. Зажиточные мещане, а также шляхта носили дорогие шапки и колпаки, самые разнообразные по форме, цвету и материалу: круглые шапки из бархата, бараньи шлыки, колпаки из сукна, подшитые мехом лисицы, соболя, ку-

ницы, шапки черные и красные с колпаками. Существовал фасон шапки, отличительной особенностью которой было наличие пришитой полоски ткани в виде небольшого полотенца («ручника»), украшавшегося вышивкой. В источниках встречается такое ее описание: «...шапка подшитая куницею з ручничком коленским вышиваным». По существу, такая шапка являлась предшественницей распространившейся позднее шапки со своеобразным коническим мешочком — шлыком, свисавшим сбоку ⁷².

Наиболее популярным видом женского головного убора был рантух — длинный платок, которым обвязывали голову. Женщины из зажиточных слоев мещанства, а также шляхтянки носили головные уборы, вошедшие в то время в моду в Польше и других европейских странах. При их изготовлении использовались различные декоративные элементы, в частности кружева, получившие широкое распространение в XVI в. в Западной Европе. Одним из крупных районов производства кружев выступала Фландрия ⁷³. Девушки и женщины из богатых семей одевали на голову брамку — головной убор из ткани и других материалов, прикрывавший лоб. При этом девушки носили брамку в виде венца. К числу женских головных уборов относился рубок, представлявший собой полосу полупрозрачной ткани, которая одевалась по типу вуали; тканица — вышитый кусок ткани наподобие платка; чепец — шляпа из различных материй, иногда плетеная в виде сетки ⁷⁴. Головные уборы, впрочем, как и другие предметы костюма богатых мещанок и шляхтянок, стоили весьма дорого. Например, за жемчужную брамку необходимо было заплатить в среднем 20 коп литовских грошей. Цена жемчужного колнера (воротника) составляла не менее 15 коп литовских грошей. Для сравнения отметим, что в исследуемый период лошадь в среднем стоила 3 копы литовских грошей, а дом мещанина средней состоятельности вместе с различными хозяйственными постройками и земельным участком стоил в пределах 40 коп литовских грошей ⁷⁵.

В источниках содержатся описания головных уборов, входивших в гардероб богатой горожанки. Воспользуемся одним из них и посмотрим, в каком уборе появлялась на улицах города, в данном случае Луцка, знатная мещанка. В описании (середина 60-х годов XVI в.) в числе первых названы наиболее дорогие головные уборы — две жемчужные брамки, одна на зо-

Портрет украинской мешапки. XVII в.

лототканой венецианской материи, другая на бархате. Перечисляются несколько чепцов: первый из муравского сукна с пушистым ворсом, который имел отворот и украшение в виде серебряных пуговиц и золотых роз; второй — «блищачий» с кружевами, изготовлен из ткани с золотыми и серебряными нитями; третий — «блищачий» без кружев; четвертый — с полосой черного бархата и золотыми кружевами; пятый — вязаный, с использованием лототканой материи и с отворотом. Упоминаются также «завиване панянское на фляманском полотне» с золотыми кружевами и три рубки. Один из них «флямский тонкий», а два — «лядских

новых». Кроме того, названа еще широкая необрубленная ткань из красного шелка ⁷⁶.

В городах и местечках Украины наиболее распространенной мужской и женской обувью были боты, черевики, чоботы и сапоги. Чоботы и черевики, в отличие от сапог, не имели голенищ. Спереди у них был разрез или же они собирались вокруг ноги на шнурке-вздержке ⁷⁷. Популярным видом обуви являлись также боты — сапоги с укороченными голенищами. Обувь зажиточных горожан и шляхты шилась из цветного сафьяна. Шляхтичи нередко носили сапоги со шпорами ⁷⁸. Гораздо проще была обувь бедных мещан, которая в ряде случаев не отличалась от крестьянской. Так, тарговицкий мещанин Вакула Дашкович носил боты «черные мужицкие» (1566). В процессе носки обуви быстрее всего изнашивались подошвы. Поэтому их время от времени приходилось менять на новые. Покупая новую обувь, мещане приобретали также несколько пар запасных подошв. Так, у одного владимирского мещанина в коморе хранились 2 пары ботов, пара черевиков и 15 запасных подошв (1566) ⁷⁹.

Разнообразие фасонов обуви стало возможным благодаря спросу на готовую обувь среди различных классово-сословных групп феодального общества, а также постепенному усовершенствованию орудий труда сапожников. Наряду с традиционными орудиями труда сапожника — шилом, иглой, широкими и короткими чеботарскими ножами — в XVI в. вошло в употребление приспособление, с помощью которого ремесленники выполняли различные операции при изготовлении обуви. Это орудие труда называлось «котел» и изготовлялось украинскими мастерами-котельниками ⁸⁰.

Ремесленники, занимавшиеся пошивом одежды и обуви, иногда прибегали к ростовщическим ссудам. Ростовщический кредит и другие формы кредитных операций получили развитие прежде всего в портняжном и скорняцком ремеслах. Подтверждением этого может служить тот факт, что в 1566 г. портной из Владимира Иван Полх получил денежную ссуду у местного ростовщика, оставив ему одно из своих изделий — дорогой бобровый кожух, подшитый порпорияновой тканью и украшенный серебряной пуговицей (стоимость кожуха равнялась 14 копам литовских грошей). Этот же портной для проведения некоторых торговых операций привлекал денежные накопления других мелких производителей. В частности, он «зложил... на тор-

говлю» с владимирским скорняком Фомой. Сумма износа Ивана Полха составила в данном случае 12 коп литовских грошей⁸¹.

В целом ростовщичество оказывало негативное влияние на городскую экономику. К. Маркс указывал, что в докапиталистических общественно-экономических формациях «ростовщичество покоится на данной основе, на данном *способе производства*, которого оно не изменяет; оно только присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»⁸². В XVI в. на Украине мелкие городские производители все чаще попадали в долговую кабалу к ростовщикам. Такой же процесс был характерен и для белорусских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, где ростовщичество пустило глубокие корни в феодальных городах⁸³.

Ремесленники брали в кредит недостающие сырьевые материалы в торговых лавках городских купцов. Это относилось также к тем ремесленникам, которые работали на заказ. Например, в 70-х годах XVI в. ковельский портной Федько, выполняя заказы, брал ткани, фурнитуру и другие материалы в лавке местного войта Григория Федоровича. В частности, для украшения церковного «престола» он взял в ней лот красного шелка стоимостью 6 грошей литовских. На изготовление жупана князя Андрея Курбского портной выбрал в лавке голубого шелка на 3 гроша, на такую же сумму — бязи (бумажная материя) для воротника, а также 6 косток для шабалташа (дорожная сумка) стоимостью 1,5 гроша, 5 дюжин крючков за 1 грош и другие материалы. Все расходы за приобретаемые материалы покрывались впоследствии за счет заказчика⁸⁴.

В портняжном и скорняжном ремеслах, в значительной степени ориентировавшихся на массового потребителя, возрастала доля рыночного продукта. Вследствие этого усложнялись формы организации ремесленного производства, о чем красноречиво свидетельствуют факты из развития этих ремесел в Луцке. В конце 30-х годов XVI в. в городе прочно утвердилась торговля готовым платьем ремесленного производства. Причем изделия местных портных и скорняков пользовались спросом не только среди мещан. Одежду различных фасонов покупали в Луцке шляхтичи, их зажиточные слуги. В частности они охотно приобретали сердцаки

(сардаки), представлявшие собой верхнюю одежду прямого покроя⁸⁵. Например, один из слуг волынского шляхтича Петра Загоровского носил «сердак луцкий, лисами подшитый» (1558)⁸⁶. Серьезную конкуренцию цеховым ремесленникам составляли портные, не входившие в цех портных и скорняков. Внецеховое ремесло послужило питательной почвой для появления элементов простой кооперации в портняжестве и скорняцком деле.

Как указывал К. Маркс, простая кооперация «совпадает с производством в широких размерах, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства. Самое большее, она выступает приблизительно в такой форме в ремесленных еще зачатках мануфактуры...»⁸⁷. Элементы производственных связей, характерных для простой кооперации, охватывали часть ремесленников, проживавших в различных городах, местечках и селах Волыни: Торчине, Клевани, Олыке и др. Все они работали по найму у луцких портных-скупщиков, субсидировавших их необходимым сырьем и материалами. Пошитые ремесленниками сукни, сермяги, кожухи и другие изделия скупщики продавали по месту их производства или же реализовали в Луцке⁸⁸. Так, в 1569 г. скупщик Абрам из Луцка отправился «в торговлю», имея для продажи около 30 предметов одежды (10 сермяг, 10 кожухов, 5 однорядков из швебединского сукна и 3 женских сукни, также пошитых из швебединского сукна)⁸⁹. Часть накопленных таким путем денег скупщики тратили на приобретение сырья и наем ремесленников. В этом четко проявилась тенденция к превращению торгового капитала в промышленный.

Исследуя формы, которые принимал торговый капитал в мелких промыслах России в XIX в., В. И. Ленин писал, что в своей высшей форме торговый капитал предполагает то, что «скупщик прямо раздает материал «кустарям» на выработку за определенную плату... торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал»⁹⁰. Отсутствие в источниках данных о количестве ремесленников, подчиненных одному скупщику, а также стоимости рабочей силы и сведений об объемах производства затрудняют определение степени развития простой капиталистической кооперации в портняжестве на Волыни. Между тем, по определению К. Маркса, «владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, ког-

да минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум»⁹¹. Есть, однако, основания полагать, что новые экономические явления, возникшие в исследуемый период в портняжном ремесле, были неустойчивыми и находились на стадии зарождения. Кроме того, для луцких внецеховых ремесленников, выступавших в роли предпринимателей и скупщиков, эти занятия отнюдь не были единственными. Они не оставили своего основного ремесла и регулярно продавали готовое платье, пошитое в своих мастерских «с комор, и теж по месту носячи», чем сильно досаждали луцким цехам⁹².

Отсюда видно, что в данном случае отсутствовало одно из необходимых условий превращения мелкого хозяйчика в капиталиста — наличие определенного минимума эксплуатируемых рабочих, благодаря чему он лично освобождался от физического труда. К. Маркс отмечал, что «первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась необходимой для того, чтобы число одновременно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того чтобы формально создать капиталистическое отношение»⁹³.

Значительной степенью товарности отличалось также цеховое ремесло в исследуемой отрасли. Наиболее тесно с городским рынком были связаны луцкие скорняки. В середине 60-х годов XVI в. около 50 % из них уплачивали налог за право заниматься торговлей. Такой же налог уплатили 23 % портных и немногим более 1 % сапожников⁹⁴. Хотя из источника (перепись торгово-ремесленного населения Луцка 1565 г., уплачивавшего подводную повинность) не совсем ясно, какие товары составляли предмет торговли ремесленников, однако заметное воздействие товарно-денежных отношений на ремесло в этом городе несомненно.

Отдельные характерные для портняжного ремесла приемы труда использовались также седельниками. Поэтому они в некоторых случаях состояли в одном цехе с портными. В уставе цеха ковельских портных начала XVII в., повторявшем более ранний, так обосновывалась необходимость включения седельников в цех: «...Так теж и седляры, гды у них сукна так много выходит яко и клею гды они иглами так робят яко и мы»⁹⁵.

Седла, которые изготовляли украинские ремесленники, ни по ассортименту, ни по качеству не уступали изделиям такого рода мастеров других европейских стран. Свидетельством этого является экспорт седел во второй половине XVI в. из украинских земель в Польшу. Так, среди товаров для продажи острожского мещанина Ивана Плескача, с которыми он ездил в Люблин, были «острозкое роботы» дорогие седла и ряды (украшения, подпруги и другие элементы упряжи). В частности, на одном из его возов находилось 4 седла, покрытых бархатом и с позолотой, 3 седла, покрытых сафьяном и расписанных узором. К каждому седлу имелось украшение «с жицами чирвоными» (1565) ⁹⁶.

Такие седла находили сбыт и на внутреннем рынке. Понятно, что их покупали лишь богатые мешане, шляхта. Например, принадлежавшее луцкому лентвойту Станиславу Романовскому седло было «оксамытом крыто червоным зо всим рядом и гвоздими позлотистыми». Покрытое сафьяном седло имел слуга шляхтича Григория Чаплича-Шпановского по имени Яцко (1566). Распространенными были седла гусарского образца — «з рядом гусарским сукна чирвоного» ⁹⁷.

Важной отраслью городского ремесла являлась деревообработка. Дерево как сырье для своих изделий, а также как материал для строительства использовали бондари, каретники, плотники, колесники, токари, столяры, шкатулочники и ремесленники других специальностей. Особенно многочисленными были плотники. Они возводили жилье, хозяйственные и производственные постройки, работали на промыслах. Феодалное государство широко привлекало плотников к строительству и ремонту оборонительных сооружений. Так, весной 1562 г. по распоряжению земского подскарбия Велико княжества Литовского Остафия Воловича в Луцке проводился наем рабочей силы для ремонта укреплений Киевского замка. Снаряженная для этой цели группа ремесленников состояла из 26 «теслей и тесельчиков». В Киев они должны были добираться водным путем на двух больших речных судах — комягах, на которые укладывался запас провианта: мука, мясо и другие «стравные речи», а также специальный инструмент. Примечательно, что все ремесленники получили определенную сумму денежного задатка ⁹⁸.

Украинские ремесленники в совершенстве владели искусством изготовления речных судов. Среди челнов

различных типов, которые строились на берегах рек мастерами из городов и местечек, наибольшей грузоподъемностью отличались комяги, позволявшие перевозить грузы весом от 15 до 35 лаштов. Они имели прямоугольную форму и снабжались 7—12 веслами. Благодаря неглубокой посадке комяги успешно использовались на мелководных реках, в частности на Западном Буге. Эти большегрузные суда стали основным транспортным средством для перевозки зерна, поташа и других экспортных товаров, отправляемых в Гданьск, а затем в различные европейские страны. Одним из наиболее значительных центров по изготовлению комяг было расположенное на Западном Буге местечко Устилуг. К началу сплавного сезона в нем строились из «борниц комяжных», жердей и досок много судов по заказу феодальных владельцев и богатой городской верхушки⁹⁹.

Комяжные мастера строили челны на средства заказчиков. Вместе с тем в Устилуге новые комяги имелись в свободной продаже. Покупателям их предлагали перекупщики. Так, в 1566 г. торговцы Айзак и Зельман из Владимира построили на свои средства в Устилуге три комяги, нагрузили их рожью и продали мещанину Петру Дуброве, который затем отправил их в Гданьск. Выгодным делом стала также аренда комяг, получившая в XVI в. широкое распространение. Например, мещанин из Владимира Ганибель Влох подписал соглашение с волынской шляхтянкой Гольшанской о предоставлении ей в пользование комяги «под попел» для отправки в Гданьск. Эту комягу Ганибель Влох держал на причале в Устилуге¹⁰⁰.

Ремесленное производство основного сухопутного транспортного средства — телег — также в определенной степени ориентировалось на рынок. Средняя цена одной телеги в середине XVI в. составляла 10 литовских грошей. В больших количествах производились деревянные бочки, являвшиеся в то время основным видом тары. Только на промыслах для перевозки готовой продукции порой требовалось несколько сотен бочек. Спросом пользовались также изделия столяров, токарей, шкатулочников: мебель, расписные шкатулки, кухонная утварь и другие предметы обихода. Самым дорогим предметом мебели в мещанском доме обычно была скрыня (большой сундук), в которой хранились одежда и наиболее ценные вещи. Рыночная цена скрыни в 60-х годах XVI в. в среднем равнялась 0,5 копы

Стулья деревянные. XVI в.

литовских грошей. В частности, по такой цене продавал свои скрины один столляр на ярмарке во Владимире (1569) ¹⁰¹.

Во многих городах проживали иконописцы, которые расписывали церковные иконостасы, писали иконы и выполняли другие художественные работы. Искусство иконописи, народной вышивки, резьбы по дереву и других видов декоративно-прикладного искусства оказывало влияние на формирование художественных и эстетических вкусов украинского этноса.

Замечательными образцами изобразительного и декоративного искусства являются украинские рукописные книги первой половины XVI в. Нередко они были результатом труда нескольких ремесленников, в частности переписчика книг, художника и ювелира. Заголовки рукописных книг, статей, начальные буквы и другие надписи выполнялись киноварью, суриком и золотом. Для нанесения на пергаментные или бумажные листы многокрасочных украшений использовалась клеевая, медовая, гуашевая и акварельные краски. Переплет рукописей делался деревянным, обтягивался кожей, иногда бархатом или шелком, украшался тиснением, металлическими украшениями. В наиболее роскошных рукописях переплет был из золота, серебра; для его отделки использовались драгоценные камни, жемчуг, эмаль и чернь ¹⁰².

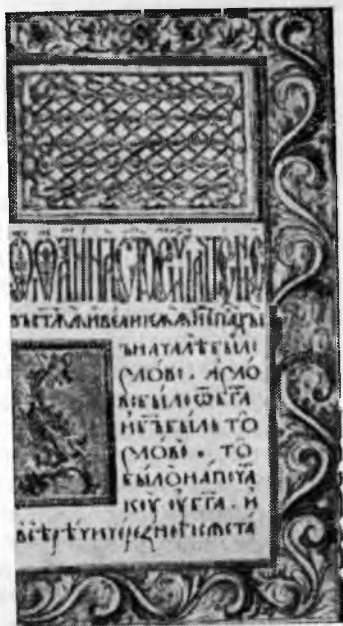
Как правило, рукописные книги украшались заставками, красочными миниатюрами, концовками и другими элементами художественного оформления. Одним из высокохудожественных образцов рукописей является «Пересопницкое евангелие», написанное в 1556—1561 гг. в Дворецком и Пересопницком монастырях на Волыни. Эта книга — вершина искусства оформления украинских рукописных книг первой половины XVI в. В ней, в частности, представлено много заставок, инициальных букв, орнаментальных рамок вокруг миниатюр, которые в основном выполнены с использованием плетенчатых и растительных мотивов — ремешковых

плетений, трилистников, четырехлепестковых цветков, изогнутых аканто-видных листков и др. ¹⁰³

В развитии городского ремесла на Украине существенную роль сыграли цехи. Среди факторов, обусловивших цеховую организацию средневекового ремесла, К. Маркс и Ф. Энгельс называли «узы общей собственности на определенную специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны...» ¹⁰⁴.

Как явствует из грамоты Сигизмунда I киевским мещанам (1516), в городе в то время существовали профессиональные объединения портных, кузнецов, брадобреев, золотарей, лучников, стрельников, скорняков, сапожников и ремесленников других специальностей. Все они находились под юрисдикцией городского самоуправления по магдебургскому праву, за исключением двух ремесленников от каждого ремесла, которыми ведала замкова администрация. Эта привилегия неоднократно подтверждалась и в дальнейшем великими князьями литовскими и польскими королями, в частности в 1569 г. ¹⁰⁵ Характерно, что уже в 1578 г. в жалобе городского самоуправления Киева на местного воеводу, адресованной польскому королю Стефану, выше-названные ремесленники именовались «цеховыми» ¹⁰⁶.

В целом классическое цеховое устройство коснулось ремесла ограниченного числа феодальных городов Украины, находившейся под властью Великого княжества

Страница
«Пересопницкого евангелия».
XVI в.

Литовского. Утверждение некоторых исследователей о существовании в середине XVI в. цеховых организаций ремесленников в Белой Церкви, Чуднове, Житомире, Каневе, Черкассах, Виннице, Брацлаве, Звягеле и других городах и местечках¹⁰⁷ не находит достаточного подтверждения в источниках. Не вызывает сомнения существование в рассматриваемый период цехов по крайней мере в четырех городах — Владимире, Ковеле, Кременце и Луцке¹⁰⁸.

Организационная структура цехов в украинских городах в целом была типичной для средневекового ремесла. Цехи состояли из полноправных членов, которыми формально являлись все мастера (на практике всеми делами в цехе вершила кучка наиболее богатых ремесленников-мастеров), а также неполноправных: подмастерьев и учеников. Давая оценку отношениям внутри цеха между его членами, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соответствовало интересам мастеров; патриархальные отношения между ними и мастерами придавали последним двойную силу: во-первых, мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь подмастерьев, и, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем уже в силу своей заинтересованности в том, чтобы самим стать мастерами»¹⁰⁹.

В самом низу цеховой иерархической системы находились ученики. Они обязаны были проживать в доме своего мастера и беспрекословно выполнять его любые задания, в том числе не имевшие ни малейшего отношения к избранной профессии. Срок ученичества зависел от вида ремесла, а также сложившихся в том или ином городе традиций. В средневековых городах Англии сроки обучения ремесленным профессиям чаще всего составляли 7—9 лет. Однако в ряде случаев период ученичества длился значительно дольше. Например, мастера-шерстяники держали подопечных в учениках 15 лет, виноделы — 15, суконщики — 18 лет. Портные брали учеников на срок 7—14 лет, ювелиры — от 9 до 14 лет¹¹⁰. В XII—XIII вв. у булочников французского г. Арраса ученики изучали основы профессии в течение 2 лет, у золотых дел мастеров Аббевиля —

4 года, у аптекарей — 8 лет. Столько же времени учились ремеслу аптекари Амьена ¹¹¹. В XVI в. в польских городах будущие ремесленники ходили в учениках от 1 до 6 лет. При этом, если ученик цеха мясников в Познани находился в таком статусе 1 год, то во Вроцлаве — 2 года ¹¹².

В феодальных городах Украины дольше всего велось обучение ремеслу золотаря и часовщика. Во Львове период ученичества по этим профессиям длился от 4 до 7 лет ¹¹³. Не меньшим он был и в городах украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Так, у луцкого золотаря Яна, у которого было двое подмастерьев, обучался ювелирному ремеслу ученик Лаврин Мулярович. Прослужив в учениках более 4 лет, он решил бросить учебу под предлогом того, что мастер незаконно занимался чеканкой монеты. Запись заявления по этому поводу Лаврина Муляровича в книгах Луцкого гродского суда интересна тем, что она отражала реальные отношения, складывавшиеся между мастером, подмастерьями и учениками: «...Иж дей учился есми ремества золотарского у Яна, золотара луцкого болшей чотырох лет. А тепер есми зо две недели як есми от него одишол, не хотячи болшей служити у него, на науце быти. Бо дей он сее зимы близко прошлое у панее ключковое выбудовал в светлицы малой от саду с товаришами своими с Пудловским и з Мартыном гроши полсерные ковали и тые гроши вси што кольвек уковали паней ключниковою давали» (1568) ¹¹⁴.

После прохождения курса обучения ученик получал «освобождение» и пополнял ряды подмастерьев. Положение подмастерья по сравнению с учеником было несколько лучшим. Вместе с тем он продолжал жить в доме мастера и выполнять все его указания и поручения. Цеховые уставы ремесленников предписывали подмастерьям отработать у мастера несколько лет. Так, в середине XVI в. луцкие подмастерья, которые занимались портным, скорняжным, шорным, слесарным, столярным, малярным и рядом других ремесел, обязаны были служить мастеру не менее 2 лет. При этом им предоставлялось право выбора любой ремесленной мастерской ¹¹⁵.

Затем подмастерья отправлялись в обязательное путешествие с целью поступления на работу к мастерам-ремесленникам других городов или даже стран. Из устава цеха луцких кузнецов, подтвержденного поль-

ским королем Стефаном Баторием в 1581 г., явствует, что подмастерья получали для этой цели рекомендательное письмо от цеха, заверенное цеховой печатью: «...Для правованья таковых цехов так же пописованья и даванья листов в справах цеховым учнем або товаришам для сведецтва до иных мест печать цеховая есть, которая в месте Луцком бывала»¹¹⁶.

Странствование в другой город связывалось с необходимостью усовершенствования профессиональной выучки подмастерья и подготовки к экзамену на мастера, на который представлялась «штука» — своего рода конкурсное изделие. По нему определялся уровень квалификации подмастерья. Решение по этому вопросу выносили строгие экзаменаторы-мастера. Если удавалось пройти это испытание, новоиспеченный мастер устраивал банкет для мастеров и вносил в цеховую кассу большую вступительную сумму денег. Впрочем, в XVI в. как на украинских землях, так и в Польше заметно снизились требования к конкурсным испытаниям на звание мастера. Одной из причин таких послаблений было то, что претендентами на это звание, как правило, выступали дети и родственники самих экзаменаторов¹¹⁷.

Сравнение ремесленных цехов украинских городов исследуемого периода с цехами средневековых городов западноевропейских стран показывает как сходство, так и определенные различия между ними. В Западной Европе цеховая система оказывала наибольшее влияние на городское ремесло в XIII—XV вв.¹¹⁸. Отличительной чертой западноевропейских цехов явилась строгая регламентация производства и сбыта ремесленной продукции, одной из причин которой была, в частности, ограниченность рынка. Так, в уставах немецких ремесленных цехов — кельнских, любекских, страсбургских и других — скрупулезно оговаривалось качество сырьевых материалов, которые использовались в производстве, а также детально регламентировались все возможные в то время формы реализации готовых изделий¹¹⁹. Венецианский цех шелкоткачей регламентировал всю технику производства и устанавливал строгий надзор за качеством сырья с тем, чтобы к шелку не подмешивались хлопок или другие волокнистые материалы. К изготовленным тканям предъявлялось требование, предусматривавшее соответствие их по качеству всем цеховым правилам¹²⁰.

Поскольку цеховое ремесло в период средневековья

развивалось в условиях ограниченного и неустойчивого рынка, то задачей технической регламентации являлось подведение необходимого экономического базиса под запреты, направленные против конкуренции внутри цеха и со стороны приезжих мастеров. Благодаря технической регламентации становились возможными полное и равномерное использование локального рынка и повышение конкурентоспособности производимых изделий. Этим же целям отвечала система визитации — периодические обходы мастерских цеховыми старшинами с целью контроля за качеством сырья, готовых изделий, состоянием инструментов и характером применяемых технических способов производства. Так, согласно обычаям цеха парижских седельников, присяжные ежемесячно совершали обход домов цеховых мастеров, забирая у них фальшивые изделия, которые подлежали сожжению ¹²¹.

В условиях господства в период средневековья натурального хозяйства цеховая и муниципальная регламентация облегчала простое воспроизводство в сфере городского ремесла. При этом регламентация сводилась не только к ограничительным предписаниям, касавшимся качества сырья, технических приемов изготовления ремесленных изделий и их продажи. В Англии, Германии, Австрии, Нидерландах и других странах Западной Европы она охватывала такие вопросы, как обеспечение мастерских сырьем, упорядочение ученичества, квалификация подмастерьев и правила их найма, регулярность работы, устранение внутренней и иногородней конкуренции ¹²².

В XVI в. в городах Украины, находившейся под властью Великого княжества Литовского, также существовали ограничительные предписания цеховой регламентации. В отличие от западноевропейских, цеховые уставы украинских городов не содержали многих запретов и требований, касавшихся технической стороны производства ремесленных изделий. Однако цеховые ремесленники вынуждены были подчиняться тем или иным формам регламентации, традиционно установленной в данном цехе («што цехмистр з ыншою братьею своєю... межи собою уфолили в речи цеховой тогды то держати кождый повинен был»). Как следует из королевского подтверждения цехового устава луцких плотников и каменщиков (1581), во время сильного пожара в городе сгорел сундук с тридцатью документами, которыми руководствовались в своей деятельности цехо-

вые ремесленники: «...скрыня 30 листы порядком нашим цеховым и з нашими справами и потребами цеху нашому належачим»¹²³. Среди них могли быть документы, содержащие положения технической регламентации.

Тем не менее симптоматичным является тот факт, что в тексты уставов луцких цехов портных и скорняков, кузнецов, плотников и каменщиков, которые имели силу в середине XVI в. и в более поздний период, не были включены обязательные для всех ремесленников требования к ассортименту и качеству сырья, а также правила его покупки на рынке. В уставах отсутствуют специальные указания относительно техники производства и стандартизации изделий (для западноевропейских цехов это одно из главных положений). Для сравнения отметим, что наиболее характерной чертой внутренней регламентации стокгольмских цехов было установление равных возможностей для всех ремесленников в покупке сырья, количестве и качестве затраченной работы, а также готовой продукции, условиях сбыта и цене готового продукта¹²⁴.

Это подтверждает то, что цехи украинских городов, функционировавшие в исторически более поздний по сравнению с западноевропейскими цехами период, не знали столь жесткой технической регламентации. Не удивительно, что в один цех иногда входили ремесленники, чьи профессии были весьма мало связаны друг с другом. Например, в луцкий цех кузнецов входили ремесленники таких специальностей, как золотари и столяры, шорники и слесари, котельники и седельники, сабельщики и каретники, лучники и маляры и др. От каждой ремесленной специальности избирался старшина, а во главе всего цеха стоял цехмистр¹²⁵.

Регламентация в производственной сфере прежде всего сводилась к ограничению численности учеников и подмастерьев, работавших у одного мастера. Это наиболее сдерживало развитие производительных сил в ремесле. Цеховые организации на Украине преследовали также фискальные цели. самостоятельные мелкие производители обязаны были регулярно уплачивать определенный денежный взнос в кассу цеха. Еще одним важнейшим требованием цеховых уставов был полный охват рамками цеховой организации всех ремесленников города, независимо от того, какой юрисдикции они подлежали. Названные положения отвечали стремлениям цехов к монополии в своей отрасли и устранению

конкуренции со стороны внецеховых ремесленников. Так, в цеховом уставе портных и скорняков Луцка, подтвержденном королем Сигизмундом Августом в 1564 г., значительное внимание уделялось вопросу о членстве в цехе. Согласно артикулам цехового устава, ремесленники, которые «мешкали в домех и по дворцах князьских, паньских и духовных, и где кольвек, а ремесла обойго того вживали, таковой кождый повинен был цехмистра и послушон быти и до цеху ходити и плат звыклый поспол з ними платити до ключника нашего, яко повинен». Прибывавшим в город портным и скорнякам, желавшим заниматься своим ремеслом, вменялось в обязанность известить об этом цехмистра. В том случае, если ремесленники оставались на постоянное местожительство в Луцке (обзаводились недвижимостью), им предписывалось уплатить 3 копы литовских грошей в пользу цеха. Такая сумма представляла собой обязательный вступительный взнос для цехового мастера. Никто из цеховых мастеров не имел права принимать учеников и подмастерьев без ведома цеховых старшин. За нарушение этого правила с провинившегося взыскивался денежный штраф, а произведенные изделия конфисковывались¹²⁶.

Сохранение монополии в ремесле было неотъемлемой чертой политики цехов в городах западноевропейских стран в период средневековья. Например, флорентийский цех суконщиков руководствовался целой «обоймой» различных предписаний, призванных обеспечить охрану и гарантировать монопольное производство сукна во Флоренции и ее дистрикте¹²⁷.

Цеховые уставы ремесленников в городах Украины регламентировали различные стороны внутренней жизни цехов и поведения их членов. В частности, об этом свидетельствует ряд статей в уставах цеха портных и скорняков, а также цеха кузнецов Луцка. В соответствии с ними устанавливался порядок, согласно которому один раз в квартал все цеховые ремесленники собирались на сходку. Определялись размер цеховых взносов и периодичность их уплаты. Два раза в год все члены цеха устраивали в складчину общую трапезу. Цеховые уставы обязывали «младших» членов цеха оказывать уважение и прислуживать мастерам. В случае смерти цехового ремесленника весь цех участвовал в его погребении и др.¹²⁸ В этом отношении цеховые порядки в Луцке были близкими к тем, которые существовали во многих городах средневековой Европы. Так,

в уставах венецианских цехов предусматривались различные меры цеховой взаимопомощи и благотворительности. Членам цеха вменялось в обязанность участвовать в похоронах своих товарищей. Один-два раза в год цеховые ремесленники собирались на пирушку, которая устраивалась в складчину. Аналогичные статьи содержались также в цеховых уставах средневековых городов Франции и Швеции ¹²⁹.

Система избрания цехмистра и цеховых старшин в городах Украины полностью отвечала кастовым интересам наиболее богатых мастеров. Они обычно и возглавляли цех. В действовавшем в XVI в. уставе ковельского цеха портных руководство цеха устанавливалось из цехмистра и четырех его помощников. В уставе много внимания уделялось описанию различных обрядов, призванных сохранить незыблемость иерархической системы цеха, привить ученикам и подмастерьям чувство полного послушания мастерам. На это были направлены и система штрафов за неуважительное отношение младшего к старшему, и церемониальная сторона общих трапез. Однако главное в цеховом уставе заключалось в его экономической и социально-политической направленности: в условиях ограниченности рынка цеховому ремеслу жизненно необходима была строжайшая регламентация численности ремесленников, работавших в одной мастерской. Устав ковельских ремесленников портного ремесла устанавливал допустимое количество подмастерьев и учеников (4 человека), на которых мог рассчитывать мастер. Нарушение этого предписания или же тайное занятие ремеслом влекло за собой денежный штраф. Предусматривались также другие штрафы и денежные поборы, которые накладывались на внецеховых ремесленников ¹³⁰.

Как следует из привилегии польского короля жителям Кременца (1536), городские ремесленники следующих специальностей: портные, скорняки, сапожники, мясники, пекари, гарбари — получали возможность объединяться в цехи ¹³¹. Одним из самых больших в городе стал впоследствии цех мясников, в который в начале 60-х годов XVI в. было записано около 20 ремесленников-мастеров. Мясники (резники) уплачивали налог в пользу феодального государства. В торговые дни они давали определенную сумму денег замковой администрации за право продажи жира и мяса. В цех входили далеко не все мясники, проживавшие в городе. Немало ремесленников занимались резницким де-

лом вне цеха, уплачивая за это специальный побор местному старосте¹³².

Как отметила историк А. К. Швидько, не скованные цеховыми ограничениями партачи (внецеховые ремесленники) быстрее перенимали технические новшества и увеличивали выпуск продукции лучшего качества. Это приводило к усилению конкуренции на рынке и, в конечном итоге, размывало цеховые устои¹³³. Во внецеховом ремесле спорадически зарождались элементы новых производственных отношений. Несмотря на жесткие дискриминационные меры со стороны цехов и органов городского самоуправления, внецеховое ремесло отнюдь не уступало своих позиций. Так, начавшаяся в конце 30-х годов XVI в. тяжба между цехом портных и скорняков Луцка и местными партачами, по существу, закончилась официальным признанием социально-экономического статуса последних. Согласно решению королевского суда, внецеховые портные и скорняки могли продолжать заниматься своим ремеслом при условии уплаты определенной денежной суммы¹³⁴.

В конце 60-х годов XVI в. начала наступление на внецеховых ремесленников-мясников магдебургская рада г. Владимира, не гнушавшаяся никакими средствами ради достижения своих фискальных целей и пытавшаяся установить в городе такой порядок, чтобы «жаден резник который не есть в цеху на месте в рынку на лавках местных... мясом не торговали и в том порядке меского не псовали». В июле 1569 г. по приказу магистратских урядников городские слуги ограбили мясников князя Льва Сангушковича-Кошерского, которые, несмотря на запрет, продавали свои товары на городском рынке. У внецеховых мясников было отнято много битой птицы, баранье, козье и говяжье мясо, а также значительное количество шкур животных. Показательной была реакция на это городской общины Владимира. Собравшись на рыночной площади, мещане «вси одностайце на голос криком великим» решительно высказались против цеховых ограничений для партачей и за разрешение последним «не толко мяса але и всякими речами им ся в месте на рынку продавать, торговать, куповать и тым ся обиходить и торг вживать яко из стародавно бывало ничим не забороняючи».

Такая позиция городского посольства объяснялась тем, что уменьшение количества товаров на рынке вело к росту дороговизны: «...Мусим дорошжей куповать»

Это особенно остро сказывалось на материальном положении городских низов. Симптоматично, что часть ремесленников других специальностей также не мирилась с цеховой регламентацией. Например, скорняк Потап и сапожник Гурец, постоянно призывавшие мещан к «розорваню тых цехов», придя к замковой администрации, «почали криком великим мовить... иж мы войту и радцам тых цехов в месте незволяем а ни мети хочем»¹³⁵.

Несмотря на ожесточенный характер антицеховых выступлений мещанства во Владимире, превалирующей тенденцией развития ремесла в городе являлась корпоративность. Если в период описанных выше событий было 7 цехов: портных, мясников, купцов, цепнарей, сапожников, кузнецов и плотников,— то уже несколько месяцев спустя король разрешил учредить в городе новые цехи. Общее их количество достигло 11. В них должны были записаться ремесленники 23 специальностей (а также купцы): портные и скорняки; золотари, кузнецы, слесари; котельники, сабельщики, мечники; сапожники, шорники, седельники; пекари и перекупщики; гончары, каменщики, стригольники; мясники; плотники и бондари; столяры и маляры; солодовники; купцы¹³⁶.

Таким образом, в городском ремесле в исследуемый период происходили углубление дифференциации и специализации, возникновение новых ремесленных профессий, освоение производства технически сложных изделий. Часть ремесленников во все большей степени ориентировалась на рынок, что особенно было характерно для специалистов, связанных с производством металлических изделий, продуктов питания, пошивом одежды. Аналогичный процесс в ремесле наблюдался и в Русском государстве, где в XVI в. значительно возросла доля рыночного продукта во всех отраслях как городского, так и сельского ремесла. В XVI в. на белорусских землях ремесло также представляло собой развитое товарное производство¹³⁷.

Цеховая организация ремесла получила распространение в сравнительно небольшом количестве городов. В таких городах довольно успешно развивалось внецеховое ремесло, а в некоторых его отраслях (портняжество) зарождались производственные связи, характерные для простой кооперации.

2. ПРОМЫСЛЫ

В феодальных городах Украины наряду с ремеслом развивались различные промыслы. Исследуя мелкое товарное производство в России во второй половине XIX в., В. И. Ленин указывал на необходимость разграничения «экономических типов» промыслов. В частности, он писал, что при этом «желательна... более подробная группировка, например: хозяева с наемными рабочими — хозяева без наемных рабочих — торговцы, скупщики, лавочники и пр. — ремесленники в смысле работающих на потребителя промышленников и т. д.»¹³⁸ Такой подход к выяснению сущности и социально-экономической природы промыслов имеет важное методологическое значение и при исследовании городских промыслов на украинских землях в конце XV — 60-х годах XVI в.

Отдельную группу на Украине составляли городские промыслы, на которых трудились наемные работники, не владевшие ни средствами производства, ни результатами своего труда. Прежде всего это относилось к промыслам по производству поташа, селитры, заготовке деловой древесины, клепок, засолке рыбы. Как правило, в эти промыслы большие средства вкладывали богатая купеческо-ростовщическая верхушка городов, а также феодальные владельцы. На промыслах использовались разнообразные простые механизмы и приспособления. В процессе производства происходила промышленная переработка природного сырья преимущественно в полуфабрикаты. По определению исследовательницы феодальных городов Украины XVII в. Е. С. Компан, промыслы являлись более высоким этапом в развитии промышленности по сравнению с домашней промышленностью и цеховым ремеслом. Они представляли собой отдельные отрасли феодальной промышленности и концентрировали относительно большие группы ремесленников-специалистов и чернорабов, объединенных определенным договором¹³⁹.

В другую группу входили промыслы, непосредственные производители в которых, как и городские ремесленники, владели условиями производства, поскольку для них «особый вид труда, мастерство в нем и соответственно с этим собственность на орудие труда равнозначны собственности на условия производства...»¹⁴⁰ К таким промыслам, где владелец промыслового заве-

дения одновременно выступал и работником, принадлежали винокурение, гужевой извоз, а также, в известной степени, проводка по рекам комяг, челнов, других речных судов. Во всех перечисленных выше промыслах ремесленный по внешней форме и характеру собственности труд непосредственных производителей перерастал в промысловый. Здесь имела место тенденция к превращению ремесленников в «работающих на потребителя промышленников...»¹⁴¹

Жители феодальных городов Украины занимались также промыслами, близкими по своей природе к сельскохозяйственному производству. Это были бортничество, бобровничество, отлов диких лошадей, охота и др. Такая деятельность, в общем, не требовала сколько-нибудь сложного ремесленного труда или промышленной переработки сырья.

Одним из наиболее развитых с точки зрения форм организации производства, глубины разделения труда, а также технического уровня являлся поташный промысел. В этот промысел были втянуты широкие социальные слои феодального общества — представители господствующего класса, чаще всего выступавшие как собственники лесных массивов, зажиточная купеческо-ростовщическая верхушка городов и местечек, вкладывавшая большие денежные средства в финансирование и организацию работ на поташных будах, массы мещан и феодально зависимых крестьян, непосредственно занятых в производстве.

Успешному развитию поташного промысла на украинских землях способствовала благоприятная конъюнктура, сложившаяся на рынках западноевропейских стран. В первой половине XVI в. 1 лашт золы, производимой на поташных предприятиях, стоил 32 золотых, цены на золу и поташ быстро возрастали. Продукция поташного промысла находила сбыт в Польше, Германии, Нидерландах, Англии¹⁴².

Как правило, поташ применялся при изготовлении стекла, мыла, красок, использовался в кожевенном, суконном и других производствах, употреблялся для лечения кожных заболеваний у животных, мытья посуды и т. п. Исходным сырьем для получения поташа служила древесная зола. Ее добывали путем сжигания некоторых пород деревьев на кострах, в ямах или печах. При сжигании березы, сосны, ели получалось менее 1 % чистой золы, не содержащей угля.

Вначале выщелачивались содержащиеся в золе раст-

воримые соли. Золу смачивали водой, давали ей отстояться и через определенное время нагружали в деревянные чаны, доливали воду, в результате чего начинался процесс выщелачивания. Спустя несколько часов через специальное отверстие внизу чана сливался 20-процентный щелок (карбонат калия K_2CO_3). Выпаривание щелока производилось в металлических сковородках и в котлах на открытом огне. Полученный сырой поташ имел грязновато-бурый цвет и давал бурый водный раствор. Если такой поташ прокаливали или кальцинировали в печах, то из него удалялась вода и сгорали органические примеси. Кальцинированный поташ представлял пористую твердую массу белого цвета с синеватым отливом¹⁴³.

Своеобразными предприятиями по переработке древесины в поташ были так называемые буды. Они представляли собой промысловые заведения, основанные на ручном производстве. Поташные буды принадлежали как феодальным владельцам, так и купцам. В обоих случаях квалифицированные работники привлекались на буды на условиях найма. На многих поташных будах трудились десятки, а на некоторых — сотни ремесленников, вспомогательных работников, специалистов поташного дела, извозчиков. Концентрация в одном месте столь значительного для исследуемого периода числа работников объективно приводила к углублению разделения труда. Это создавало известные предпосылки для появления в рамках феодальной общественно-экономической формации более совершенных, чем в ремесле, форм организации общественного производства.

Вследствие жесткой зависимости от сырьевой базы — леса — поташные буды не могли строиться в самих городах. Тем не менее поташный промысел был органически связан с городской экономикой. Именно с городов приходили на поташные буды квалифицированные специалисты-будники и ремесленники различных специальностей, составлявшие основное ядро работников. Немаловажную роль играли также городские извозчики, осначи (сплавщики), лесорубы. Поташный промысел не смог бы сколько-нибудь успешно развиваться без привлечения купеческого капитала. Многие предприятия по производству поташа принадлежали городским купцам и ростовщикам. То есть, этот промысел, впрочем, как и другие промыслы, нуждавшиеся в большом количестве квалифицированных работни-

ков, а также притоке купеческого капитала, играл существенную роль в социально-экономической жизни феодальных городов.

Поташное производство основывалось на простой кооперации. Определенное представление об этом дают сохранившиеся документальные материалы о работе одной из поташных буд, построенной в начале 60-х годов XVI в. купцом из Бреста Юнасом в Полянском лесу на Волыни. Сам Юнас выступал подрядчиком виленского воеводы Николая Радивилла. На буде работали 160 «будников», а также несколько десятков извозчиков. Часть работников заготавливали древесину. Остальные были заняты на различных участках, составляющих цепочку производственного процесса. Так, определенное количество работников обслуживало будные печи, в которых в результате сжигания древесины добывалась зола. Затем зола насыпалась в деревянные емкости, где происходило ее выщелачивание. Такая операция, судя по всему, выполнялась специально обученными работниками. Еще одним элементом в процессе изготовления поташа было выпаривание добытого из золы щелока. Для этой цели на буде имелось 12 котлов, возле которых постоянно трудились несколько работников.

Важные работы выполняли ремесленники по дереву. Они возводили различные хозяйственные и жилые постройки: коморы для хранения поташа, бараки для работников — гридни, избы и др. Бондари и плотники изготавливали деревянные корыта для выщелачивания золы, емкости для ее сыпки и сушки, деревянные бочки, в которых хранилась готовая продукция. Среди инструментов, находившихся в их пользовании, имелось 48 сверл и 113 топоров. Расфасованный в бочки поташ отправляли из буды к ближайшему речному порту. Этим делом занимались наемные извозчики.

Всеми работами на упомянутой поташной буде руководил шафар (мастер) по имени Тимош. Он обеспечивал также работников съестными припасами, платил им жалование, нанимал транспортные средства. В «скрынке» Тимош хранил 150 коп литовских грошей, предназначенных для нужд буды. Кроме того, 100 коп литовских грошей он выдал будникам, такую же сумму выплатил извозчикам (для перевозки готовой продукции потребовалось несколько десятков телег и более сотни лошадей). Лишь за период с осени 1561 и к началу февраля 1562 г. на этой буде было изготов-

лено 100 лаштов фальбы (зола) и 100 лаштов поташа, расфасованного в бочки¹⁴⁴.

Размах работ на поташных будах, находившихся в ведении купца Юнаса, не уменьшался и в последующие годы. Так, в 1565 г. на его буды, расположенные в лесах под городом Степань, прибыло 700 подвод для перевозки готовой продукции на берег Буга. Поташ перегружался затем на кояги и доставлялся в Гданьск. Для транспортировки 200 лаштов поташа из буды, расположенной в Березенском лесу (Во-лынь), этому купцу понадобилось 600 подвод (на каждую подводу грузилось по 4 бочки поташа)¹⁴⁵.

Одним из крупных поташных предприятий являлась буда, построенная в 1568 г. у с. Велихово Степанской волости. Принадлежала она шляхтичу Ольбрехту Ласскому. На ней работали по найму 150 будников, «работников попельных» и бондарей. Среди орудий труда, которыми пользовались работники буды, насчитывалось 150 топоров, 4 полосы для заточки инструмента, бондарские ножи и другие инструменты. На буде содержался большой запас продовольствия: 50 мац муки, 30 мац гороха, 6 мац пшена, 4 мацы гречневой крупы, 120 полтей мяса, 40 бараньих туш, 8 говяжьих туш, 20 бочек соленого говяжьего мяса.

Производственные связи между работниками на этом промысловом предприятии базировались на принципах простой кооперации. Это позволяло заметно повышать производительность труда и, соответственно, увеличивать выпуск готовой продукции. Нанятые на буду 150 квалифицированных работников за сравнительно небольшой отрезок времени сумели изготовить много поташа и зола. Последней, в частности, было получено 200 лаштов. Для транспортировки готовой продукции потребовались десятки извозчиков. Шафар приготовил для оплаты этой работы 360 коп литовских грошей. Общая сумма материальных затрат на средства производства, орудия труда и наем рабочей силы равнялась 4000 копам литовских грошей¹⁴⁶.

Несмотря на то, что для постройки и организации работы поташной буды нужны были весьма внушительные денежные капиталы, это отнюдь не отпугивало богатых купцов и феодальных владельцев от занятия поташным промыслом. Их привлекала большая прибыльность этого дела. Доходы от продажи поташа и зола с лихвой покрывали все производственные издержки. Только в 1565 г. упомянутый выше шляхтич Ольбрехт

Ласский в основном от выручки за проданный в Гданьске поташ получил чистый доход в размере 5000 золотых червонных, 4000 талеров и 1500 золотых польских¹⁴⁷.

Такое крупное для исследуемого периода производство, как поташный промысел, уже не могло обойтись без подрядчиков. Ведь концентрация на поташных будах большого количества рабочих рук, нетрадиционные для феодального ремесла технология и организация производства, проникновение в этот промысел купеческого капитала порождали проблемы, которые часто не в состоянии был решить владелец денежных средств, желавший заняться поташным промыслом.

Как правило, подрядчики занимались строительством поташных буд. Они организовывали возведение комплекса хозяйственных построек, будных печей, контролировали установку котлов, другого простого оборудования. Подрядчики поставляли работникам продукты питания, занимались наемом извозчиков. Одним из таких подрядчиков был крупный купец и ростовщик из Луцка Батко Мисанович. Например, он взял обязательство перед войтом из с. Бережцы (Волянь) соорудить в октябре 1564 г. поташную буду в лесах у г. Степань, а также обеспечить работников буды продовольствием: «Дати работникам попиловым на работу муку и горох, и буду водле потребы зо всим достатком поставити». Работники на этой буде трудились согласно договору. Характерно, что когда их перестали устраивать условия труда, все 100 человек, «побравши з собою все статки лесной работе належачие з леса проч пошли и, оповедавшись в замку степанском, до иных буд пошли»¹⁴⁸. Этот факт убедительно свидетельствует, что спрос на вольнонаемную рабочую силу в поташном промысле был постоянным. Причем это была одна из основных форм привлечения работников на поташные буды. Отсюда появление отношений между владельцами буд и работниками, которые не укладывались в традиционные для феодализма рамки отношений между феодальными владельцами и крепостными. Оставив невыгодную для себя работу на одной буде, работники могли наняться на другую буду.

Квалифицированные специалисты-будники, освоившие технологию производства поташа и к тому же лично свободные, а значит, имевшие возможность беспрепятственно работать по найму, обычно приходили на буды из городов. Например, в 1564 г. для строительства

и дальнейшей эксплуатации поташной буды в Омелянском лесу, являвшемся феодальной собственностью шляхтичей Омелянских, шафар и будники были наняты в Ковеле ¹⁴⁹. В 60-х годах XVI в. средняя оплата работника поташного промысла равнялась 1 копе литовских грошей. Так, 30 наемным будникам, работавшим в Хоботовском лесу на Волыни, арендаторы платили за сезон по 1 копе литовских грошей. По столько же получали специалисты-будники и на других поташных будах ¹⁵⁰.

Выполнение подрядных работ жителями феодальных городов Украины не ограничивалось постройкой поташных буд. Например, предпринимательская деятельность упомянутого выше купца и ростовщика из Луцка Батка Мисановича охватывала наем извозчиков на поташные буды. Кроме того, он имел несколько собственных поташных буд, приносящих ему немалые доходы. Поташные буды возводились в лесах, принадлежавших феодальным владельцам. В 1564 г. между Батком Мисановичем и шляхтичем Иваном Чапличем-Шпановским был подписан контракт, предусматривавший аренду Моковского леса, являвшегося собственностью этого феодала, с целью выжигания «попелов на колко десет лаштов». На устроенную в Моковском лесу буду было нанято 28 работников. В целом выполнение подрядчиками различных работ на поташных предприятиях стало довольно распространенным явлением ¹⁵¹.

Поташный промысел получил широкое распространение в основном на Волыни. Это обуславливалось, в частности, большой концентрацией в Волынском воеводстве (по сравнению с Киевским и Брацлавским) городов и городского населения. Немаловажное значение имело и то, что поташные буды на Волыни располагались недалеко от Западного Буга. По этой удобной водной артерии поташ кратчайшим путем доставлялся в Гданьск, а затем — и на рынки западноевропейских стран. Все это послужило причиной того, что доходы от поташного промысла превратились в существенный источник накопления денежных капиталов богатой городской верхушкой Волыни.

В 60-х годах XVI в. в число крупных предпринимателей, занимавшихся поташным промыслом, выдвинулся луцкий войт Иван Борзобогатый. На его поташных будах производились сотни лаштов поташа. Ежегодно тяжело груженные бочками с поташем кояги плыли по

Западному Бугу к Гданську, который был большим центром торговли поташем. Часть доходов, полученных от торговли продукцией поташного промысла, шла на оплату арендуемых у феодальных владельцев лесных массивов.

Одна из таких сделок заключена луцким войтом с шляхтичем Кирдеем-Мыльским в 1561 г. Согласно условиям аренды, под вырубку отводился обширный участок в Сененском лесу. По обоюдным расчетам предпринимателя и владельца леса древесного сырья там должно было хватить на изготовление 200 лаштов поташа¹⁵². В том же году Борзобогатый-Красенский арендовал леса у княгини Беаты Острожской, где было произведено 200 лаштов поташа. Это обеспечило войту доход в несколько тысяч золотых польских. Княгиня Беата Острожская продолжала оставаться партнером предпринимателя из Луцка и в последующие годы. В 1563 г. он подписал с ней контракты на аренду участков леса под местечком Берездов и г. Полонное. Работники Борзобогатого-Красенского должны были там изготовить не менее 150 лаштов поташа. Княгиня охотно отдавала свои лесные угодья под топоры будников, поскольку видела в этом немалую выгоду. За каждый выпаленный в ее лесах лашт поташа ей причиталось 4,5 копы и 2 гроша литовских грошей. Сумма задатка, которую обязался уплатить луцкий войт, составляла 1000 золотых польских. Правда, владелица леса должна была доставить весь поташ из буд в Луцк подводами своих крестьян. Однако это не вводило ее ни в какие расходы¹⁵³.

Для занятия поташным промыслом нужны были не только значительные денежные капиталы и предпринимательская жилка. В условиях непрекращавшихся феодальных распрей, вооруженных наездов и торжества кулачного права промысловая деятельность становилась довольно рискованным занятием. Сам Борзобогатый отнюдь не чуждался обычной в феодальную эпоху практики разбойных нападений на конкурентов. Так, в 1564 г. по его приказу был захвачен большой обоз с поташем шляхтича Ольбрехта Ласского, направлявшийся к Городлу¹⁵⁴. Чтобы избежать самому подобной участи, луцкий войт старался объединить свои силы с родственниками. В частности, он занимался поташным промыслом совместно с братом. В 1564 г., «на сплав теперешнее весны» они обязались перед шляхтичем Криштофом Граевским поставить в Гданьск

130 лаштов поташа. К предпринимательству приобщались также сыновья Борзобогатого. Они часто ездили в Гданьск по делам, связанным с продажей поташа. Занимая должность войта в Луцке, Борзобогатый не преминул воспользоваться ею в корыстных целях. Его заместитель по магдебургскому самоуправлению лентвойт Костя, фактически назначенный приказчиком, обеспечивал будников продовольствием. Постоянный характер занятий луцкого войта поташным промыслом подтверждает и тот факт, что он брал деньги в долг с условием их возврата после получения выручки за поташ. В 1564 г. он занял 600 коп литовских грошей у шляхтича Яцка Добрилчицкого, обещая погасить долг частями: в 1565 г. — 300 коп литовских грошей «на сплав... во Кгданску», остальную сумму — после сплава в 1566 г.¹⁵⁵

Поташный промысел привлекал прибыльностью зажиточных мещан из разных городов Украины. Например, львовский купец Яцко Стецкович, который вел «гандель ведле можности свое з давних лет», арендовал леса для поташного промысла у волынских феодалов. Одна из находившихся в его ведении поташных буд была построена в Котовском лесу князя Константина Острожского. Согласно условиям аренды, Яцко Стецкович обязывался довести производство поташа до 300 лаштов, уплачивая при этом по 3 золотых польских за каждый лашт продукции в пользу владельца леса (1563). Заплатив причитавшиеся с него 900 золотых польских и начав изготовление поташа «роботниками и своим накладом», Яцко Стецкович переуступил впоследствии право аренды городельскому мещанину Андрею Купичу. Это соглашение предусматривало передачу новому арендатору как средств производства, так и наемной рабочей силы: «...з будами, з шафары, з роботниками и зо всим накладом своим»¹⁵⁶. Другую буду Яцко Стецкович устроил в Огавчицком лесу, арендовав его у шляхтича Богдана Сосницкого с тем условием, чтобы как «наболшей мог его выпалити». На буде находились одна большая печь, «в которой попел смалцуют», избы с печами, емкости для продукции — 10 ящиков объемом по 18 м³ каждый и др. Все работы выполняли наемные работники под руководством шафаря. Лишь за несколько месяцев в 1563—1564 гг. они изготовили около 100 лаштов поташа. В 1562 г. купец Яцко Стецкович подписал контракт с луцким епископом Марком Жоравницким «на палене попелов» в лесу

под местечком Хорлуп. До разорения этой буды луцким войтом Иваном Борзобогатым (январь 1563 г.) на ней было изготовлено 35 лаштов поташа и золы¹⁵⁷. Экономические интересы Яцка Стецковича настолько крепко были связаны с поташным промыслом на Волыни, что в одном из актов документов за 1566 г. он фигурирует уже не как львовский, а как луцкий купец¹⁵⁸.

Значительные объемы работ производились на поташных будах, принадлежавших купеческо-ростовщической верхушке городов Ковель и Степань. В частности, Шмойло Рабеевич и Яцко Натанович из Ковеля заключили сделку с шляхтичем Олизаром Кирдеем-Мыльским, предусматривавшую изготовление в его лесах 200 лаштов поташа (1565). Согласно контракту, феодалу причиталось по 0,5 копы литовских грошей от каждого лашта готовой продукции¹⁵⁹.

В целом же арендная стоимость леса, используемого как сырье в поташном промысле, колебалась от 0,5 копы до 1 и более коп литовских грошей (в том случае, если транспортировку продукции брал на себя владелец лесных угодий) за каждый лашт готовой продукции¹⁶⁰.

Много вольнонаемных работников трудились на будах, находившихся в ведении князя Андрея Курбского. На поташной буде в урочище Хоботов (Дубенская волость) выжиганием поташа занималось не менее 50 будников (1568). Не упускали возможность обогатиться за счет поташного промысла и другие феодалы. Например, на буде шляхтича Ерофея Гостского возле местечка Крупа работало 60 человек (1563)¹⁶¹.

Хищническая заготовка древесины для поташного промысла купеческо-ростовщической верхушкой городов и феодальными владельцами приводила к быстрому уничтожению лесных массивов. Так, в Копыльском лесу, принадлежавшем князьям Сокольским, после проведения поташных работ осталось около 300 выжженных следов от костров. Зато владельцы поташной буды получили большую прибыль от продажи добытых там сотен лаштов золы (1565). Усиленно вырубали лес ковельские мешане, занимавшиеся поташным промыслом. Более 600 зольных следов оставили они в Задыбском лесу, расположенном недалеко от Ковеля (1550). В середине 60-х годов XVI в. истребление будниками деревьев велось в следующих лесах, принадлежавших волынскому шляхтичу Кирдею-Мыльскому: Мочулищах, Уховом Роге, Бобровых Лозах,

Гурбахах, Белой, Озерском, Великом Лесу, Ставецком и Селищенском. В конце 50-х — начале 60-х годов XVI в. в Грушовском лесу шляхтича Романа Гулевича одни и те же будники из года в год вели беспощадную вырубку деревьев, доведя выработку поташа за все время существования буды до 400 лаштов. Вырубке подлежали прежде всего специальные породы деревьев, в частности вяз. Бревна из этих деревьев складывались в большие кучи — громады, гурбы, а затем поджигались¹⁶².

С поташным промыслом особенно тесно был связан гужевой извоз. Как в городах, так и в местечках проживало значительное количество извозчиков — фурманов, которые трудились на поташных будах. Так для вывозки 30 лаштов поташа лишь с одной буды в Песковском лесу на Волыни будный шафар нанял 80 подвод в городах Дубно и Торчин, а также с. Бокоем (1565)¹⁶³. Шафари поташных буд шляхтича Станислава Граевского пользовались транспортными услугами мещан г. Владимира. В частности, в 1569 г. ими был подписан соответствующий контракт с 13 владимирскими извозчиками, которые в указанное время прибыли на 21 саях за грузом в местечко Устилуг. На вывозке поташа из буд работали жители местечка Жуков, получавшие за выполняемую работу по 70 грошей литовских грошей. Извозчики из города Степань, транспортный маршрут которых пролегал от Степани к Устилугу, получали плату в расчете 1 копа 50 грошей литовских грошей от каждого лашта перевезенной продукции. О том, какую роль играли занятия извозничеством в жизни степанских мещан, свидетельствует тот факт, что в 1568 г. шляхтич Станислав Граевский выделил 700 таляров для наема в Степани подвод на «фурру попелную»¹⁶⁴.

Мещанам, занимавшимся гужевым извозом, очень редко удавалось сколько-нибудь существенно поправить свое материальное положение. Многие из них терпели нужду. Не имея крыши над головой, они вынуждены были ютиться в домах зажиточных мещан. Например, извозчик Занко вместе со своей семьей жил в подсоседках в доме скорняка из Луцка Болгака. Без фурманов (извозчиков) не обходилась и городская торговля. Как правило, наиболее богатые купцы перевозили свои товары с помощью извозчиков¹⁶⁵.

Если гужевой транспорт играл преимущественно роль местного транспорта, то на водный приходился

основной объем перевозок товарного зерна, деловой древесины, клепок, поташа и других грузов, предназначенных для продажи за границей. Одним из самых значительных речных портов на Украине стал в XVI в. Устилуг. Через него в период ежегодной навигации сплавливались в Гданьск большие партии зерна, поташа и других «лесных товаров» — клепок, васильков, тысячи ванчесов (бревен). Для хранения грузов в Устилуге было сооружено много складских помещений. Один лишь королевский ротмистр Мишка хранил в устилужских «шпихлерах» несколько сотен мац ржи и пшеницы, которые предназначались для сплава в страны Западной Европы (1565). Общая стоимость складированного зерна равнялась 500 копам литовских грошей. По договору с казной шляхтич Ян Хоревский обязывался доставить в Устилуг 200 мац ржи, 100 мац пшеницы и 100 мац овса. Владимирский городничий Михаил Козинский хранил в Устилуге 800 мац зерна и 25 лаштов поташа (1562) ¹⁶⁶.

Портовые склады в Устилуге часто сдавались владельцами в аренду, что приносило им немалые доходы. Так, устилужский урядник шляхтича Иеронима Крупского Станислав Сокол получал от сдачи в аренду своей «шопы» по 15 польских золотых в год. Кроме того, арендаторы склада Станислава Сокола бесплатно перевозили в Гданьск по 1 лашту его товара, что давало уряднику дополнительно по 20 золотых польских в год ¹⁶⁷.

Судоходный период на Западном Буге был весьма непродолжительным. Лишь во время весеннего паводка, когда намного поднимался уровень воды в реке, тяжело груженные товарами кояги отправлялись в близкое плавание к Гданьску. Водный путь от Устилуга к Гданьску составлял 774 км. Кояги покрывали его в среднем за 33 дня. Обычно после реализации товаров кояги продавались на слом в качестве строительного материала или на дрова. Вернуться назад было нельзя из-за мелевших к тому времени рек ¹⁶⁸.

С ростом грузооборота товаров по рекам (прежде всего по Днепру, Стыри, Западному Бугу) возникла потребность в специалистах-сплавщиках («осначах»). В городах, расположенных на оживленных речных путях, появлялось все больше осначей. Это были мещане, основным занятием которых была проводка по рекам плотов и торговых судов. Например, по распоряжению королевского дворянина Василия Загоровского летом

1565 г. в Луцке проводился наем работников «на комяти для запроважения збожа до замков... украинских Киева, Канева и Черкас». Руководить транспортами с зерном должны были четыре оснача. Каждый из них получил задаток по копе литовских грошей. Недостатка в осначах в Луцке, видимо, не было. Когда один из нанятых осначей скоропостижно умер, ему тут же нашлась замена. Королевский урядник, не мешкая, «другого осначого на тоє место зъеднати мусил»¹⁶⁹.

Распространенным промыслом в городах Украины было винокурение (производство спиртных напитков — водки, пива, а также хмельного меда, солода). Торговля спиртным приносила значительные прибыли феодалам, арендаторам, городской торговой верхушке. Кроме того, в феодальной идеологии четко прослеживалась мысль о достижении классового мира в обществе путем духовного порабощения народных масс. Этому служили как проповедь норм христианской морали, так и одурманивание непосредственных производителей, притупление их классового самосознания спиртными напитками. В частности, такой идеологический стереотип отражен в тестаменте (завещание) брацлавского каштеляна, королевского маршалка и владимирского городничего Василия Загоровского (70-е годы XVI в.). В нем указывалось: «А иж, часу жнива, на них (феодално зависимых крестьян.— П. С.) работа тяжка есть, по два з дому жати ходят, прото, их потешаючи, в каждую неделю, зачим озими ну и ярину обожнуть, по бочулке пива им давать выпивать... абы не злоречили, але сприязливе споминали, до церкви, в неделю и в каждое свято, абы ходили, богу створителеви молячися, во всем добре ся редиш»¹⁷⁰.

Развитие винокурения в городах и местечках украинских земель обуславливалось ростом товарно-денежных отношений в экономике феодального общества и появлением излишков сельскохозяйственной продукции в хозяйствах феодалов и крестьян. Все это имело важные социально-экономические последствия для феодальных городов Украины: появились профессиональные винокуры, пивовары, солодовники, т. е. промысловое население, частично или полностью оторванное от земли; ускорился процесс накопления денежных капиталов купеческо-ростовщической верхушкой городов, занимавшейся этим промыслом; появился спрос на ремесленные изделия, используемые в винокурении

в качестве средств производства (металлические котлы, трубы, деревянные кади, бочки и др.).

В описях украинских городов, произведенных государственными чиновниками Великого княжества Литовского в конце XV в., немало корчем (так назывались заведения, где производилось и продавалось спиртное) зафиксировано в Виннице, Житомире и Чуднове. Согласно уставной грамоте великого князя литовского Александра (1494), жителям Киева предписывалось платить налог с городской корчмы в сумме 2,5 копы литовских грошей и 1 грош «писчого» в год¹⁷¹.

Большое влияние на винокурение оказал рост товарно-денежных отношений. Это прослеживается на примере развития винокуренного промысла в Луцке, где к середине XVI в. им занималось значительное количество жителей. В 1565 г. около четверти налогоплательщиков города (81 человек) занималось производством и продажей горячительных напитков. При этом 33 из них являлись профессионалами-винокурами¹⁷².

Насколько существенное значение для жителей Луцка имели занятия винокурением промыслом, свидетельствует тот факт, что в начале 60-х годов XVI в. часть мещан вынуждена была оставить свои дома и уйти из города вследствие ухудшения условий производства и продажи спиртных напитков (увеличение налогов, притеснения со стороны арендаторов корчем и др.). Так, в 1562 г. мещане жаловались на арендаторов корчем, что те «не жалуючи шкод наших на нас от медов и от пив, от броваров брали, и тых, которые мещане з меды и с пивы по ярмарках и по селах для вышинкованя ежчали, грабят и забирают, иж мещаны перед ними з места нигде с питем выехати не имеют и тым себе пожитку жадного не мают и дома свои позаставлявши, а иншыи пусто оставивши проч ся расходят»¹⁷³.

В то время в Луцке отдельные лица удерживали по несколько промысловых заведений по изготовлению пива, солода (один из сырьевых компонентов в пивоварении), а также водки. По договоренности с городской радой Луцка арендаторы городских корчем и солодовен получили несколько земельных участков для строительства броварен и солодовни. Хотя вследствие суровой зимы они так и не смогли приступить к строительству («не змогли есмо на то работников меть»), но все же наняли шесть броварен, принадле-

жавших городской раде. Эти броварни сдавались затем в аренду мещанам, уплачивавшим за право изготовления горячительных напитков по 1 грошу литовских от каждой мацы сырья¹⁷⁴.

В винокурении для поддержания технологии производства спиртного применялись разнообразные средства производства и орудия труда. В их изготовлении принимали участие ремесленники различных специальностей. Оборудование броварни, например, обычно состояло из пивных котлов, кадей, прикадков, бочек, ушатков, водочных котлов с трубами различного размера и диаметра, а также кадей, бочек, корыт и другой посуды для хранения готовой продукции. В солодовнях чаще всего употреблялись корыта и дежи¹⁷⁵.

Луцкие мещане, занимавшиеся винокурением промыслом, в ярмарочные дни сбывали спиртные напитки по местечкам и селам. Так, мещанин Петр Юшкевич вместе со своей женой и наемной батрачкой продавали наразлив мед и пиво «в буде своей» на ярмарке в местечке Жидичин¹⁷⁶. Жители Луцка не только продавали спиртные напитки по селам, но и занимались там винокурением, арендуя у феодальных владельцев корчмы. В 1560 г. луцкий мещанин Иван Иванович являлся арендатором корчмы в с. Ощов (Луцкий повет). Об интенсивном характере винокурения в этом случае свидетельствует то, что вся годовая сумма арендной платы (40 коп литовских грошей) должна была выплачиваться через каждые три месяца по 10 коп литовских грошей. Если же это условие не выполнялось, арендатором выплачивалась неустойка в размере 200 %¹⁷⁷. Житель Луцка Томило Лодижич также выступал арендатором корчмы. На этот раз в с. Лавров на Волыни. В течение длительного времени он выкуривал там водку в двух котлах. При этом часть основных средств производства принадлежала самому арендатору, в частности «котел добрый горелчаный, к тому суд, бочок пивных восем, надолбов сем, суду дробного двадцатеро». В течение 1565—1567 гг. арендатором корчмы в с. Липа, принадлежавшего князю Яну Коблинскому, выступал крупный купец и ростовщик Батко Мисанович¹⁷⁸.

Зажиточные мещане Луцка устраивали в городе собственные большие корчмы, где производилось и продавалось спиртное. Например, в 60-х годах XVI в. такой корчмой обзавелся луцкий бурмистр Василий Лу-

кьянович. Корчма была построена возле оживленного торгового тракта на пригородном участке земли, взятом в аренду у шляхтича Григория Гулевича. Ее работу обеспечивали наемный кабатчик и его жена. С ведома владельца корчмы, которого обуяла неумная жажда обогащения, кабатчик всячески уклонялся от уплаты налога за винокурение. Он также игнорировал различные поборы. Так, в 1654 г. в обход таможенных чиновников в эту корчму было закуплено бочку водки, доставленную из местечка Муравица. Не гнушалось заниматься винокурением и духовенство. Капитула луцкого костела в одном из своих домов в Луцке открыла питейное заведение. Торговля сыченым медом, пивом и водкой весьма радовала «святых отцов», поскольку приносила им немалые доходы¹⁷⁹.

Винокуренный промысел был развит и в других городах, а также местечках. В Кременце, например, в течение 1565—1567 гг. городские солодовни сдавались в аренду по 320 коп литовских грошей. Мещане покупали в них солод по цене 3 гроша литовских грошей за каждую мерку сырья. Таким образом, минимальное количество солода, произведенного в кременецких солодовнях за этот период, составило 6400 мерок¹⁸⁰. Во Владимире к началу 60-х годов XVI в. исчерпались свободные городские участки, пригодные для постройки винокуренных заведений. Мещане приступили к раскопке городских валов и оборонительных рвов, где возводили свои солодовни. В 1570 г. в Острожце винокурением занимались мещане Ильяш, Шимко, Лукаш, Растец, которые имели по два водочных котла. По котлу было у острожецких мещан Омельяна, Грибича, и Иванца. Тогда же в Жукове насчитывалось 12 водочных котлов, в Олыке — 10. В Киеве лишь из числа мещан магистратской юрисдикции винокурением занимались 10 человек¹⁸¹.

Товарно-денежные отношения наложили глубокий отпечаток и на рыбный промысел. Занятие этим промыслом, особенно на прудах, было доступно лишь зажиточным мещанам, поскольку требовало очень больших затрат. Кроме уплаты определенной суммы денег за аренду пруда, необходимо было изыскать средства для наема работников, постройки помещений для переработки и хранения рыбы, приобрести средства производства и орудия труда. Не удивительно, что мещане нередко объединяли свои денежные капиталы для организации этого промысла. В 1563 г. мещанин из

г. Олыка Федор Пинчук совместно с войтом г. Белев решили взять в аренду Поиловский пруд, принадлежавший шляхтичам Шпаковским и Яну Зарецкому. Мещане-арендаторы устроили на пруду 5 «сажей», приобрели рыболовные сети, бочки для засолки рыбы, верейки и другие орудия труда. Общая сумма затрат на организацию промысла (с частью нереализованной продукции) составила 200 коп литовских грошей¹⁸².

В то же время мещане из Кременца Ермолай Козютич и его компаньон («суполник») Степан Сухоносевич арендовали Туровский пруд князя Ивана Масальского. Недостаток денежных средств вынудил их обратиться за ссудой к ростовщикам. Взяв у местного ростовщика 35 коп литовских грошей, они обязались отдать ему бочку щуки, бочку «щупаков», 2 бочки линия, бочку окуна и 3 бочки плотвы (при расчете они не смогли отдать 4 бочки рыбы, поэтому вынуждены были заложить ростовщику свои вещи — «цын роблений, шаты свои и женихнии и иншие речи»). Поскольку и одолженных денег оказалось мало для занятия промыслом, то Ермолай Козютич и Степан Сухоносевич, «не маючи собе потребу пенезей на задаток», объединились с богатым купцом со Львова Давидом и организовали работы на арендованном пруду: наемные рыбаки сетями ловили рыбу и размещали улов в специальных «сажах». В особом помещении при этом пруду — «буде» — велась засолка рыбы в бочки. Вся изготовленная продукция была отправлена во Львов и продана там оптом¹⁸³.

Рыбным промыслом регулярно занимались многие купцы, зачастую являвшиеся и ростовщиками, а также магистратские урядники. В 1562 г. луцкий купец и ростовщик Батко Мисанович подписал соглашение с князем Александром Кошерским о ловле рыбы в пруду в районе местечка Перемиль. Согласно контракту, он «рыбу в бочки мел солити и з берега... продавати». В 1563 г. этот купец и ростовщик арендовал Голодковский пруд, в котором наемные работники выловили и засолили 6 бочек линия и 2 бочки щуки. Вся партия рыбы была впоследствии продана в Городле по цене 14 гривен за бочку щуки и 9 гривен за бочку линия¹⁸⁴. Вместе с Батком Мисановичем долевое участие в рыбном промысле брали некоторые члены магдебургского самоуправления Луцка. Так, в 1566 г. луцкий бурмистр Васко Щетинка совместно с Батком Мисановичем подписали контракт с князем Львом Сангушкови-

чем-Кошерским на сумму 350 коп литовских грошей о ловле рыбы в пруду, устроенном возле р. Стырь под Перемильским замком. Для проведения всех работ был нанят шафар. Только небольшая часть улова составила 9 бочек щуки и 8 бочек леща. Рыба не только засаливалась в бочки, но и продавалась в свежем виде прямо на берегу пруда в специальной «буде». Другой магистратский урядник из Луцка — радца Василий Лукашевич — вместе со скорняком Самойлом Булгаковичем арендовал Добрятинский пруд, принадлежавший шляхтянке Софии Семашковой (1566)¹⁸⁵. Как свидетельствует актовый материал, в середине XVI в. жители украинских городов все чаще прибегали к аренде прудов у феодальных владельцев. Лов рыбы и засолку ее производили наемные работники¹⁸⁶.

В феодальных городах Украины определенное развитие получил селитряный промысел. В природе селитра образуется вследствие разложения органических остатков под воздействием особых бактерий. При соответствующих условиях много ее накапливается в почве. В исследуемый период селитра добывалась путем выпаривания в котлах ее раствора. Как правило, применялась она при изготовлении пороха.

Заготовкой необходимого сырья и самим процессом селитроварения обычно руководил мастер-селитряник. Он же нанимал на работу необходимое количество работников. Так, в начале 60-х годов XVI в. в Луцке этим промыслом занимался селитряник Ян Скрепа. Для проведения работ он получил ссуду у местного войта в размере 13 коп и 20 грошей литовских грошей. Селитряник раздобыл в городе лошадей для «вожениа земли», а также нанял работников, которые получали от него плату деньгами и пропитание («стравую и наем плачу»)¹⁸⁷.

В больших феодальных городах Украины существовало кирпичное производство. В нем, как и в других промыслах с трудоемким технологическим процессом, включавшим несколько последовательных этапов переработки сырья, имело место разделение труда. Внушительных размеров приобрело производство кирпича в Киеве. Только для нужд местного замка в 1552 г. работники изготовили около 60 000 м³ кирпича. В середине XVI в. в Кременце обжиг кирпича производился в «цегельне» на 4 печи¹⁸⁸.

Важную роль в экономике городов и местечек играли мельницы. Мельничное колесо как механический

двигатель, приводимый в движение энергией воды или ветра, применялось при помоле зерна, солода, валянии сукна, распиловке дерева, нагнетании воздуха в кузнечные горны и др. В конце XV — 60-х годах XVI в. на украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, мельницы получили повсеместное распространение. В тот период немало водяных и ветряных мельниц было в Киеве. По несколько мельниц имели Никольско-Пустынский, Печерский и другие богатые киевские монастыри. Как правило, монахи старались получить подтверждение на мельницы у великокняжеской власти. Некоторые мельницы находились в руках богатых мещан. В частности, длительное время владели мельницей на р. Сырце мещане Черевчи, занимавшие различные должности в городском самоуправлении по магдебургскому праву¹⁸⁹.

Наиболее распространенными стали водяные мельницы. В 1545 г. в Брацлаве было 2 таких мельницы, Виннице — 3 (одна из них, устроенная на Буге, имела 2 мучных колеса и 1 ступное), Житомире — 2 (на 4 колеса: 3 мучных и 1 ступное), Кременце — 3 мельницы (на 5 колес). Согласно данным источников, в 1570 г. в Ковеле налогом облагались 6 мучных колес; Константинове — 4; Кошере — 4; Вышгородке — 10; Збараже — 19 мучных; Вишневце — 50; Соколе — 10 мучных и 3 рудничных; Олыке — 21 мучное, 2 рудничных и 1 тартачное (лесопильное)¹⁹⁰.

Мельницы имели большое значение в экономической жизни не только городов, но и местечек. Например, в местечке Грицев, принадлежавшем князю Николаю Збаражскому, работала водяная мельница, в которой мещане мололи зерно и солод (1563). В местечке Хабное, являвшемся собственностью шляхтича Богуша Любецкого, было две водяных мельницы: мучная и рудничная (1564). Водяные мельницы работали в Шпанове, Хорлупе и других местечках¹⁹¹.

Мельницы принадлежали к наиболее сложным техническим сооружениям своего времени. В них широко применялись различные механизмы и приспособления. Конструкция мельницы имела технические элементы, характерные для развитого машинного механизма: машину-двигатель, передаточный механизм и рабочую машину. В XVI в. на Украине использовалось верхнебойное мельничное колесо, коэффициент полезного действия которого был выше по сравнению с нижне-

бойным. Для работы такого колеса требовалось сооружение плотины. Как правило, вода подавалась на колесо по деревянным лоткам. Для придания большей прочности колеса укреплялись крестовиной, а в некоторых случаях оббивались железными обручами. Отдельные детали передаточного механизма, а также рабочей машины изготовлялись из железа. Это были, в частности шестерни, веретена, паприцы, шолферы, чопы, тартачные пилы (для распиловки дерева). Насыпные плотины иногда использовались для проезда транспорта. Например, такая плотина с дорогой и мельницей была построена на р. Горынь в районе Овруча (1545). Ее длина составляла 145 сажень. Все жители города вместе с крестьянами волости участвовали в ее ремонте ¹⁹².

Аренда мельниц была под силу лишь зажиточным мещанам, которые нередко длительное время с большой выгодой для себя занимались этим делом. В первой половине XVI в. одну из брацлавских водяных мельниц, расположенную под городом на р. Пуцовке, 15 лет арендовал мещанин Пашко Чернодолинский ¹⁹³. В начале 60-х годов XVI в. войт г. Олыки Олехно Скуйбеда, бывший наследственным держателем мельницы в с. Голешов, получал третью часть доходов от помола зерна, а также от взимания дорожной пошрины. Эту привилегию получил еще его отец — луцкий пушкарь Петр Скуйбеда от короля Сигизмунда Августа. Вследствие отдаленности мельницы от Олыки, где Олехно Скуйбеда имел войтовство, а также больших издержек, связанных с частым ремонтом плотины, которую по несколько раз в год размывала вода, эксплуатация мельницы стала экономически невыгодной. Поэтому Олехно Скуйбеда решил уступить свое держание луцкому подстаросте Андрею Русину за 200 коп литовских грошей ¹⁹⁴. Несколько мельниц, принадлежавших владимирскому епископству, арендовал мещанин из Владимира Василий Капля (1569). В 1570 г. по 24 гроша литовских грошей уплачивал от каждого мельничного колеса мельник из г. Несухоежи Труш (от 2 колес). По столько же ежегодно платили мельники из местечек Жукова — от 11 колес, Судилкова — 1 и Острожца — 2 колес ¹⁹⁵.

Порядок пользования городскими мельницами для мещан нередко обуславливался баналитетным правом, устанавливаемым феодальным владельцем или держателем города. В частности, за соблюдением этого пра-

ва жителями Кременца должен был следить мещанин Михаил Скуйбеда, арендовавший в 1549—1550 гг. за 300 коп литовских грошей «доходы» кременецкого замка: различные пошлины, торговлю солодом, а также замковые мельницы на р. Икве — кокоревскую, дунаевскую, подлесскую и сапановскую «со всимы вымелки и пожитки». Населению Кременца и окрестным крестьянам предписывалось молоть зерно и солод только в этих мельницах: «...мещане, яко и селяне кременецкие, водлуг повинности стародавнее в млынах наших (королевы Боны, являвшейся держателем города.— П. С.), а не в чужих збожя всякие и солоды молоти мають, под виною на замок наш 3 копами грошей и под втраченем збожя своего»¹⁹⁶.

Мельничное колесо, приводимое в движение энергией падающей воды, применялось и в рудничном промысле, развитие которого на украинских землях стимулировалось возрастающим спросом на сыродутное железо в различных отраслях феодальной экономики. В конце XV — 60-х годах XVI в. на Украине железо добывалось лишь из болотной руды. Металлургическое производство основывалось на прямом восстановлении железной руды в железо. Этот способ получения железа, известный в специальной литературе под термином «сыродутный», применялся еще в древнерусский период. Технология производства заключалась в том, что в сыродутную печь загружалась железная руда в смеси с древесным углем. Вследствие горения угля образующийся оксид углерода вступал в химические реакции с рудой и углем. В результате оксид железа в руде восстанавливался до металлического железа, а порода руды шлакировалась и отделялась от металла. Жидкий шлак стекал на дно печи, туда же опускались восстановленные зерна железа, которые слипались и образовывали крицу. В XIII в. выплавка железа и производство стали осуществлялись в наиболее развитом типе сыродутного горна (райковецкая домница), который представлял собой переходный этап к чугунолитейным домницам¹⁹⁷.

Такой же тип металлургического производства и конструкция горнов существовали в Южной Руси в XIII—XIV в.¹⁹⁸ Как правило, железоделательные промыслы развивались в основном в сельской периферии. Так, в результате археологических раскопок Комаровского поселения выявлены остатки нескольких горнов, а также крицы и шлаки. Сыродутные домницы

в несколько видоизмененном виде существовали на Украине в XVI—XVII вв. ¹⁹⁹

В исследуемый период важную роль в экономической жизни городов украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, как и феодального общества в целом, играли крестьянские железодобывающие промыслы. Крестьяне-рудники сами заготавливали болотную руду и варили железо в ручных домницах. Полученный полуфабрикат — кричное железо — продавался в кусках («шинах») городским кузнецам, в виде повинности поступал в великокняжеские замки и фольварки, в хозяйства феодалов. Так, расположенные в районе Житомира железодобывающие промыслы, на которых трудились крестьяне, в определенной степени обеспечивали металлом кузнецов Киева, Житомира, других городов, а также многих сельских кузнецов. На ряде железодобывающих промыслов Волыни можно было встретить еще не закрепощенных крестьян, основным занятием которых было вываривание железа из болотной руды. Местные старосты понуждали их поставлять в великокняжеские замки и дворы лемехи, наральники, топоры, другие железные изделия ²⁰⁰.

В XVI в. в Русском государстве основными поставщиками кричного железа в города также были крестьяне. Например, в середине XVI в. серпуховские кузнецы работали на привозимом крестьянами в Серпухов кричном железе и угле. В Устюжне Железопольской в XVII—XVIII вв. поставщиками криц были уездные крестьяне. Лишь во второй половине XVIII в. началось вытеснение продукции крестьянских железоделательных промыслов привозным сырьем — уральским железом ²⁰¹.

Поскольку сыродутное железо, производимое в ручных домницах, было невысокого качества, то приписанным к великокняжеским замкам сельским рудникам и кузнецам вменялось в обязанность использовать для некоторых работ покупной металл. В частности, такая повинность в 1545 г. была возложена старостинской администрацией Луцкого замка на 16 дворниц крестьян-рудников из с. Рудник, расположенного недалеко от Луцка. Все рудники и кузнецы этого села должны были покупать на рынке железные шины (каждая из них стоила 2 гроша литовских грошей). Причем ранее они всегда обходились собственным железом — «з веку своее железо даивали, што сами ро-

бять, а тепер дей им новина уведена, кажуть на торгу куповати»²⁰².

В 70—80-е годы советские археологи открыли чугунные котлы на ряде средневековых поселений Южной Руси. Проведенный микроструктурный, химический и спектральный анализ металла, из которого они сделаны, реконструкция технологии изготовления котлов указывают на возможность появления местного производства чугуна не позднее XIII — первой половины XIV в.²⁰³. Тем не менее железоделательные промыслы на Украине в исследуемый период специализировались на производстве сыродутного железа, а также стали. Металл более высокого качества, который выплавлялся из железной руды, экспортировался из заграницы. В частности, купцы из Украины покупали его на ярмарке в Люблине, а затем продавали украинским ремесленникам²⁰⁴.

Наряду с ручными домницами, используемыми в крестьянских железоделательных промыслах для получения сыродутного железа, в 60-х годах XVI в. на украинских землях появились более совершенные металлургические заведения — рудни. В них использовалось мельничное колесо. Рудни устраивались вблизи от залежей болотной руды, по бассейнам верхнего течения таких рек, как Тетерев, Уж, Уборть, среднего течения р. Случь, по небольшим рекам и притокам. В XVI в. на территории Украины насчитывалось 70 руден, из них в Волынском воеводстве — 36, Русском — 25, Киевском — 9²⁰⁵.

Рудня обычно состояла из двух производственных помещений. В первом размещались плавильные печи (горны). В одной из них разогревали руду, в другой варили кричное железо. Плавильная печь была невысокой, четырехугольной формы, с дымоходными трубами. В задней стенке печи имелись два меха, которые приводились в движение с помощью мельничного колеса. Полученные бесформенные крицы отжимались под большим молотом. Затем их разогревали в расковочном горне и подвергали обработке механическими молотами с целью более полного освобождения кричного железа от шлаков. Полученный металл поступал во второе производственное помещение рудни — кузницу, где из него изготавливали различные изделия²⁰⁶.

По мнению некоторых исследователей, на такой рудне были заняты 10—13 человек, среди которых су-

ществовало разделение труда в виде сложной кооперации²⁰⁷. Вместе с тем есть основания утверждать, что в середине XVI в. подобные промысловые заведения могли обслуживаться меньшим числом работников. Так, на рудне волынского шляхтича Андрея Бабинского в 1568 г. работали пять наемных работников: мастер-рудник Ян, его сын и три подсобника. Производственные помещения рудни располагались в теле плотины, насыпанной на р. Бобри. На рудне имелись три горна, каждый из которых был снабжен парой мехов, работавших с помощью гидросиловой установки (водяного мельничного колеса и передаточного механизма). Среди оборудования рудни были 3 наковальни, 12 молотов, другие инструменты. Примечательно, что оборудование этой рудни было сходным с тем, которое использовалось в железоделательных промыслах в Русском государстве в XVI—XVII вв. В частности, при наличии одного горна «кузнечная снасть» включала наковальню, «дульные кожаные меха», 8 клещей, 3—4 молота «двоеручных» и 3—4 «одноручных»²⁰⁸.

По сравнению с ручными сыродутными домницами рудни с мельничным колесом представляли собой более совершенный тип промысловых предприятий по производству сыродутного железа. Тем не менее применяемый в руднях технологический процесс переработки болотной руды в дальнейшем развивался слабо. Даже в конце XVIII — первой половине XIX в. на Украине рудни так и не смогли превратиться в большие предприятия мануфактурного типа²⁰⁹. В то же время в странах, где добыча болотной руды сменялась более прогрессивной шахтной, появлялись относительно крупные горнометаллургические предприятия. Например, в Швеции уже в конце XVI в. в каждой из королевских домен ежегодно перерабатывалось от 100 до 200 т железной руды. На смену самостоятельным мелким мастерам приходили предприниматели, оторванные от процесса труда и противопоставленные наемным забойщикам, плавильщикам, углекопам, подсобникам в шахтах и при печах, кричным кузнецам и другим работникам, которые трудились под руководством наемных горных мастеров²¹⁰.

Таким образом, специализированные промыслы развивались в тесной связи с экономикой феодальных городов, что проявлялось в характере их производства и сбыта. Промыслы отличались сравнительно высо-

кой степенью товарности и стали сферой приложения купеческого капитала. В процессе промыслового производства формировался контингент наемных работников, труд которых использовался сезонно (в частности, лесные промыслы, в том числе поташный, а также селитряный, железоделательный). В некоторых промыслах использовалось водяное мельничное колесо и применялись различные простые механизмы.

3. РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛИ

Определяя сущность экономических функций торговли в докапиталистических обществах, К. Маркс писал, что «продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю»²¹¹. Торговля оказывала весьма большое влияние на экономику феодальных городов. «...Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия,— указывал К. Маркс,— ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой»²¹².

Развитие на украинских землях товарно-денежных отношений и углубление общественного разделения труда повлекли за собой возрастание роли городов как центров торговли и товарного обращения в экономике феодального общества. Как свидетельствуют данные налоговых реестров, в 70-е годы XVI в. в Константинове было 20 торговцев-перекупней, Остроге — 19, Чуднове — 13, Степани — 10, Овруче — 9, Житомире — 4. В середине 60-х годов XVI в. в Луцке насчитывалось 36 мещан, занимавшихся перекупничеством. Многие ремесленники продолжали сочетать ремесленные занятия с торговлей. Так, из 79 луцких хлебников в торгах участвовали 19 человек, т. е. 24 % общего числа ремесленников данной специальности; из 33 мясников — 15 (45,4 %); из 33 сапожников — 2 (6 %); из 29 скорняков — 9 человек (31 %). Многочисленную группу составляли торговцы, владевшие лавками (29 человек). Они специализировались на продаже сукна, шелковых тканей и других товаров. Общее количество луцких мещан, уплачивавших побор в поль-

зу феодального государства за право продажи своих товаров на городских торгах, превысило 100 человек²¹³.

В конце 60-х — начале 70-х годов XVI в. некоторые перекупни Киева специализировались на продаже круп и рыбы (крупенники и рыбники). Торговлей хлебом и другими съестными припасами занималось около 50 человек. Различные торговые, а также промысловые операции далеко за пределами Киева вели 18 мещан, являвшихся владельцами комяг. Причем двое наиболее богатых из них имели по две комяги²¹⁴.

Среди торгового населения украинских городов проявлялась социальная дифференциация. Разбогатевшая купеческо-ростовщическая верхушка прибегала к использованию труда наемных работников. Обычно нанятые на службу мещане сопровождали торговые караваны на дальних торговых маршрутах, а также самостоятельно выполняли порученные им торговые операции. Например, в 1565 г. «торговый человек» из Луцка Федор Олехнович отправил своего «молодца» Грина Артюховича «с некоторыми речми своими купецкими» на ярмарок в г. Мельницу. Также поступил и один торговец из Ковеля, дав задание своим работникам доставить партию ремесленных изделий из цинка на ярмарок в г. Торчин (1569)²¹⁵.

Во время частых отлучек богатых купцов, связанных с иногородней торговлей, в их домашнем хозяйстве работали батраки. Так, в 1567 г. владимирский купец Иван Лось обязал своих «паробков» в течение четырех недель заготавливать дрова в лесу, принадлежавшему волынскому шляхтичу Николаю Лысаковскому. В это время сам Иван Лось находился в отъезде по делам торговли: «...иж дей еси сам яко человек купецкий дома по тые часы мало мешкал, по торгам ездил»²¹⁶.

В конце XV — 60-х годах XVI в. важную роль в развитии городской торговли на Украине играли монетная система и связанные с ней способы денежного счета. На украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, в обращении было несколько видов денежных единиц. Основной из них выступал литовский грош, который в течение исследуемого периода равнялся 10 пенязам (денариям). Наиболее крупной счетной единицей литовских грошей была копа, составлявшая 60 грошей. Много тор-

Некоторые монеты, находившиеся в денежном обращении на Украине в XV—XVI вв.

1 — грош пражский, 2 — грош литовский, 3 — денга Ивана III, 4 — денга Ивана IV, 5 — флорин, 6 — грош польский Сигизмунда Августа, 7 — таляр (иоахимсталер), 8 — полугрош литовский Сигизмунда Августа.

говых и кредитных операций выполнялось с использованием монеты Польского королевства — польского гроша. Наиболее употребляемой денежно-счетной единицей польских грошей являлся золотой (равнялся 30 грошам). Так, в 1562 г. в гродских книгах Луцкого замка была сделана запись о том, что луцкий войт Иван Борзобогатый и его Брат Иван Олехнович не вернули в установленный срок долг краковскому мещанину Шимичу в сумме 600 «золотых польских, личачи в каждый золотый по тридцат грошей польских»²¹⁷.

На денежном рынке украинских земель определенное место занимали «широкие» (пражские) гроши. Курс широкого гроша равнялся 12 литовским пенязям. Весьма высоко ценились серебряные монеты таляры (наименование происходит от названия чешского города Иоахимсталя, где их впервые начали чеканить). В исследуемый период 1 таляр приравнялся

к 30 польским грошам. Курс золотой монеты — червонного золотого (флорина) — был еще выше, причем он имел тенденцию к повышению: в 1501 г. один червонный золотой равнялся 32 грошам, а в 1545 г. — уже 50 польским грошам ²¹⁸.

В обращении находились и другие денежные единицы, например испанские филиппки (1 филиппок равнялся 1 золотому польскому); гривны (счетная единица в 48 польских грошей). Однако их роль на денежном рынке Украины была незначительной. В отдельных случаях по заказу государственных финансовых чиновников украинские золотари занимались чеканкой монеты, в частности португалов. Это были большие, массой приблизительно 35 г, золотые португальские монеты, которые впервые начали чеканиться по распоряжению короля Эммануила (1495—1521 гг.) из золота, награбленного в португальских колониях. В основном они использовались для награждения и изготавливались на высоком художественном уровне. В Польском королевстве к чеканке португалов приступили в 1562 г. В 1568 г. чеканкой португалов занимались луцкие золотари Антонец и Яхим, которые с помощью специальной оснастки (чекана и других инструментов) сделали 508 «пуртукгалов». Курс португала равнялся 10 червонным золотым. Все изготовленные луцкими ремесленниками португалы предназначались для уплаты крымским татарам ²¹⁹.

Отправляясь за пределы Великого княжества Литовского, украинские мещане и купцы старались поменять литовские гроши на основную монету той страны, в которую они ехали. Например, в июне 1569 г. мещане Владимира, собиравшиеся отъезжать в Люблин по судебному делу, поручили «суседови своему» Калишу Петровичу поменять на городском рынке у торговцев 20 коп литовских грошей на «лядськи» (т. е. на польские гроши). В XVI в. с дальнейшим усилением торговых контактов между купцами из Украины и торговыми людьми Русского государства все чаще для платежей использовались русские деньги. Так, в начале 70-х годов XVI в. для ковельского урядника Ивана Келемета в Москве был куплен жемчужный воротник к жупану стоимостью 12 «рублей московских» ²²⁰.

В период феодализма развитие торговли во многом тормозилось существовавшими многочисленными внутренними и внешними пошлинами. Товары, прежде

чем дойти до покупателей, облагались многочисленными пошлинами и поборами, что приводило к их удорожанию, а часто делало экономически невыгодной доставку их на отдаленные рынки. Все это сковывало торговую инициативу мещанства, препятствовало развитию ремесел и промыслов. В середине XVI в. луцкие купцы, например, вынуждены были уплачивать лишь нововведенные феодалами пошлины — «мыта новые незвычайные» в 57 населенных пунктах, в частности в Затурцах, Хоболтове, Турийске, Сатиеве, Остроге, Ровно, Белеве, Клевани, Олыке, Корце, Млынове, Боремле, Золочеве, Полонном, Несвиже, Блудове, Берестечке, Печихвостах, Четвертни, Чарторийске, Турове, Мозыре, Чернобыле, Киве, Ковеле, Несухоежах, Калусове, Литовеже, Порицке и др.²²¹ Не менее обременительными были также внутригородские пошлины, взимаемые в пользу магдебургского самоуправления и замковой администрации. Так, в Кременце, согласно таможенному уставу о сборе замковых пошлин (1569), от каждой телеги, груженной товаром, бралось по 2 гроша, телеги с солью — 3,5 гроша и по 10 «головажен» соли как от приезжих купцов, так и от кременецких мещан, от волоских (валашских) лошадей — по 4 гроша, турецких лошадей — по 6 грошей; за перегон товарного скота — от яловицы по 6 пенезей, от вола — 1 грош, барана — 2 пенези и др. Значительные доходы получала замковая администрация от пошлин, которыми облагались мещане, занимающиеся промыслами, а также от продажи сырья для промыслов. Все винники и пивовары обязывались ежеквартально уплачивать сборщикам податей по 20 грошей; с торговцев хмелем взималось по 2 гроша от каждой меры этого сырья и др.²²²

Кроме пошлин, взимаемых феодалами, замковой администрацией и городским самоуправлением за провоз и продажу купеческих товаров, существовал еще ряд государственных торговых пошлин. На всех важнейших торговых путях была создана сеть государственных таможенных «комор» (застав), включающая их филиалы (прикоморки) в менее значительных торговых центрах. Главными таможнями на украинских землях исследуемого региона являлись Киев и Луцк, которые также пользовались складским правом. Это право представляло собой систему принудительных регламентаций продажи товаров местными и чужеземными купцами, в частности по ценам, устанавли-

ваемым местными административными властями²²³.

Таможенные коморы сдавались в аренду частным лицам, чаще всего крупным купцам и ростовщикам. Они нанимали штат коморы (писаря, сборщиков пошлин, вооруженную охрану) и контролировали его работу. В небольших коморах работало несколько человек. Так, в середине XVI в. таможенная комора в Збараже состояла из мытника (таможенника) и пяти других служебных лиц. Таможенники должны были взимать пошлины согласно уставу, который имела каждая комора. Однако на таможенных заставах процветали различные злоупотребления, а нередко — и откровенный грабеж торговых людей²²⁴.

Государственная власть Великого княжества Литовского, стремясь увеличить денежные поступления в казну от торговли, расширяла сеть таможенных комор и ужесточала таможенный контроль. В 1565 г. последовало королевское распоряжение об учреждении государственной коморы в Овруче. Однако местная старостинская администрация воспротивилась его реализации под предлогом пограничного положения города: «Тут дей николы перед тым коморы мытное, а ни мытников небывало и тепер не будет, бо дей то есть место украинное а не с чога мыта господарского брата»²²⁵. В королевской грамоте, изданной в 1566 г. и адресованной «до всех князиев, панов, духовных и светских обывателей земли Волинское», феодальным владельцам предписывалось не чинить препятствий открытию новых государственных комор. Местные феодалы в штыки встретили это постановление. Когда королевские должностные лица попытались открыть комору в г. Корце (1567), феодальный владелец города князь Корецкий ответил решительным отказом: «В имену своем Корци коморы меть поступить не хотел и поведил тым способом, иж кгды их милось панове рада в именах своих поступит, тогда теж и я поступлю». Не допустили открытия государственных таможен в Константинове князь Константин Острожский, в Остроге — шляхтич Ольбрехт Ласский (1567)²²⁶.

В целом же таможенная и торговая политика правящих кругов Великого княжества Литовского заключалась в протекционизме шляхетскому сословию, представителям которого создавались максимально благоприятные условия для занятия торговлей. Магнаты и шляхта пользовались исключительным правом

скупки заграничных товаров при самых низких пошлинах. Например, для них пошлина на сукно равнялась 1—1,5 % его стоимости, драгоценные камни и мех соболя — 0,83 % ²²⁷.

Феодалам предоставлялась возможность беспошлинного провоза в Польское королевство ряда товаров, в том числе зерна, скота и «лесных товаров». Для этого требовалась лишь присяга от имени шляхтича о том, что все товары произведены в его собственном имении трудом зависимых крестьян. Жизнь, однако, вносила свои коррективы в юридические нормы. Уже в 60-х годах XVI в. широкое распространение на украинских землях получила сдача в аренду шляхетских фольварков «людям купецким», а также выходцам из «иноного стану людей», которые беспошлинно везли за границу свои товары, выдавая их за шляхетские. В связи с этим Сигизмунд Август предпринял попытку положить конец такой практике, издав специальный универсал (1566), согласно которому «каждый шляхтич, который похочет спустати таковые товары, мает брати листи вызнаные з уряду повету того, под которым оселость мает» ²²⁸.

Некоторые города получали от государственной власти различные торговые льготы, что ставило их в привилегированное положение по сравнению с другими городами. Так, в 1527 г., согласно грамоте Сигизмунда I, от пошлины за соль, которая провозилась через Кременец из Коломыи, Долины и Дрогобыча, освобождались мещане Острога, Дубно, Ровно, Степани, Дорогобужа, Красилова и Полонного. Грамотой великого князя литовского Александра (1494) мещане Киева освобождались от уплаты пошлин на вышгородской, черныбыльской, белгородской и глевацкой таможенных заставах, а также по всей Киевской земле. В XVI в. киевские купцы получили льготу на беспошлинную торговлю по всей территории Великого княжества Литовского. Аналогичная грамота была предоставлена мещанам местечка Любче (Луцкий повет), которым разрешалось беспрепятственно провозить свои товары «сухим путем або воденным» по всему Великому княжеству Литовскому ²²⁹.

Однако даже эти довольно узкие торговые привилегии постоянно нарушались. Кроме того, освобождение от государственных пошлин далеко не всегда приводило к упразднению таможенных обложений со стороны частных феодальных владельцев. Об этом

свидетельствует грамота (1506) великого князя литовского Александра войту, бурмистрам, радцам, всем мещанам Владимира, в которой указывалось: «Ино веджо мы наше мыто отпустили, а чужого мыта в обычай немаем отпускати»²³⁰.

Основными формами городской торговли выступали ярмарки, торги и ежедневная лавочная торговля. Ярмарки были одной из важных привилегий, предоставляемых городам феодальным государством. Сеть городских ярмарок охватывала обширные территории украинских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского. В частности, по ярмарке в год проводилось в Звягеле, Перемиле, Константинове, Межириче, Муравице, Тарговице, Чуднове, Полонном, Ровно, Красилове, Кузьмине, Колодно; по две — в Киеве, Дубно, Берестечке, Острожце, Олыке, Ковеле, Литовеже, Степани; по три ярмарки — в Луцке, Остроге, Торчине²³¹.

На ярмарках продавались сельскохозяйственные продукты, скот, ремесленные изделия, продукция промыслов. Так, в Виннице в середине XVI в. проводилась торговля скотом, зерном, другими сельскохозяйственными продуктами. На городской ярмарке продавались различные ремесленные изделия из железа, меди, а также ткани, готовая одежда, обувь, ковры, предметы гончарного ремесла и ювелирные украшения. Через Винницу проходили торговые пути к Черноморскому побережью, в Валахию и Турцию. В Клевани торговали хлебом, медом, скотом, ремесленными изделиями. Сюда приезжали иностранные купцы²³². Участие крестьян и феодалов в ярмарочной торговле не ограничивалось продажей сельскохозяйственных продуктов. Оно предполагало также обратную связь — покупку ими различных изделий, производимых в мастерских городских ремесленников. Так, управитель фольварка в с. Цевов (Луцкий повет), принадлежавшего дворянину Андрею Копыстенскому, в сентябре 1558 г. вывез на ярмарку в местечко Горохов 130 «сыров... дворных» и купил там два кроличьих тулупа²³³.

Во многих городах и местечках Украины функционировали еженедельные торги. В частности, в 1531 г. Сигизмунд I утвердил в местечке Порицк торги по четвергам. Еженедельные торги проводились в Белеве, Берестечке, Дубровице, Клевани, Локачах, Матееве, Мельнице, Олыке, Острожце, Сатиеве, Турийске, Чуднове и других городах и местечках²³⁴. Как прави-

ло, на торгах жители городов покупали продукты питания, сырье для ремесленного производства и промыслов, доставлявшихся на городской рынок из окрестных сел и местечек.

Особенно большое значение торги имели для жителей средних и больших городов. Показательным в этом отношении является тот факт, что уже на шестой день после прекращения подвоза продуктов сельского хозяйства в Луцк, вследствие распространившихся слухов о моровом поветрии (октябрь 1566 г.), в городе сложилось довольно напряженное положение с продовольствием. В частности, перестали ездить на торги «околичние люди селяне», доставлявшие прежде в Луцк зерно, муку и другие продукты. Исходя из создавшейся ситуации, а также учитывая нависшую над городом угрозу голода, луцкие таможенники (сборщики государственной пошлины — «мыта») заявили о невозможности выполнения ими в дальнейшем своих функций: «Естли дей так должей трвати будет мы и сами з места для голоду выехати мусим». Аналогичное положение возникло осенью 1568 г. в Кременце, когда в связи с разразившейся эпидемией холеры практически оказались парализованными основные каналы, по которым в город поставлялись продовольствие и сырье для ремесла и промыслов. Вследствие того что «люди с волости» резко ограничили свои поездки в Кременец «до торгу», многим мещанам пришлось покинуть город, остальные вынуждены были отправиться в села для приобретения продовольствия — «живности»²³⁵.

В больших и средних городах постоянно функционировали торговые лавки, в которых можно было купить все необходимое, не дожидаясь ярмарочного или торгового дня. В одном лишь Кременце в начале 60-х годов XVI в. на рыночной площади открылось свыше 70 лавок. В целом лавки являлись универсальными торговыми заведениями, в которых продавались готовые ремесленные изделия, полуфабрикаты и сырьевые материалы. Например, в торговых лавках часто имелись в продаже специальная сталь для ювелирного и слесарного инструмента, металл для наконечников стрел, сера для травления золота, медный купорос, который использовался, в частности, для покраски меха, различные ткани, мыло и другие товары²³⁶.

Кроме ярмарок, торгов и лавочной торговли существовали и другие формы торговли, в которых участ-

вовали жители городов. В частности, это были скупка текстильного сырья и продукции промыслов, коробейная торговля. Общее представление о том, какие товары развозились коробейниками по небольшим городам и отдаленным селам, дает опись вещей, находившихся в «короби» луцкого купца Абрама Турчина (1564): 5 м шелка, 5 фунтов перца, 3 фунта имбира, 2 фунта ладана, 20 турецких тесемь, мыло, гребни, зеркала, игольники, иглы, шпильки и другие галантерейные изделия ²³⁷.

Большое воздействие на экономическое развитие городов Украины оказывала торговля с Русским государством. Постоянные контакты русских и украинских купцов не могла разрушить дискриминационная политика правящих кругов Великого княжества Литовского.

В конце XV в. между Великим княжеством Литовским и Московским великим княжеством не прекращались переговоры относительно урегулирования спорных вопросов, касающихся торговли. Русское правительство при этом неизменно выдвигало требования ликвидации искусственных препятствий, с которыми сталкивались русские купцы на землях Великого княжества Литовского, и установления тесных торговых связей между двумя государствами. Так, в январе 1488 г. русский посол Михаил Еропкин представил королю Казимиру «Список о гостях, что ся им сила чинила в Литовской земле», в котором содержалась жалоба на киевских таможенников о незаконном взимании торговых пошлин с русских купцов Михаила Юрьева, Григория Алексеява и Гриця Лукина «с товарищи» ²³⁸. В июле 1489 г. королевскому послу сообщалось, что при попустительстве великокняжеской власти участились случаи грубого произвола со стороны великокняжеских должностных лиц по отношению к русским купцам, находившимся со своими товарами на территории Великого княжества Литовского: «А летось наши гости Московские земли, и Тверские земли, и Новгородские земли, многие люди шли из Крыма... и королевские люди на перевозе на Днепре тех наших гостей переграбили, товар у них весь поимали, а многих людей до смерти побили. И мы о том королю посылали, и король ялся нам о том отказати, да и до сих мест нам отказа о том не учинил» ²³⁹.

Во время мирных переговоров между обоими государствами в январе—феврале 1494 г. было достиг-

нуто соглашение, по которому формально урегулировались споры по торговым вопросам. В нем отмечалось, что «гостем нашим по нашим землям на обе стороны гостити без рубежа и без всякие пакости». В пунктах договора назывались главные города Русского государства, купцы из которых поддерживали постоянные связи с торговыми людьми украинских земель,— Новгород, Псков и Тверь ²⁴⁰.

В XV в. через украинские земли пролегал торговый путь, по которому русские купцы следовали в Крым: через Брянск, Чернигов, Киев, Черкассы и Тавань. Однако к концу XV в. значение торговли с Крымом и странами Ближнего Востока снизилось. Одной из причин этого была агрессивная политика Крымского ханства, ставшего к тому времени вассалом Османской Порты. Наряду с этим расширились связи Русского государства с Украиной, а также государствами Западной Европы ²⁴¹.

В украинских городах широко известными были товары, поступающие из пределов Русского государства, в частности ремесленные изделия. По свидетельству жившего в то время М. Литвина, в Русском государстве «города... славятся ремесленниками, прилежно изготовливающими различные изделия; они снабжают нас (Великое княжество Литовское.— П. С.) деревянными чашками... седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием...» ²⁴². Так, луцкий войт в 1565 г. купил себе искусно сделанную «московскую» шкатулку из дерева, расписанную затейливым узором и окованную листовым железом. В городах Украины продавались крупные партии тканей работы русских ремесленников. Как явствует из устава, действовавшего на Волини в конце 60-х — начале 70-х годов XVI в., пошлиной облагалась каждая тысяча локтей «полотна московского». Купцы из Украины часто посещали города России. В 1497 г. в Москве находились со своими товарами купцы из Луцка. Очень часто торговые люди из Украины бывали в Нижнем Новгороде, Ярославле, Курске, Владимире, Твери, Вязьме ²⁴³. Украинские купцы приобретали на ярмарках русских городов сукно, одежду, меха, сельдь, вина, пряности, сахар, лекарства, предметы роскоши, металлы, оружие, сельскохозяйственные орудия, стекло, бумагу. Многие пути купеческих караванов, направлявшихся в Русское государство, проходили через украинские города. Так, восточные

товары, закупаемые в Хаджибее, Аккермане, Килие, Очакове, провозились по Днепру к Киеву, а затем направлялись через Остер и Чернигов в Москву. Купцы из Молдавии, торговавшие драгоценными камнями, жемчугом, металлическими изделиями, упряжью и другими товарами, ездили в Москву через Брацлав, Винницу, Корец, Дубровицу и Пинск²⁴⁴.

Оживленным был торговый путь из Киева на Балканы, который проходил через Белую Церковь, Брацлав, Белгород. На всем его протяжении через водные преграды были оборудованы переправы. В частности, возле Брацлава купцов перевозили через Южный Буг два небольших парома. Второй торговый путь в этом же направлении вел из Киева через Белую Церковь, Винницу, Шаргород, Могилев на Яссы. Тесные торговые контакты поддерживались между купцами украинских и белорусских городов²⁴⁵.

Ценным источником для изучения городской торговли на Украине являются сохранившиеся данные о деятельности государственных таможенных комор. Как видно из сведений, касающихся работы таможенной коморы в Дубно (середина XVI в.), пошлинами в этом городе облагались воск, соль, крупный рогатый скот (волы), кожи и другие товары. Согласно существовавшим правилам, от пошлин в Дубно освобождались все купцы, ехавшие на ярмарку в Ровно. Правда, местным таможенникам разрешалось взять с них до 10 коп литовских грошей, но не больше этой суммы: «Большей от ничего брати ни трудности жадное тым гостям, которые до Ровного пойдут, чинити на мают». Через Дубно пролегал торговый путь, по которому купцы из Турции ездили в Москву, а купцы из Русского государства направлялись в пределы Оттоманской Порты. От пошлин в Дубно освобождались транзитные купцы. Местным таможенникам предписывалось направлять их в главную таможенную комору, находившуюся в Луцке. В Дубно пересекались также торговые маршруты киевских купцов, которые уплачивали в этом городе пошлину от соли.

Общее количество товаров, подвергавшихся таможенному контролю на дубенской таможе, было в течение года довольно значительным. Например, лишь воск, доставляемый на ярмарок в Люблин, составлял не менее 150 камней. Торговля воском велась активно. Так, в 1564 г. луцкий купец Хамко реализовал на ярмарке в Люблине 828,5 камней воска. Его

приобрел купец и радца из Познани Иероним Рыт и переправил в Нюрнберг, где и продал ²⁴⁶.

Об общем уровне развития городской торговли на Украине свидетельствует обширный перечень товаров, проходивших через главную таможенную Волини—Луцк. Он, в частности, включал различные металлы, ткани, кожи, пряности и другие товары. Уже через несколько лет перечень товаров, с которых взимались торговые пошлины, значительно возрос. Действовавший на Украине в конце 60-х — начале 70-х годов XVI в. государственный таможенный устав предполагал обложение пошлиной товаров местного производства и привозных по 135 позициям (в зависимости от вида товара, его количества и качества). Среди товаров, доставляемых в то время из стран Востока, были шелк, различные виды хлопчатобумажных тканей, хлопок-сырец, седла, уздечки, пряности, цитрусовые и др. Из Венгрии, Чехии, Польши, Нидерландов, Италии, Франции и других европейских стран чаще всего на продажу привозились ситец, атласные и другие ткани, венгерская слива, вина, бумага, драгоценные и цветные металлы ²⁴⁷.

Зарубежные купцы поддерживали постоянные торговые контакты со многими городами Украины. Показательным в этом отношении является свидетельство купца Тимара из Кафы, грека по происхождению, который в июле 1563 г. направлялся на ярмарок в Острог, имея при себе 200 золотых червонных. По его утверждению, подобные торговые поездки крымских купцов на украинские земли велись давно и регулярно: «Иж вже тут в землі его королевської милости от колка десят лет гостимо» ²⁴⁸.

Активную внешнюю торговлю вели и острожские купцы. Этому способствовало не только выгодное географическое расположение Острога, но и то, что к середине XVI в. этот город стал одним из самых больших ремесленно-промысловых центров украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Острожские ремесленники производили товары, которые не уступали по качеству лучшим образцам западноевропейского ремесла. Поэтому их изделия пользовались спросом на «ярмарках заграничных». В Острог привозились различные товары, необходимые для нужд ремесленного производства, а также готовые ремесленные изделия. Так, в 60-х годах XVI в. острожские купцы привозили из

Люблина ткани, писчую бумагу, железо, ножи, косы, шапки и другие товары ²⁴⁹.

Широкие внешнеторговые связи поддерживали купцы других городов Украины, особенно с торговыми людьми из Русского государства. Так, русские купцы доставляли в Киев пушнину, деревянные чаши, поделки из дерева, седла, копыя, оружие, украшения, кожаные изделия и другие товары. Киевские купцы торговали в России медом, воском, солью, вяленой и соленой рыбой, разнообразными ремесленными изделиями ²⁵⁰. В XVI в. Киев славился также как центр торговли пушниной и выделанными кожами, куда за этими товарами съезжались купцы из разных стран. Представление о размахе торговых сделок, заключавшихся на киевских ярмарках, дает перечень товаров, купленных там двумя купцами из Люблина. В феврале 1569 г. они возвращались из Киева домой «з рясями, з бобрами, с кунами, з лисами, волками, выдрами, з восками, з скурами звериными, лосими, оленими и медвежими». Причем лишь одному из этих купцов принадлежало 8 шкур рыси, 40 — черного бобра, 100 — куницы, 100 — лисицы, 10 — волка, 102 — выдры — всего на сумму 3 тыс. польских золотых ²⁵¹.

Важным предметом торговли на Украине была соль как продукт первой необходимости, пользовавшаяся стабильным спросом на внутреннем рынке. Она использовалась для пищи, засолки рыбы и др. На городских рынках продавалось немало соли, добытой из соленой рапы черноморских лиманов в районе Хаджибея. Существовали два основных пути, по которым эта соль доставлялась на Украину. Один из них был водным: комяги и челны, груженные солью, плыли по Черному морю и Днепру в Киев, а затем направлялись в различные торговые центры по бассейнам рек Десны и Припяти. Сухопутный соляной путь из Хаджибея простирался через Брацлав, Винницу, Острог, Дубно и заканчивался в основном пункте склада соли на Волыни — Луцке. Кроме Луцка и Киева, соляной склад существовал еще в Кременце. Как правило, он сдавался в аренду откупщикам. Основная же масса товарной соли поступала на Украину из соляных варниц Прикарпатья — Коломыи, Галича и Долины ²⁵².

Одним из центров торговли солью на Украине стал Луцк. Только сухопутным путем купцы доставляли сюда ежегодно сотни телег соли. По р. Стырь на соляной рынок Луцка приплывали купеческие комяги

из отдаленных местностей, в том числе из Белоруссии и Польши. С прибытием в город караванов торговых судов речной порт превращался в своеобразную рыночную площадь, где заключались торговые сделки. Так, летом 1566 г. в Луцк прибыла водным путем большая группа мещан из Петрикова. В течение трех недель петриковские купцы, поставившие свои комяги на прикол у Кривого моста на Стыри, торговали своими товарами и закупали большие партии соли. Там же находились торговцы солью и купцы из многих городов, в частности из Калуша и Турова ²⁵³.

Значительным центром соляной торговли был также Торчин. Так, в августе 1564 г. мещанин из Радивилова Сенко Яцкович «поспол з братом своим» вез на продажу в Торчин «тридцать и пять тысячей» соли, общая цена которой равнялась 20 копам литовских грошей. В Торчин доставляли соль также местные жители, которые отправлялись за ней на западноукраинские земли. В 1565 г. торчинские мещане Яцко, Юско и Андрей привезли соль соответственно на трех, двух и одной телегах. Большие барыши от участия торчинских мещан в солеторговле извлекал феодальный владелец Торчина — католическая капитула луцкого костела, взимавшая с купцов немалые пошлины. Торчин обеспечивал солью и жителей окрестных сел. Например, шляхтянка Михайлова Сербина послала в этот город крестьянина для продажи 3 мац пшеницы и покупки «шести тысячей» соли (1562) ²⁵⁴.

Торговля солью была развита и в других городах. Так, весной 1564 г. везли на телегах соль в свой город много мещан из Степани. При этом наиболее зажиточные мещане ехали четырьмя лошадьми. Летом 1565 г. несколько жителей из местечка Жуков также возвращались домой с солью, везя ее на 6 телегах ²⁵⁵.

Жители украинских городов широко занимались также торговлей зерном, продуктами промыслов. Прежде всего это относилось к зажиточной городской верхушке, представители которой активно участвовали в такого рода торговле. Так, владимирский радца Василий Капля в 1569 г. подписал соглашение с местным жителем Шмойлом Хорошком о доставке в Городло семи лаштов поташа. Кроме торговли, Василий Капля занимался и ростовщичеством. В частности, в 1569 г. он ссудил 71 золотой польский и 20 грошей владимирскому торговцу Мошку Изковичу. Нередко горожане объединяли свои средства для ведения тор-

говых операций. Так, владимирский мещанин Яроцкий Иконникович и священник Прокофьевский церкви во Владимире Федор договорились о продаже шляхтичу Ожаровскому 400 мац ржи (1566) ²⁵⁶.

Участию городских жителей в зарубежной торговле зерном во многом способствовали накопление богатыми купцами и ростовщиками денежных сумм, а также феодализация определенной части городской верхушки. Должниками городских ростовщиков выступали не только мелкие ремесленники, торговцы и шляхта, но и магнаты. Так, лишь князя Кошерские задолжали ковельским ростовщикам 250 коп литовских грошей (1562) ²⁵⁷.

Крупные купцы и ростовщики занимали ведущие позиции в экспортной торговле различными товарами. Так, в начале 60-х годов XVI в. луцкий купец и ростовщик Хазко Есманович арендовал с. Баев (Луцкий повет). Жестокая феодальная эксплуатация крестьян позволила ему довести производство товарного зерна до 200 коп (150 коп ржи и 50 коп пшеницы). Все собранное зерно предназначалось для продажи за границей. С этой целью были построены 2 комяги, обошедшиеся Хазку Есмановичу в 12 коп литовских грошей. Этот купец и ростовщик держал также в заставе с. Коршовец (Луцкий повет) в сумме 80 коп литовских грошей (1561) ²⁵⁸.

Большая часть товарного зерна и продуктов лесных промыслов доставлялась на рынки Западной Европы водными путями. В судоходный период движение комяг по рекам было довольно интенсивным, что свидетельствовало о динамичных торговых связях между отдельными украинскими городами и зарубежными торговыми центрами. Так, на небольшом участке реки Западный Буг в районе г. Берестье (Бреста), где весной 1565 г. потерпела крушение груженная зерном комяга маршалка Михайла Малинского, направлявшаяся с товаром в Гданьск, скопилось около двух десятков комяг. Среди них были 2 комяги, принадлежавшие владимирскому мещанину Миску Огородниковичу, и 5 комяг, находившихся в собственности владимирского подстаросты Василия Гулевича ²⁵⁹.

Торговля хлебом успешно развивалась и на внутреннем рынке. Так, в Киеве налажена была торговля печеным хлебом. В начале XVI в. там проживали хлебники. На хлебные рынки Волыни и Подолья приезжали мещане из украинских городов, которые часто

испытывали недостаток в хлебе вследствие опустошительных разорений кочевниками примыкающих к этим городам сельскохозяйственных округ. В 1545 г. мещане Житомира жаловались в этой связи королевскому люстратору: «Не маем ся чим поживити и коней ничом заховати, бо дей каждый з нас хлеб купуем, на Волынь и на Подоле ездечи». Вместе с тем при благоприятных условиях житомирские мещане поставляли муку в Киев, являвшийся самым емким хлебным рынком на Поднепровье, а также в другие города этого региона ²⁶⁰.

Богатые купцы использовали денежные капиталы для закупки различной продукции, производимой в фольварочных хозяйствах феодалов, вкладывали деньги в торговлю продукцией поташного промысла и др. Как явствует из условий контракта, заключенного крупным купцом и ростовщиком из Луцка Батком Мисановичем с княгиней Авдотьей Четвертинской (1566), последняя обязывалась поставить 1500 кварт водки, а также вывезти своими крестьянами в речной порт Устилуг 90 лаштов поташа из буд, находившихся в ведении Батка Мисановича. Большие барыши получал Батко Мисанович и от продажи зерна за границу. В 1567 г. он заключил сделку с шляхтичем Григорием Чапличом-Шпановским, предусматривавшую покупку 500 мац ржаного зерна владимирской меры «чистого и добре выправленого и выветреного». Все зерно доставлялось феодалом в установленное место на берег Буга (с. Бережцы или Кладнев) для последующей отправки его на зарубежные рынки. Среди других больших торговых сделок этого купца и ростовщика можно назвать скупку им 200 мац ржи по цене 18 грошей за каждую мацу у князя Януша Жеславского. Все это зерно также предназначалось для отправки в страны Западной Европы через Устилуг (1568) ²⁶¹. Особенно большие партии зерна продавали за границу феодальные владельцы. Например, в 1568 г. волынский шляхтич Козинский подписал соглашение с другим шляхтичем из Волыни Францом Фалчевским о «выставлении до Богу» 4000 мац ржи владимирской меры ²⁶².

На украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, вели свои дела представители купеческо-ростовщической верхушки, прибывавшие сюда из украинских земель, подвластных Польскому королевству. Так, купцу из г. Ратно Иделю

Зраиловичу, который занимался торговлей привозными товарами, ростовщичеством и вкладывал деньги в лесные промыслы, только князь Роман Сангушквич задолжал 84 копы литовских грошей по двум долговым записям и 200 польских золотых по третьей записи (1561). Идель Зраилович договорился также с этим князем о поставке ему 1500 клепок и 1500 ванчосов (бревен) по цене 12 золотых за каждую сотню. Среди товаров, которыми торговал Идель Зраилович, были пряности, ткани и др. Игумен мельницкого монастыря, например, взял у него в долг по фунту шафрана и гвоздики, 5 фунтов имбиря, по полкамня миндаля, слив, мелкого и крупного изюма, камень тмина, медовиков и повидла по полкопы литовских грошей, голову сахара, 15 локтей и четверть бархата и др. Владимирский урядник Николай занял у Иделя Зраиловича 5 таляров, камень олова и 15 аршин «муравского» сукна ²⁶³.

Развитой была торговля скотом, проводившаяся во многих городах и местечках. В Дубровице, например, наряду с другими товарами продавались волаы. Владимирский городничий Михаил Козинский послал в это местечко своего служебника, дав ему 200 таляров, 100 золотых польских и 15 коп литовских грошей для «скупования волов, меду пресного и зверу косматого, на лисицы и на куницы» (1563) ²⁶⁴.

Немало скота продавалось за границу. Крупный рогатый скот, скупаемый на украинских землях, формировался в стада, которые затем прогонялись в Люблин через Брацлав, Винницу, Кременец, Дубно, Луцк, Владимир и другие города. Такой торговлей, в частности, занимались жители г. Несухоежи. Например, двое несухоежских купцов от продажи волов на ярмарке в Познани выручили 600 золотых польских (1551) ²⁶⁵.

На украинских землях распространенной была рыбная торговля, в которой активное участие принимало городское население. Вылавливаемая в реках и прудах рыба пользовалась повышенным спросом на городских рынках. В некоторых городах существовали специальные торговые ряды для продажи рыбы. Особенно славился рыботорговлей Киев. В конце XV в. сюда доставлялась рыба, вылавливаемая в Днепре. В частности, в городе продавалась рыба, лов которой велся в районе Черкасс. Продажа рыбы на киевских рынках еще больше возросла в середине

XVI в. В продажу поступала как свежая рыба, так и та, которая подвергалась промысловой переработке — засоленная в бочках и вяленая. Особенно ценились осетровые. Если от бочки соленой рыбы обычных видов в пользу местного воеводы полагалось уплатить 3 гроша, то от бочки осетрины взималась пошлина в размере 6 грошей. По образному замечанию современника Михалона Литвина, в Поднепровье, в том числе и в Киеве, рыбы так много, что «собак кормят... рыбою, так как реки изобилуют невероятным количеством осетров и других больших рыб»²⁶⁶.

С наступлением зимних холодов и до самой весны бездействовали торговые пути по рекам. Однако торговля, в том числе рыбная, не прекращалась. Основным видом транспорта в зимнее время становились сани. Так, в январе 1569 г. купец из Пинска ехал на двух санях в г. Соколь. Он вез 6 бочек соленой плотвы, которую намеревался продать на городском рынке. С украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, рыба доставлялась на различные отдаленные рынки. В частности, много ее отправлялось во Львов, а также «индей за границу»²⁶⁷.

Таким образом, в исследуемый период происходил процесс углубления дифференциации торговли по отдаленным отраслям и специализации в среде торговцев и купцов. Наряду с ярмарочной торговлей все более широкое распространение получали торги, лавочная ежедневная, коробейная и другие формы торговли, что свидетельствовало о возросшем воздействии товарно-денежных отношений на экономику феодального города. Постепенно выкристаллизовывались местные рынки, объединяемые городами.

Развитию городской торговли на украинских землях препятствовали таможенные барьеры, отсутствие единой монетной системы, феодальная анархия и произвол, царившие в феодальном обществе.

4. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В XV—XVI вв. сельское хозяйство в экономике большинства городов Украины играло все еще важную роль. Возделывание мещанами полей, огородов, садов, хозяйственное использование гумен, сеножатных и лесных угодий было составным элементом специфического социально-экономического уклада феодально-

то города, который во многом определялся недостаточным развитием общественных производительных сил. В целом же названная особенность была свойственна феодальным городам разных стран, в том числе западноевропейским. Акцентируя внимание на этом обстоятельстве, советский историк Н. А. Хачатурян отметила, что природа самого средневекового производства определила растянутость процесса становления городской экономики, в котором она выделяет две фазы эволюции — от полудеревенских сельскохозяйственных промыслов к сравнительно сложному и развитому ремесленному производству. Причем большинство даже крупных средневековых городов Западной Европы сохраняло в своей экономике значительный удельный вес аграрных занятий ²⁶⁸.

В украинских городах не везде одинаковыми были условия для ведения сельского хозяйства. Если в частновладельческих городах и местечках феодальные владельцы в общем были заинтересованы в аграрных занятиях своих подданных, то в великокняжеских городах не утихала ожесточенная борьба между мещанами и феодалами по поводу использования лесов, сенокосов, пахотных земель и других угодий. В конце XV в. участились посягательства на землевладение мещан Киева со стороны местных светских и духовных феодалов. В 40-х годах XVI в. мещане Владимира не могли свободно пользоваться исстари принадлежавшими городу лесами вследствие препятствий, чинимых шляхтой и крупными феодалами: «Чого им тепер князи, и панове, и земляне забороняют и... того вживати не допускают». В середине XVI в. значительно сократились сельскохозяйственные угодья мещан Луцка. Тогда же усилились притеснения жителей города со стороны феодальных владельцев. В 1545 г. мещане жаловались в этой связи королевским люстраторам, что они «фольварков ани пашни и сеножатея одное пяди в себе не мают, и не толко того, але и коня, и бидляти, и поросяти, и гусей неволно есть им где выпустити. С одное стороны замковое, а з другое ключовое, а с третее князское и панское, везде бют и грабят» ²⁶⁹.

В окраинных городах Украины, где гнет феодалов был слабее, мещане имели более благоприятные возможности для земледелия, занятия уходом — ловлей рыбы в реках и озерах, охотой, бобровничеством, отловом диких лошадей, разведением пасечно-

го хозяйства и др. Развитию уходнического промысла способствовала богатая и разнообразная природа Украины. По свидетельству люстратора Брацлавского замка (1552), в окрестностях города «зубров, оленей, лисиц и иного зверу множество, и бобров по речках, рыб, а звлаща верезубов; а рыбиц усходить там рекою Богом зморя множество великое; меду теж офитость великая, а предне доброго чистого белого, без бортей и без всякое працы великое, не только с пасек, але готового, с ветепов выдираючи»²⁷⁰.

Одни лишь мещане Черкасс имели более трех десятков мест уходничества по разным озерам и рекам: Днепр, Ворскла, Орель, Тясмин, Ингул, Ингулец, Самара. В уходы мещане обычно отправлялись группами — «ватагами». Местная старостинская администрация имела большие доходы от уходников. От каждой ватаги староста получал по 5 солянок овса, по солянке крупы и солода, восьмую часть от выловленной рыбы и добытого в уходах сала, мяса, кож, несколько бобров и др. В 1552 г. старосте преподнесли «поклон» 300 уходников. Большой массив свободных земель в районе Черкасс позволял мещанам беспрепятственно выбирать участки для земледелия: «...пашут черкашане мещане и бояре на поли, где хто хочеть»²⁷¹. Много уходнических угодий имели мещане Канева. Как и черкасские мещане, они длительное время свободно пользовались пахотными землями: «...земля по полем, над мистом мещаном на пшашню з давна была вольна». Однако уже в начале 50-х годов XVI в. на них была возложена церковная десятина. Уходническим промыслом занимались также мещане Киева, Винницы, Чернобыля, Остра, Житомира²⁷².

Сельское хозяйство занимало большое место в экономической структуре местечек, которые, по существу, являлись аграрными поселениями. Это подтверждают, в частности, данные поборовых реестров 1570—1576 гг. о землепользовании мещан. Так, в местечке Судилкове, где проживало 37 мещан-налогоплательщиков, землей пользовалось практически все население местечка (за исключением мельника), которое обрабатывало 29 полей и 16 огородов; в Берездове (38 мещан) все жители имели сельскохозяйственные участки — 19 полей и 19 огородов; в Жукове (89 мещан) земля была у 86 человек — 52 поля и 86 огородов. Пахотными землями и огородами не пользовались лишь ремесленники местечка (3 человека); в Звягеле (161 ме-

шанин) сельскохозяйственные участки были у 152 человек — 90 полей и 70 огородов. Земля отсутствовала у 4 ремесленников, проживавших в этом местечке ²⁷⁴.

Важную роль в жизни населения местечек играло скотоводство. Мещане содержали в своих хозяйствах тягловый скот, других домашних животных, а также птицу. В местечке Хорлуп, которое принадлежало луцкому епископству, все 32 жителя имели в своем владении скот (1569). Наибольшим количеством скота, в том числе и тяглого, располагали бояре, которых в Хорлупе проживало 3 человека, а также священник. Всего у них было 27 волов, 36 коров и другого рогатого скота, 4 лошади, 40 овец, 16 коз, 22 свиньи. Из 28 хорлупских мещан 5 человек имели в своем хозяйстве волов (всего 10 голов), у одного мещанина было 3 коровы. Остальные жители местечка имели различное количество (от 1 до 15) овец, коз, свиней, телят, яловиц и лошадей. Стадо, принадлежавшее жителям местечка Сатиев, состояло из 258 голов крупного рогатого скота, 309 овец, 75 коз, около 100 лошадей ²⁷⁵.

В экономике городов сельское хозяйство играло несколько иную роль, нежели в местечках. Наличие в городах большего, по сравнению с местечками, контингента ремесленников и торговцев, имевших значительные связи с сельским хозяйством или совсем порвавших с ним, приводило к важным изменениям в их экономической структуре. Прежде всего это выразилось в повышении удельного веса ремесла, промыслов и торговли, что, в конечном итоге, закрепляло ведущую роль этой сферы общественного производства как более прогрессивной в городской экономике в целом. Это подтверждают данные источников ²⁷⁶ (табл. 1).

Таким образом, по сравнению с местечками жители средних и малых городов в меньшей степени занимались земледелием. Причиной этого являлся более значительный удельный вес в городах торгово-ремесленного населения, имевшего минимальные связи с сельским хозяйством.

Процесс отделения ремесла, промыслов и торговли от земледелия более глубоким был в больших городах. Это можно проиллюстрировать, в частности, на примере города Кременца, в котором в начале 60-х годов XVI в. насчитывалось около 735 домов. Землевладение мещан (землю имели около 60 % жителей)

Таблица 1

Землевладение жителей городов по материалам поборовых реестров 1570—1576 гг.

Наименование города, его категория	Количество домов	Занятость населения сельским хозяйством, %	Структура землевладения жителей, занятых сельским хозяйством		Численность ремесленников и торговцев	Структура землевладения ремесленников и торговцев	
			поля	огороды		поля	огороды
<i>Средние города</i>							
Турийск	203	88	68	175	22	8	22
Дубно	230	81,7	75	140	62	—	62
Степань	241	69	65	124	35	—	10
Острог	322	22	11	63	152	—	19
Константинов	340	74	174	97	102	—	20
<i>Малые города</i>							
Шульжинцы	86	72	24	38	19	—	19
Красилов	99	86	33	52	19	—	19
Полонное	121	55,3	44	67	23	—	—
Чуднов	124	63	53	38	25	—	25
Овруч	128	59	40	70	38	—	38
Несухоежи	132	88	21	95	26	7	27

включало садовые и огородные участки, лесные угодья, пахотные земли и сеножати, гумна. Городская община коллективно владела лишь лесами, остальные же сельскохозяйственные угодья находились в индивидуальном пользовании мещан. Из 443 владельцев сельскохозяйственных участков садами и огородами располагали 353 человека (77 %). В то же время такими отраслями сельскохозяйственного производства, как пашенное земледелие и заготовка кормов для скота, которые требовали очень много времени и имели наиболее выраженный аграрный характер, занимались 90 жителей города (23 %).

Наибольшими сельскохозяйственными участками располагали жившие в городе феодалы. Например, кременецкие священники имели в среднем по 23,6 прута сельскохозяйственных угодий. При этом у священника Воскресенской церкви Олифера находилось в руках 40,5 прута садово-огородных участков и 2 волюки поля; у священников Пречистенской церкви Гапона и Никольской церкви — Остафия было по 2 волюки и по 20 протов сельскохозяйственных угодий;

у священника Пятницкой церкви Никифора — волоки и 12,5 прута. Большими площадями угодий владели также кременецкие земляне — в среднем по 9,5 прута. У отдельных землян количество этих угодий было значительно большим. Например, у Михайловой Скубедириной находилось во владении 57 протов.

Некоторые зажиточные мещане также имели довольно большие земельные участки. Так, у Ивана Мицевича было два огородных участка, которые занимали площадь соответственно 3 и 9 протов, волоки поля; Даниил Прихожий имел 2 огорода (4 и 9 протов) и волоку поля; лентвойт Миклаш — огород (3 прута) и волоку поля; пушкарь Матуш — сад (10 протов), волоку поля и волоку сенокосов; писарь Лукаш — сад (20 протов) и волоку поля; Федор Осыка — огород (12 протов).

Размеры сельскохозяйственных участков у ремесленников Кременца равнялись в среднем 7, 8 прута на человека. Наименее были связаны с сельским хозяйством кузнецы. Лишь около 40 % из них владели теми или иными сельскохозяйственными угодьями. Среди ремесленников некоторых других специальностей этот показатель был следующим: портные — 42 %; бондари, плотники, мясники, седельники, стапники — около 50; скорняки — 57; сапожники — 66 и гончары — 83,4 %²⁷⁷.

Сравнительно небольшой была доля сельского хозяйства и в экономике Киева. Согласно данным подымного реестра 1571 г., в городе проживало 127 мещан-налогоплательщиков, которые возделывали огороды (около 13 % всего населения). При этом подавляющая часть владельцев огородов являлась подданными киевских монастырей (95 человек из 127). Торгово-ремесленное население города сельскохозяйственных участков не имело. Обширные угодья находились в руках богатых горожан. Например, в середине XVI в. у мещанина Черевчя были пахотное поле на Крещатицкой долине, а также сенокосы за Днепром около леса Глинищи²⁷⁸.

Если для одних мещан земледелие и огородничество служили основным источником их существования, для других являлось лишь небольшим подспорьем, делавшим более разнообразным стол горожанина, то для наиболее зажиточной части населения городов занятия сельским хозяйством являлись важным средством обогащения. В ряде случаев происходила

феодализация определенной части городской верхушки.

Земельные владения горожан порой не уступали именам феодалов. Так, люстратор брацлавского замка (1545) счел нужным особо отметить, что некоторые мещанские пасеки «не потреба менш селищ важити: сут иншии пасеки, иж и три селища за одну пасеку не стоят, при которой ест на милю земли и в наименшее на пол мили. Также в него пашня, стави спустнии, пчол мноство. Звер всякий, сади, и городи ововочии роскошни и всякий инший пожиток»²⁷⁹.

Богатые мещане в своих сельских владениях эксплуатировали феодально зависимых крестьян. Например, в конце 50—60-х годов XVI в. луцкий бурмистр Василий Лукьянович имел в с. Подгайцы Волковыйские (Луцкий повет) двор, суммарная стоимость которого равнялась более 200 копам литовских грошей. Кроме рогатого скота там содержались свиньи, гуси, куры. В гумне были сложены 14 стогов ржи и 15 стогов овса (в каждом стоге было по 60—80 коп). В коморе находился запас «прядива» — пеньки, одежда и другие вещи. От имени владельца всем хозяйством ведал управитель — «дворник». Василий Лукьянович взимал с крестьян этого села феодальную ренту. Так, в 1553 г. землянка Таца Подгаецкая за долг 9 коп и 20 грошей литовских грошей вынуждена уступить Лукьяновичу на 10 лет «дворище свое Дудчинское в Подгайцах Волковыйских с польми, з сеножатьми и зо всим на все так яко ся тое дворище само в себе мает». Однако по истечении срока залога Василий Лукьянович (к тому времени уже радца луцкого магистрата) получил право распоряжаться двором еще на 10 лет, поскольку Таца Подгаецкая не сумела вернуть ему долг²⁸⁰.

Обширные земельные владения, а также феодально зависимых крестьян, имел один из наиболее богатых представителей городской верхушки Киева войт Семен Мелешкович. Так, в 1563 г. он купил большой участок пахотной земли (земля Юревая) и село в Киевском повете²⁸¹.

Обычным явлением в XVI в. стало предоставление ростовщиками денежных ссуд феодалам под залог их имений, а также зависимых крестьян. Например, в 1561 г. купец и ростовщик из Ковеля Аврашкович дал займы землянину Михаилу Дрозденскому 31 копу литовских грошей и 10 грошей под залог четырех

подворищных крестьян в с. Дрозденах. В 1567 г. шляхтич Ян Кобыльский, занявший у крупного купца-ростовщика из Луцка Батка Мисановича и его сына 235 коп литовских грошей, обязывался в случае неплаты долга выделить кредиторам «за каждую десят коп грошей зуполную службу людей» в местечке Млынов и с. Пекалово. При этом делалась оговорка, что если эти именья не смогут покрыть суммы задолженности, тогда они перейдут Батку Мисановичу на правах полной феодальной собственности: «...тогда и в земли, в поля и сеножати, и во все кгрунты тых именьей увезатися мают и то держати и вживати зо всима пожитками, яко пан... сам держал и вживал». В 1564 г. купцы и ростовщики отец и сын Мисановичи предоставили князю Льву Сангушковичу-Кошерскому 300 коп литовских грошей под залог его имения в с. Смолева. В 1565 г. этот же князь, получивший от Батка Мисановича и его сына ссуду в 716 коп литовских грошей, вынужден был опять отдать под залог с. Смолеву, а также с. Мезев²⁸². Предоставляли феодалам деньги и другие крупные купцы и ростовщики на выгодных для себя условиях, предусматривавших отдачу им под залог части феодально зависимых крестьян или же целых сел «з людьми, их чиншами, с податками, з роботами, с польми и сеножатыми дворными». В 60-х годах XVI в. на Волыни купцы и ростовщики получали от феодалов под залог местечки и замки²⁸³. Тенденция к феодализации имела место и в среде русского купечества. Уже в XIV—XV вв. богатые купцы стремились приобрести земли и вотчины²⁸⁴.

В целом отличительной особенностью развития феодальных городов Украины конца XV — 60-х годов XVI в. были связи их с сельским хозяйством. Подавляющее большинство жителей местечек существовало исключительно за счет ведения земледелия и скотоводства. Существенной была доля сельского хозяйства и в экономике малых городов. В больших и средних городах процесс отделения ремесла, промыслов и торговли от сельского хозяйства являлся более глубоким. Торгово-ремесленное население городов в большинстве своем сохраняло минимальные связи с сельским хозяйством. Богатая купеческо-ростовщическая верхушка городов нередко выступала держателем феодальных имений, отдельных крепостных крестьян, обзаводилась собственными хозяйствами.

Суммируя материал по экономическому развитию феодальных городов Украины, отметим, что в исследуемый период продукция большинства ремесленных отраслей реализовывалась преимущественно на рынке. В определенной степени в ремесло проникал купеческий капитал, способствовавший появлению новых, более прогрессивных форм организации общественного производства, состоявших, в частности, во внедрении в ремесло ростков простой кооперации. Последняя функция купеческого капитала в основном проявлялась лишь как тенденция, касалась узких ремесленных отраслей и поэтому не определяла основное направление развития ремесленного производства. Негативное влияние на ремесло оказывало ростовщичество.

Хотя цеховая организация ремесла охватывала незначительное количество городов, однако среди ремесленников созревала антицеховые настроения, а сами цехи оказались не в состоянии эффективно влиять на положение в своей отрасли вследствие быстрого развития внецехового ремесла.

Специализированные промыслы представляли собой важную часть экономики феодальных городов Украины. По сравнению с ремеслом большинство промыслов в значительно большей степени были вовлечены в орбиту товарно-денежных отношений. Специфика промыслового производства обусловила широкое использование наемной рабочей силы, часть которой рекрутировалась из мещанства. В ряде случаев в промыслах применялись простые механизмы и приспособления, в том числе приводимые в движение энергией воды. Финансирование, проведение работ и сбыт готовой продукции промыслов чаще всего осуществлялись с привлечением купеческого капитала, что особенно было характерно для поташного, рыбного и винокурного промыслов. Наиболее глубокое разделение труда наблюдалось в поташном промысле. Ряд организационно-подготовительных работ пооперационно выполнялись подрядчиками: от постройки производственных помещений до найма работников и поставок продовольствия. По сравнению с другими промыслами наиболее быстрым товарным обращением отличались винокурение и пивоварение. Это создавало известный избыток продукции этих промыслов на городском рынке. В связи с этим торговля горячительными напитками осваивала сельскую периферию;

туда же устремлялись профессионалы-винокуры и купеческо-ростовщическая верхушка, которые на месте налаживали производство и продажу спиртного. Производительные силы и производственные отношения в промыслах оставались по своей природе феодальными: наем рабочей силы в промыслах носил сезонный характер и сочетался с трудом феодально зависимых крестьян; отсутствовал емкий внутренний рынок потребления продукции тех промыслов, которые имели большую товарность, отсюда — ориентация их на экспортную торговлю; доходы от промыслов зачастую употреблялись для приобретения феодальной собственности; огромные средства в промыслы вкладывали и представители господствующего класса.

Углублялась отраслевая дифференциация торговли, проявившаяся, в частности, в оформлении таких самостоятельных направлений в торговле, как продажа за границу зерна, поташа, строевого леса, продукции винокуренного промысла, соленой рыбы и некоторых других видов товаров. Широко распространилась ярмарочная торговля, повысилась роль торгов и ежедневной лавочной торговли, являвшихся важным фактором наметившейся экономической консолидации местных рынков.

Города Украины поддерживали торговые связи со многими торговыми центрами европейских стран и Востока. Особенно тесными были контакты русских и украинских купцов, что в целом способствовало экономическому развитию городов Украины и России.

Характер связей мещан с сельским хозяйством зависел от уровня социально-экономического развития городов и местечек. Находившиеся в самом низу городской «пирамиды» местечки по своей социально-экономической организации представляли почти целиком аграрные поселения. Города же развивались по исторически более прогрессивному пути: увеличивался удельный вес торгово-ремесленного населения, для которого сельскохозяйственные занятия являлись лишь небольшим подспорьем, что объективно способствовало закреплению в городской экономике ведущей роли ремесла, промыслов и торговли, углублению общественного разделения труда в рамках всего феодального общества. Экономическое проникновение купеческо-ростовщической верхушки в сферу сельского хозяйства повлекло за собой, в частности, определенную феодализацию городских богачей.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО
ФЕОДАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

1. ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОРОДОВ УКРАИНЫ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Юридический статус городов и местечек Украины, их административное устройство были довольно пестрыми. По правовому положению города и местечки подразделялись на великокняжеские (принадлежали феодальному государству), частновладельческие и церковные. Великокняжеских городов и местечек насчитывалось 29, частновладельческих — 112, церковных — 7 (см. приложение 1).

Правовой статус городов часто менялся. Так, в 1507 г. Сигизмунд I передал великокняжеский город Чуднов в наследственное владение князю Константину Острожскому «со всем правом и панством». До конца XVI в. этот город находился во владении феодальной фамилии Острожских¹. Некоторые великокняжеские города, передававшиеся в держание (условное владение) крупным феодалам, со временем приобретали статус частновладельческих. В апреле 1494 г. великий князь литовский Александр оповестил землян и мещан и все население Полонского повета о передаче города Полонное в держание князьям Михаилу и Константину Острожским. В грамоте оговаривался также порядок вступления в условное владение городом: «Дали есмо Полоный князю Михаилу а князю Константину Ивановичом Острожьким; а увязати их в Полоный послали есмо дворянина нашего Сороку; и вы бы их во всем были послушни». В мае 1494 г. последовала грамота аналогичного содержания, адресованная «ко всим слугам и людем Полонского повета». В 1501 г. держателем города Полонное являлся князь Андрей Сангушкович, взваливший на мещан новые тяжелые повинности. По жалобе жите-

лей Полонного и населения Полонской волости великокняжеская власть предписала Андрею Сангушковичу, чтобы он «держал бы еси их по тому, как было за князя Михайла и за князя Костянтина конечно»². В середине XVI в. Полонное стало собственностью магната Николая Радивилла, затем городом владел шляхтич Ольбрехт Ласский, который, не имея наследников, отписал его в 1570 г. казне (вместе с городами и местечками Острог, Романов, Красилон, Чуднов, Шульжинцы, Колодно, Черняхов, Степань, Ровно, Берездов, Сатиев, Янушполь (Ямполь))³.

Многие стороны жизни феодального города Украины регулировались различными законодательными актами государственной власти Великого княжества Литовского. При этом сфера приложения правовых норм феодального государства не ограничивалась лишь наиболее значительными великокняжескими городами, управлявшимися местными органами государственной власти в лице воеводских и старостинских администраций (Белая Церковь, Винница, Владимир, Житомир, Канев, Киев, Ковель, Кременец, Луцк, Любеч, Остер, Переяслав, Черкассы). Действие государственного законодательства распространялось и на остальные города и местечки. Так, уже само основание города, учреждение в нем торгов, ярмарок, определение его правового и административного статуса предполагали санкцию великого князя как высшего сюзерена в феодальном обществе. Например, в 1498 г. великий князь литовский Александр выдал разрешение князю Константину Острожскому на преобразование села Дубно в город, предоставив последнему, в частности, право на ежегодную ярмарку и еженедельный торг. Аналогичный нормативный акт применялся во всех случаях, связанных с основанием нового города на украинских землях⁴.

Существовавшие в феодальном обществе вассалитетные отношения требовали периодического подтверждения привилегий феодальных владельцев. В конце XV в. в селе Ровно был сооружен замок, а сам населенный пункт, согласно великокняжеской грамоте, переведен на статус города. В 1507 г. владевшая Ровно княгиня Мария Ровенская ходатайствовала перед великокняжеской властью о подтверждении ее владельческих прав на город. В полученной подтвердительной грамоте Сигизмунда I указывалось, что город будет принадлежать «вечно ей и ее детям, и на потом бу-

дучим их спадкам и ближним». Владельцу Ровно подтверждалось также право свободного отчуждения города: «...мает отдати, продати, заменити, розширити и своєму ужиточному и лепшему обернути»⁵.

Феодальное государство систематически издавало правовые акты, закреплявшие тот или иной объем экономических привилегий и юридическое положение мещан, устанавливавшие характер административного устройства городов и местечек. В 1518 г. великим князем литовским были подтверждены торговые привилегии ряда городов и местечек Украины: Острогу — на 3 ежегодные ярмарки; Дубно — на 2; Дорогобужу, Колодно, Красилову, Полонному, Ровно и Степани — на 1 ежегодную ярмарку⁶. Великокняжеская власть являлась высшей судебной инстанцией для феодальных владельцев по различным спорам и претензиям, касающимся экономической жизни их городов. Например, в 1511 г. судебным декретом Сигизмунда I была разрешена тяжба между шляхтичем Станиславом Петровичем и князем Федором Чарторийским о времени проведения торгов в Олыке и Клевани. Великий князь литовский совместно с государственной радой вынесли постановление, согласно которому «от сих часов пану Станиславу не казали есмо в его именью у Олыце торгу мети в неделю, а казали есмо ему торг мети во вторник; а князь Федор маеть мети торг у именьи своем в Клевани в четверг»⁷.

В некоторых случаях даже такой обычный для практики городской жизни акт, как покупка или постройка дома в городе, приобретал законную силу лишь при утверждении его государственной властью. В частности, это касалось купли-продажи недвижимости, связанной с иммунитетными правами. Как явствует из грамоты короля Казимира от 1481 г. троцкому воеводе Мартину Гаштовтовичу, этому феодалу позволялось купить дом в Киеве у мещанина Рога. При этом новый владелец дома получал значительные экономические привилегии⁸.

Специальное разрешение требовалось и для постройки домов на территории замков великокняжеских городов. Так, в 1512 г. наместник Владимира князь Андрей Сангушкович заручился согласием Сигизмунда I на сооружение дома в пределах владимирского замка «для вбежища от поганства татар»⁹.

Государственными законодательными актами регулировалось административное устройство городов.

В частности, грамота, вышедшая из канцелярии великого князя литовского в 1516 г., определяла правовой и административный статус Брацлава: «А мещане наши брацлавские права немецкого мети и им ся судити не мають; мает князь Роман их судити по тому, как и князь Костянтин их судил»¹⁰. Решение вопроса о предоставлении магдебургского права частновладельческим городам и местечкам также зависело от государственной власти Великого княжества Литовского. Так, в 1528 г. троцкий городничий Петр Михайлович получил от великого князя разрешение на основание города Острожца с предоставлением ему магдебургского права. В великокняжеской жалованной грамоте прежде всего выделялись экономические привилегии, в чем более всего был заинтересован феодальный владелец. Мещанам Острожца предоставлялись определенные права в области суда и административного управления. Согласно упомянутой грамоте, провозглашались освобождение мещан от суда феодала и переход их под юрисдикцию самоуправления по магдебургскому праву¹¹.

Административные, хозяйственные и правовые взаимоотношения мещанской общины и феодала, получавшего город в условное владение, регулировались особыми постановлениями государственной власти Великого княжества Литовского. Они сводились в основном к определению круга повинностей городских жителей, выполняемых в пользу «державца» и феодального государства, касались юридических аспектов отношений между мещанами и шляхетским сословием, других правовых вопросов. Типичной в этом отношении была грамота Сигизмунда Августа от 1544 г., предназначенная для мещан Овруча, в которой пространно оговаривался объем административной и судебной власти держателя города. Прежде всего в ней регламентировались повинности жителей города, переходившего в держание: «Не мают они... на пана Крыштофа Кмитича, державцу нашего теперешнего овручского, и на потом будущих державец... и их врядникам и слугам ни подвод в потребах их властных не давати, ани лазни топити, дров не рубати, и воды не носити, перекопов около дворов и гумн их не копати, и плотов около поль их не городити, и ролюи на них, державец, не орати, ани збожъя на ораных пашнях не жати, нижли толко мають они водле стародавного повиноватости своее у ворот замку нашего тамошне-

го овручского з щитом и з рогатиною стояти и их стеречи». В отдельных случаях держатели могли требовать от мещан дачи «змирских» и «свадебных кунц», размер которых не должен был превышать 12 грошей. При этом «державец» мог воспользоваться этим правом в основном лишь тогда, когда речь шла о женитьбе шляхтича на мещанке¹².

Феодальное государство практиковало передачу великокняжеских городов в условное владение не только на ограниченный срок, но и в пожизненное держание при условии несения военной службы. В 1567 г. такая привилегия была предоставлена князю Андрею Курбскому на город Ковель. В жалованной великокняжеской грамоте, в частности, указывалось, что «мает князь Андрий Курпский сам его жона и их дети мужчизного рожаю тот замок ковелский со всеми дворы месты волостями... держати и вживати вечно волни там будучи прибавити разширити и як хотечи пожитки собе от тол привлащати вечными часы... вживати мают так яко иншие князи панове вся шляхта того панства нашого вживають а нам господару с того имения службу земскую военную водлуг уфалы земское служити повинни будут». Статус держателя города отразился и в характере некоторых деловых документов «господарского» замка Ковель¹³.

Города Украины интересовали правящие круги Великого княжества Литовского преимущественно из фискальных и оборонительных соображений. Когда в 1552 г. крымские феодалы нанесли удар по Брацлаву, Сигизмунд Август, исходя из интересов обороны государства («иж оный замок Бряславский с тых сторон неприятельских ест нам и речи посполитой потребный и пожиточный»), издал универсал, обязывавший житомирского старосту, а также всех феодалов Волины выделить людей и средства для скорейшего восстановления брацлавского замка¹⁴.

Обычный для феодального общества произвол крупных феодалов и шляхты в отношении городов более сурово карался великокняжеской властью в тех случаях, если он затрагивал государственные интересы. В 1553 г. черкасский и каневский староста князь Дмитрий Сангушкович самовольно оставил вверенные ему города («зъехал з украинских замков кром ведомости господарское; которые замки, всему панству от неприятеля заслона и ворота») и учинил вооруженное нападение на Острог, находившийся в то время в ру-

ках княгини Беаты Острожской. Решением королевского суда от 3 января 1554 г. он приговаривался к смертной казни — «на горло»¹⁵.

Правящие круги Великого княжества Литовского взваливали на жителей украинских городов тяжелое бремя различных повинностей и налогов. Так, в середине XVI в. мещане Винницы, Канева, Житомира, Черкасс обязывались сопровождать «конно» и «збройно» старост и воевод во время военных экспедиций, нанимали сторожей для охраны замка и патрулирования в окрестностях города; много средств и времени требовалось на ремонт городских укреплений, содержание и сопровождение по пути следования великокняжеских и ордынских послов¹⁶.

Тяжесть городских повинностей для мещанства усугублялась еще и тем, что подданные феодалов постоянно уклонялись от ремонта вверенных им участков городских укреплений и мостов, игнорировали выполнение других повинностей. Так, в первой половине XVI в. мещане Владимира жаловались королевским люстраторам на князей Чарторыйских, чьи подданные не участвовали в ремонте оборонительных сооружений. Особенно тяжелой для мещан была подводная повинность, состоявшая в поставке подвод для сопровождения послов, перевозки почты и других работ. Повинность раслаживалась между всем торгово-ремесленным населением города, которое для найма подвод платило по 1 грошу литовских грошей от всех своих занятий, а также недвижимости (от ремесла, промыслов, торговли и от дома)¹⁷.

Города представляли для государственной власти Великого княжества Литовского важный источник денежных поступлений в казну. На городское сословие распространялось действие многочисленных общегосударственных налогов: «серебщизна», «ордынщина» (уплата «упоминок» крымскому хану), «воловщина», подымный побор и др. Так, в 1563 г. мещане городов Збараж и Локачи (вместе с населением волостей) уплатили в пользу казны 63 копы 50 грошей литовских грошей серебщизны¹⁸. Среди налогов, уплачиваемых жителями Кременца, числилась «поконевщина». В 1564 г. сумма собранных денег по этому налогу составила 85 коп 19 грошей и 1 пенязь литовских грошей. В 1565 г. с мещан Владимира собрано 170 коп литовских грошей воловщины и 100 коп ордынщины. В начале 70-х годов XVI в. государственные чи-

новники взыскали с мещан Судилкова различных налогов на сумму 4 копы 22 гроша литовских грошей; мещане Несухоеж уплатили государственные налоги в сумме 8 коп 44 гроша, Острожца — 13 коп 2 гроша, Турийска — 23 копы, Жукова — 25 коп 51 грош, Киева — около 100 коп¹⁹.

Городское население все больше вовлекалось в орбиту влияния государственного законодательства Великого княжества Литовского, юридически оформлявшего и регулировавшего сложившиеся в городах социально-экономические отношения. Это отражено в кодексах феодального права — I Литовском статуте 1529 г. и II Литовском статуте 1566 г. Литовские статуты являлись основными правовыми кодексами, которыми на Украине руководствовались гродские суды при рассмотрении самых разнообразных дел, связанных с имущественными спорами, уголовными преступлениями.

В I Литовском статуте были гарантированы права определенной категории мещан (владевших именьями) наряду с другими классами-сословиями феодального общества. Артикул 6 (разд. III) гласил: «Шлюбуем своєю парсуною господарскою, иж всю шляхту, княжата и паны хоруговные, и вси бояре посполитые, и мещане, и их людей заховати при слободах и волностях, от предков наших и теж от нас даных им»²⁰. С дальнейшим развитием феодальных городов заметно возросло их значение в экономике феодализма, более существенной стала роль мещанства в социально-политической жизни феодального общества. Это отразилось в законодательстве феодального государства. В Статуте 1566 г. в артикуле 2 (разд. III), озаглавленном «О вольностях шляхетских», был расширен круг горожан, которым подтверждались привилегии. В целом всем мещанам формально гарантировалось право жить «при свободах и вольностях... в которых они... из стародавна жили и справовали»²¹.

Увеличение численности городского населения происходило не только за счет внутренних резервов — естественного прироста населения, а в основном за счет переселения и пополнения городов беглыми крепостными. Естественно, что в вопросе о регламентации переселения зависимого крестьянства в города власти Великого княжества Литовского в законодательстве максимально учитывали интересы феодальных владельцев.

Порядок переселения феодально зависимых крестьян в города, существовавший в Великом княжестве Литовском, отражен в решении великокняжеского суда по делу виленского мещанина Яна Балаша (1527). В частности, в нем отмечалось, что «и за... Казимира и Александра королей... так бывало, иж волно каждому чловеку не голко нашому, але князскому, панскому до мест наших приходити и за нами мешкати; тых людей прихожих з мест наших никола не выдавано, а з наших сел также вольно бывало людем до мест князских и панских приходити, и за ними мешкати»²². Нет сомнения в том, что право на переселение в город распространялось только на тех крестьян, которые заручились согласием на это своего феодала. В Литовском статуте 1529 г. имелась специальная статья, регламентирующая уход крепостных крестьян от своих владельцев. Такой уход признавался «законным» лишь в одном случае: «...если бы хто в голод челядь свою неволную выбил з двора проч, не хотячи их переховати, а они бы сами в голод перекормилися, таковые вжо не мают быти невольными, але вольные». При этом в пользу феодалов делалась оговорка, согласно которой прибывшие в город крестьяне обязаны были известить об этом «местского бурмистра». Последнему вменялось в обязанность навести соответствующие справки о вновь прибывших и получить подтверждение от их владельца о том, что крестьяне отпущены в связи с голодом. Лишь в случае, если проверкой устанавливалось, что феодал «их выбил вон, не хотячи их кормити», крепостные крестьяне признавались свободными («тогда оная челядь вжо вечно маеть быти волна») ²³.

Как свидетельствует обширный актовый материал, предусмотренная I Литовским статутом процедура переселения крестьян в город соблюдалась далеко не всегда, а сами переходы отнюдь не ограничивались голодными годами. В действительности в города прибывали крепостные, часто с семьями, которые убежали от феодалов. Поэтому в законодательстве появились правовые нормы, защищавшие интересы господствующего класса, смягчавшие потери владельцев от крестьянских побегов. В частности, в письме великого князя литовского и польского короля Сигизмунда Августа винницкому старосте (1546) наряду с констатацией существовавшего принципа переселения крестьян в города («А людем дей их (феодалных вла-

дельцев.— П. С.) перед тым здавна было дано волности в месте мешкати и земли и иншие вжитки там себе мети а подачку нашу з местом полнити») содержалось положение о праве феодала на судебное возмещение, если «человек... втек... до места». При этом крепостной крестьянин должен был уплатить 2 копы литовских грошей. В случае же, если «козак мелся отложить, а будет ли мети тридцатеры пчолы,— маеть дати поклону копу грошей; а будет ли мети шестидесятеры пчолы, маеть дати поклон сполна две копе грошей». От разорившегося крестьянина требовалось «дати водле первшое маетности своее поклону две копе грошей»²⁴.

Отсюда явствует, что бежавший в город от своего владельца крепостной в случае его розыска мог откупиться определенной денежной суммой. Однако феодалы любой ценой пытались возвратить беглецов. Феодалное государство учитывало интересы господствующего класса в своем законодательстве, что отразилось в статьях Литовского статута 1566 г. Так, в артикуле 29 (разд. III) «О слуги и о люди шляхецкие челядь неволную, которые до мест входят» магистратским урядникам и местной старостинской администрации предписывалось возвращать беглую челядь феодалному владельцу: «А што се дотысечь челяди неволное, которые бы пришли до мест наших; тым ани права майдеборского принятье ани оселость ани теж заседене десети лет ку помочы быти не маеть, и повинны будуть войтове и державцы и врядники наши им выдати».

Исключение было сделано лишь для слуг шляхетских, дела которых рассматривал магдебургский, а не земский суд. Для этой категории феодално зависимых крестьян устанавливался 10-летний срок розыска, по истечении которого беглый считался полноправным членом городской общины и не мог быть возвращен прежнему владельцу²⁵.

В XVI в. на украинских землях, в том числе находившихся под властью Великого княжества Литовского, происходил дальнейший рост товарно-денежных отношений, возросло значение городов в общественном разделении труда. В тот период сфера действия государственного законодательства начала распространяться на некоторые стороны экономической жизни городов. Так, в Литовском статуте 1529 г. появилась статья «О мещанах, иж не мають на торгу земян гра-

бити» (артикул 9, разд. XII). В ней запрещалось мещанам самовольно взыскивать долги из «селян наших (великого князя литовского.— П. С.) ани теж чиних иных духовных и светских в местех на торзех заповедати ани тым себе на них справедливости доводити». Для взыскивания долга с крестьян необходимо было обращаться непосредственно к их владельцу: «О тые долги с тыми виноватыми в панов их и з нашими (великого князя литовского.— П. С.) поддаными с наших врьдников будутъ повынни справедливости доходити; а наши врьдники и панские мают им справедливость чинити»²⁶. Таким образом, городское самоуправление устранялось от разбора подобных дел.

При взыскивании мещанами долгов с шляхтичей устанавливались правила, ограждающие интересы этого феодального сословия. Так, согласно артикулам I Литовского статута, шляхте предоставлялась отсрочка уплаты по долгам в следующих случаях: нахождение в плену, несение государственной службы, а также при доказательстве своей несостоятельности. Во II Литовском статуте оговаривался более широкий круг обстоятельств, при которых шляхта пользовалась правом долговой отсрочки (на три года). Мещанам запрещалось предъявлять долговые иски в случае, если должник — шляхтич — терпел стихийное бедствие (пожар, наводнение), был ограблен, а также пришел к оскудению вследствие издержек по государственной службе²⁷.

В Литовском статуте 1566 г. была предпринята попытка нормирования отдельных кредитно-финансовых операций, которые вели между собой мещане и шляхта. В артикуле 3 (разд. X) устанавливалась максимальная сумма денег, которую разрешалось предоставлять займы без оформления долговой записи (10 коп литовских грошей). Характерно, что при утере долговой записи феодалы ограничивались представлением «достойных свидетелей» и личной присягой, после чего им разрешалось приступать к взысканию долга. В то же время для мещан в аналогичных ситуациях требовалось представлять в обязательном порядке письменное свидетельство. В артикуле 26 (разд. VII) подчеркивалось, что мещане «окром записанья до книг або церокграфов, долгов некоторых доходити не могут»²⁸.

Обосновавшаяся в городах шляхта укрепляла свое имущественное положение путем насильственного за-

хвата и покупки городских земель, приобретения у мещан домов и хозяйственных построек. Сеймовым постановлением (1550) городским магистратам предписывалось не препятствовать шляхте в приобретении недвижимости у мещан: «Абы шляхта... обеще меть могла, позволяем им того, абы им волно было в мещан пляцы, дома, шпихлеры куповать, и то абы им запрещено не было, одно лишь, абы юрисдикции местской не запрещали, и вси повинности и обовязки местские з оных пляцов и домов подеймовали»²⁹. Несмотря на то что выгоды от этого постановления получали феодалы, в нем имелись также определенные оговорки и в пользу мещанских общин. Это прежде всего указание о том, что подданные феодалов, проживавшие на территории города, должны принимать участие в выполнении общегородских повинностей вместе со всеми мещанами. Таким образом подтверждались законодательные акты, принятые по этому вопросу еще в начале XVI в. (распоряжения великого князя литовского Александра от 1500 г. и Сигизмунда I от 1510 г.)³⁰.

Во II Литовском статуте юридически оформились судебно-правовые отношения между мещанами и господствующим классом. Феодалное право предусматривало, что во всех тяжбах мещан со шляхтой по делам уголовного и гражданского характера сословные мещанские суды отстранялись от рассмотрения дел подобного рода. Так, в артикуле 27 (разд. III) указывалось, что исками мещан по уголовным делам должны заниматься только земские суды: «А мещане... шляхту судити мають о раны о головщизны их шляхецские земским правом»³¹. Порядок проведения судебных разбирательств по гражданским делам определялся в артикулах 46 (разд. IV) («О мещанах и о людех наших и кривдах их от шляхты») и 47 (разд. IV) («О мещанех права майдебурского»). Как и уголовные, все эти дела подлежали ведению земского суда. Устанавливались лишь отдельные различия в процедуре возбуждения судебного иска для мещан непривилегированных городов (без магдебургского права) и мещан, на которых распространялись нормы магдебургского права. В первом случае для привлечения шляхтича к судебной ответственности мещанам необходимо было обратиться «о учыненье справедливости» к местной великокняжеской администрации («воеводе старостове и державцы»), которые передавали

иск на рассмотрение земского поветового суда. В то же время мещане, которые проживали в городах с магдебургским правом, могли лично предъявить иск земскому суду³².

Острые классовые противоречия между трудящимся населением городов и господствующим классом отразились в Литовском статуте 1529 г. Согласно его статьям, устанавливались жесткие меры наказания для простых мещан, которые осмеливались нападать на шляхтичей: «А коли... мещанин шляхтича собьет а рукою на него сягнет, а скривавить его, а он бы то на него правом перевел, тогда иным ничим не маеть быти каран, толко руки втяьем». Лишь для представителей городского самоуправления такое наказание заменялось денежным штрафом. Наказания за подобного рода проступки предусматривались и в статьях Литовского статута 1566 г. (артикул 15, разд. XI)³³.

Феодальное законодательство регулировало ряд других вопросов, связанных с жизнью городского сословия. В частности, на ремесленников, которые не подлежали юрисдикции городского самоуправления, распространялся артикул 3 (разд. IV) II Литовского статута о выкупе за убийство (головщизна). Законодательно определялись также права наследования мещанами имущества: «Яко княжата и панове хоругвные, шляхта... Великого князьства Литовского поседають и на пожитки свои оборочають»³⁴. Уравнение мещанства в наследственных правах с представителями господствующего класса свидетельствовало о возросшей роли его во всех сферах жизни феодального общества.

Таким образом, правовые нормы феодального государства оказывали определенное влияние на социально-экономическую и административно-правовую жизнь городов. В этой связи несостоятельным является утверждение буржуазного историка М. Владимирского-Буданова о том, что с предоставлением отдельных привилегий, в частности магдебургского права, город совершенно изымался из сферы действия общих государственных законов, а дальнейшее развитие правовых норм внутри города предоставлялось ему самому³⁵.

В феодальном обществе правовые нормы, регулировавшие некоторые аспекты отношений между мещанством и феодальными владельцами, не всегда осуществлялись на практике. Например, в 1566 г. один

из шляхтичей Владимирского повета, который потерял долговую запись — «цешку», потребовал удовлетворения от стригальщика из города Владимира Матыса. При этом была соблюдена формальная процедура, предусмотренная в таких случаях Литовским Статутом. Тем не менее исход этого дела несколько не устроил шляхтича, поскольку все его клятвы и просьбы о возврате долга не произвели на ремесленника никакого впечатления ³⁶.

Таким образом, практическое применение государственных правовых норм в отношении городов и мещанского сословия осуществлялось посредством издания великокняжеских жалованных грамот, принятия сеймовых постановлений, судебных решений, а также через законодательные нормы, закрепленные в кодексах феодального права, которые действовали в Великом княжестве Литовском, — I и II Литовских статутах.

2. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ГОРОДОВ НА ОБЫЧНОМ ПРАВЕ. ФЕОДАЛЬНЫЕ ЮРИДИКИ

Исходным моментом административного устройства феодальных городов Украины на обычном праве послужили традиции городского устройства и права периода Древнерусского государства. Так, накануне предоставления Киеву магдебургского права (1494—1497) в городе существовало самоуправление, которое основывалось на обычном праве, ушедшем своими корнями в древнерусское время. Источники называют войтов, опиравшихся в своей деятельности на «слуг местных». В компетенцию городского самоуправления входил широкий круг административно-хозяйственных, а также судебных вопросов. В частности, великокняжескими грамотами ему вменялось в обязанность принимать крымских и литовских послов. Выполнение этой повинности осуществлялось на основе традиции — «своими обычайми». Войты контролировали также исполнение мещанами ряда других повинностей. Городское самоуправление располагало определенными судебными полномочиями, о чем свидетельствовало наличие вверенной ему тюрьмы («а нятцов им никаких не стеречи») ³⁷.

При сопоставлении действовавших в Киеве правовых норм (конец XV в.) и «Русской Правды» прослеживается их генетическая взаимосвязь. Так, положе-

ние о правоспособности несвободных людей гласило: «А холопу и робе не верити, а ни на светочество их не пущати; а ни суда с невольным не надобе»³⁸. По древнерусскому кодексу законов, холопы лишались права быть свидетелями на суде: «А послоушество на холопа не вскладают... тяжи вси соудять с послухи с свободными; будет ли послух холоп, то на правду холопоу не вылазити». Одновременно древнерусское право запрещало для холопов суд и судебное возмещение: «Оже боудеть холопы тати, любо княжи, любо боярьскыи, любо черньцевы, их же князь продажею не казнить, занеже соуть несводни, то двоичи платити к исцу за обиду... А в холопе и в робе виры нету»³⁹. В конце XV в. порядок наследования горожанами имущества также был тесно связан с правовыми традициями древнерусского времени. В великокняжеской уставной грамоте киевским мещанам от 1494 г. он формулируется следующим образом: «А которого мещанина зберет бог з сего света, а останется жона, а любо дети, а любо братья, а любо ближнии: ино тое именье на ближнего спадет, а по души им вольно дати и записати к церкви свое властное». Это положение является текстологически близким и логически взаимосвязанным с соответствующими статьями «Русской Правды»⁴⁰.

Согласно жалованной грамоте великого князя литовского Александра Виннице (конец XV — начало XVI в.), мещанам предоставлялось право свободного избрания войта. В состав самоуправления входило еще несколько человек. Как вытекает из материалов судебной тяжбы между винницкими мещанами и местным старостой Богушем Корецким (1560), на великокняжеский суд в Вильно поехали четверо мещан, в том числе Антон Гарасименко, которому и раньше войт поручал в свое отсутствие «от себе заведати» войтовством. Перед отъездом в столицу Великого княжества Литовского самоуправление приняло решение о взимании с мещан денег для покрытия дорожных издержек. Самоуправление в Виннице выражало интересы наиболее богатых мещан⁴¹.

Самоуправление на обычном праве существовало и в других великокняжеских городах. Так, во главе мещан Белой Церкви стоял войт (1569). В середине XVI в. мещанскую общину Черкасс представляли перед государственными ревизорами «старшыи черкасцы» Иван Савинич, Иван Налистен, Денис Налистен,

Семен Кокис; в Каневе «тубыльцы старые» — войт Яков Павлович, Емельян Жос, Никита Сенькевич, Левко Бобровник; в Чернобыле «тубыльцы старшие» — войт Иван, Андрей Миткович, Созон Зубар, Кузьма Королевич, Богдан Моитсохович ⁴².

В административном устройстве частновладельческих городов на обычном праве чаще всего выделялись замковая администрация (наместник, урядник, тивун), ведавшая в основном делами замка и приписанный к нему деревень, и войтовство, решавшее административно-правовые вопросы мещанской общины.

Наместники, урядники и тивуны являлись главными доверенными лицами феодального владельца в городе. Чаще всего эти посты занимали мелкие шляхтичи. Так, в 1565 г. наместником княгини Беаты Острожской в Полонном и Сатиеве служил шляхтич Себастьян Туровский. Он лично связывался с поветовыми властями по поводу различных судебных исков, вопросов хозяйственной деятельности своего феодала, ездил по торговым делам за границу ⁴³. В начале 60-х годов XVI в. урядником в Сатиеве был Криштоф Дембинский, которому, в частности, подчинялись замковые слуги, а также вооруженные отряды жителей местечка. В мае 1562 г. Дембинский во главе нескольких десятков «служебников», бояр и мещан Сатиева при поддержке войта местечка Жарнов напал на имение шляхтича Мышки-Варковского. В 1569 г. занимавший важную должность в Сатиевском замке — тивун Петрик — вынудил сатиевских, жарновских и олибовских мещан и крестьян принять участие в вооруженном нападении на имение этого же шляхтича — село Варковичи ⁴⁴.

Феодальные владельцы других городов и местечек также реализовывали свои корыстные, узкоклассовые цели при помощи урядников. В 1556 г. урядник местечка Тучин Стас Розовский организовал нападение на с. Утены, принадлежавшее шляхтичу Лаврину Якубовичу. В результате Якубович лишился 70 волов, 3 коней «валахов», 5 кобыл и жеребца ⁴⁵. Не отставали от Стаса Розовского по части грабежей и остальные урядники волыньских местечек. Так, в 1563 г. по распоряжению князя Ярослава Сангушковича урядник г. Несухоежи Станислав Хмель «з слугами, з бояры и с поддаными... людми зо всее волости Несухоежской и Турийской» численностью свыше 800 человек ограбил жителей местечка Мельница. В ноябре 1564 г.

княгиня Николаева Збаражская приказала своему уряднику из Локачей Федору Закревскому повести вооруженных бояр и мещан на грабеж с. Конюское Защитово, принадлежавшего князю Александру Сангушковичу ⁴⁶.

Урядники отвечали за состояние оборонительных сооружений замка, что имело немаловажное значение в условиях непрекращавшихся распрей и междоусобиц феодалов. Руководствуясь интересами своего господина, урядники возбуждали судебные дела против лиц, причинявших ущерб их имениям. Так, в 1561 г. урядник местечка Крупа Богдан Иванковский опротестовал в луцком замке действия острожского урядника княгини Беаты Острожской, напавшего на местечко с отрядом острожских бояр, татар, слуг и других «помочников» и разграбившего при этом дом местного арендатора, гостинный двор. В 1561 г. урядник местечка Жуков подал жалобу луцкому подстаросте на феодала, подданные которого ограбили жуковско-го мещанина Себастьяна ⁴⁷.

Основная административная и судебная власть над мещанами частновладельческих городов и местечек сосредоточивалась преимущественно в руках войтов. В исследуемый период войты были также в селах. Так, наряду со «старцами» и «мужами» войты возглавляли крестьянские общины в селах Пляшевка Средняя, Пляшевка Малая, Завидов, Козятин Луцкого повета ⁴⁸.

Разграничение компетенций войта и урядника в частновладельческих городах в основном выдерживалось. При этом войт в определенной степени зависел от урядника. Например, шляхтянка Федора Богдановая в 1565 г. распорядилась, чтобы урядник местечка Жуков произвел судебное разбирательство, касавшееся жуковского войта: «...зложить рок праву» ⁴⁹.

Заведуя «справы меские межи мещаны», войты располагали довольно широкими административными и судебными полномочиями. Показательными в этом отношении были действия войта Рожищ (Луцкий повет) Станислава Янковского при решении вопроса о судьбе поселившихся в местечке беглых крестьян (1565). Когда бывший владелец крестьян потребовал вернуть беглецов, войт ответил решительным отказом. Он приказал мещанам вооружиться и изгнать из Рожищ слуг феодала, прибывших за крестьянами ⁵⁰.

С жалобами на шляхтичей о притеснениях торгово-ремесленного населения городов и местечек войты обращались в местные поветовые судебные инстанции (городские и земские суды). В июне 1564 г. войт местечка Радивиллов Кременецкого повета внес в книги луцкого замка жалобу на шляхтича Федора Рудецкого, по приказу которого был избит и ограблен радивилловский мещанин Андрюшка, потерявший при этом 20 коп литовских грошей и др. В жалобе указывалось на незаконное взимание шляхтичем пошлин с мещан в с. Рудка. В августе того же года радивилловский войт возбудил судебное дело против шляхтича Олехна Белостоцкого, с ведома которого были ограблены купцы-прасолы из Радивиллова ⁵¹.

Нередко войты выступали доверенными лицами феодалов при проведении различных хозяйственных работ. Так, степанский войт Грин являлся шафарем на поташной буде, финансирование которой осуществлялось феодальным владельцем г. Степани князем Константином Острожским (1569) ⁵².

Административному устройству некоторых городов как на обычном, так и на магдебургском праве был присущ еще один элемент — так называемые юридики, т. е. городские территории с проживающими на них жителями, которые в административном и правовом отношении полностью или частично контролировались феодальными владельцами. Исследуя структуру и социально-экономическую природу феодальных юридик, историк Я. Д. Исаевич обратил внимание на то, что отдельные юридики, имевшие внутреннее самоуправление, находились под юрисдикцией различных феодальных сеньоров и старостинской (замковой) администрации. В целом феодальные юридики укрепляли позиции феодалов в городах, что, в свою очередь, негативным образом сказывалось на сословных интересах мещанства ⁵³.

В городах украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, возникновение юридик происходило двумя основными путями. Во-первых, в результате раздела частновладельческих городских поселений между несколькими феодалами, когда каждая из частей поселения, находившаяся в руках того или иного владельца, получала особый юридический статус и административное управление. Во-вторых, вследствие административного и правового обособления подданных феодалов, проживавших на за-

хваченных или купленных феодальными владельцами городских земель (в великокняжеских городах).

В частновладельческих городах население юридик целиком находилось во власти феодала. Управление мещанами, проживавшими на территории юридики, осуществлялось от его имени особыми должностными лицами — войтами и тивунами. Например, в 60-х годах XVI в. жителями местечка Любче, разделенного на четыре части между отдельными феодалами, управляли соответственно четыре войта и тивуна⁵⁴. Юридики разъединяли мещан не только в смысле их административно-правового статуса, но и экономически. Так, в начале XVI в. Степань была разделена на три части, две из которых принадлежали князю Константину Острожскому. Причем в каждой из частей города проводились отдельные ярмарки. В 1511 г. другой владелец Степани, в руках которого находилась третья часть города, также выхлопотал у великокняжеской власти право на ярмарку. В жалованной грамоте Сигизмунда I регулировались отношения между феодальными владельцами по поводу учреждавшейся ярмарки: «Ино мы дозволили ему в Степани в его третьей части на светого Петра день так добровольне, как князь Костентин свои два ярмарки маеть; а не маеть князь Костентин в тот его ярмарок ни в чом вступатися»⁵⁵.

В середине XVI в. 37 феодалов в Луцке и более 20 — во Владимире имели на городской территории юридики. Отдельные феодальные юридики были довольно внушительными по своим размерам. Один лишь владимирский староста имел более 60 подданных, в том числе 15 ремесленников, которые «за него старосту заложившиеся жадных платов и подачек меских и подвод давати в паркану робити не хотят». По жалобе мещан староста Владимира вынужден был уступить часть своих ремесленников подчинению и юрисдикции городского самоуправления. Однако большинство подданных, проживавших в юридике, продолжали находиться под его контролем⁵⁶.

Наличие в городах юридик негативно сказывалось на развитии городской экономики, поскольку, с одной стороны, все бремя повинностей и налогов ложилось на мещан магистратской и старостинской юрисдикции, с другой — конкуренция со стороны торгово-ремесленного населения юридик наносила чувствительный ущерб экономическим интересам большинства

городских жителей. Так, проживавшие в предместье Луцка подданные князя Матвея Четвертинского, пользуясь покровительством своего феодала, причиняли городу большие убытки: «...Которыи люди его на предместьи Яровици мешкают и всякийи живности там перекупают и до места не допускают и перекупивши которыи кольвек речи за двою цену в месте продают и воском и кожами торгуют и склады там держат, которыи дей люди его ку великой шкоде и переказе месту господарскому суть». Кроме того, князь А. Чарторыйский устраивал для своих подданных торги каждый вечер накануне городских. Мещане жаловались в этой связи, что их торговля приходит от этого в упадок: «Хто дей колвек што привезет, то мает там продати, а мы толко мита и восковничое и солничое невинне платим и инши повинности тягнем». Не меньший ущерб мещанам приносили и другие феодальные юридики. Так, в луцком предместье проживало 25 подданных шляхтянки Дахновой, которые «корчмы и ятки и торги... мают ку великой шкоде и переказе места господарского»⁵⁷.

В 1545 г. феодальные владельцы Брацлава, имевшие в городе подданных, требовали от великокняжеских люстраторов перевести их людей на особый юридический статус. Исходя из того что «таковий обычай везде по иншим местам господарским заховивается», князь предоставил им типичный устав административно-правового управления частновладельческими подданными на территории великокняжеских городов. Согласно ему, феодалы могли «над людми своими особливого войта своего мети, который мает всими людми их земянскими справовати, и колы потреба вкажет, з людей их, которое роботы або стацей и подвод мети, водле их повинности. То гди войт господарский мает оного войта их обослати а в той речи дать знати, а тот войт их повинен будет в тых потребах людеи их розказати и владность над ними мети. А войт господарский через то вже людми их земянскими не мает справовати, и жадного розказаня над ними мети»⁵⁸.

Как правило, феодальные владельцы назначали особых должностных лиц для управления подданными юридик. Так, во Владимире подданными юридик, принадлежавших светским и духовным феодалам, управляли «слуги и войты». В 1569 г. они отвергли требование городского самоуправления о привлечении

частновладельческих подданных к выполнению городских повинностей: «...ино тые слуги и войты... отказали же ач кольвек поспол з мещанами места вживасм торгом и ремеслом обиходим, але яко перво некоторых платов и податков господарских и пенезей подводных з местом есмо не давали так тепер давати не хочем ани будем»⁵⁹.

Распространенными в городах были также юридики духовных феодалов. Например, костел в Луцке владел десятью домами, «которые суть под присудом и владностью всее капитулы». Когда городское самоуправление в принудительном порядке собрало с костельных мещан серебщизну, чины католического костела опротестовали такие действия, мотивируя это тем, что давать налоги «тые подданные костельные им неповинни толко его милости князю бискупу луцкому» (1569)⁶⁰. Немало подданных, проживавших в городе на особом юридическом статусе, имели богатые киевские монастыри. В 1506 г. киевские мещане жаловались на феодалов, в том числе духовных, подданные которых «служоб местских с ними посполу не служат, и поплатков не платят, и кликовщины городовой не дают, и в поли сторожи не стерегут, и мосту городского не мостят, и ставка под городом не сыплют, и острогу не острожат». К началу 70-х годов XVI в. количество монастырских подданных в Киеве достигло нескольких сот человек⁶¹.

В некоторых городах Волыни (Владимир, Ковель, Луцк, Кременец) существовали еврейские общины. Еврейское население объединялось в особые судебно-административные единицы — «зборы», которыми управляли «старшие» еврей, «школьники», «ребей». Внутри еврейских общин судопроизводство производилось по законам иудейской религии: «...ведле их закону»⁶². Если одна из участвующих в судебной тяжбе сторон не входила в еврейскую общину, то дело рассматривалось шляхетскими судебными учреждениями согласно земскому праву (Литовскому статуту). Так, судебное разбирательство «о шкодах кгвалтовных» между ковельским евреем Ицком Шмойловичем и князем Юрием Вороновицким производилось несколько раз на «рочках земских луцких»⁶³.

Магдебургские суды отстранялись от рассмотрения судебных дел, касавшихся еврейского населения. В сентябре 1564 г. несухоежский еврей Шмарко обратился к луцкому войту с жалобой на мещанина Пар-

фена. Суд по этому делу был назначен на третий день после подачи жалобы. Однако судебное заседание не состоялось из-за того, что Шмарко требовал судопроизводства по земскому праву, а Парфен отстаивал свое право судиться по магдебургскому праву: «...хотелся бы водле майдеборского у справедливости и у вотказе быти»⁶⁴. Несмотря на то что еврейское население не подлежало юрисдикции самоуправления по магдебургскому праву, магистратские урядники нередко употребляли свою власть по отношению к евреям. Так, когда батрачка луцкого еврея Гошковица, не выдержав его издевательств, бежала «до вряду меского», лентвойт приказал бросить Гошковица в тюрьму (1564). В 1566 г. луцкий лентвойт, бурмистр и радцы отказали замковой администрации в выдаче совершившего убийство еврея Шмойла Гошвица и судили его по магдебургскому праву⁶⁵.

Таким образом, мещанская община тех городов и местечек, которые не имели магдебургского права, в том числе и частновладельческих, обладала определенной административно-правовой автономией. Наряду с урядниками, воеводской и старостинской администрациями, представлявшими в городе интересы феодального владельца и государственной власти, существовало сословное мещанское управление в виде войтовств. Основой его деятельности являлись нормы обычного права, генетически связанные с правовыми традициями древнерусского периода. Стремление феодальных владельцев увеличить доходы за счет городской экономики привело к возрастанию числа феодальных юриков в ряде городов и местечек, что отрицательно сказывалось на их экономике, разобщило мещанские общины.

3. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА МАГДЕБУРГСКОМ ПРАВЕ

Распространение магдебургского права в феодальных городах Украины в конце XV — 60-х годах XVI в. имело свою предысторию. В XIII в. в некоторых городах Галицко-Волынской Руси существовали отдельные юрисдикции, которые основывались на нормах магдебургского права (колонии немецких поселенцев во Львове, Владимире и Луцке). Некоторые сведения о существовании тогда практики применения магдебургских норм содержатся в грамоте князя Льва Да-

ниловича некоему Иоанну на войтовство (конец XIV в.). В частности, в ней называлась сумма, за которую уступалось войтовство: «...двигривны золота и чотыредесяти постав сукна желтого рекше шидьных», а также каменная церковь. Определялись круг судебных полномочий войта («а мистичи никто не имеет судити токмо войт по немичьскому праву») и порядок возбуждения иска против самого войта: «Никто самого не имеет звати на суд лише пред князя, а оный князь самого имеет судити с войтами по войтовскому праву»⁶⁶.

В Великом княжестве Литовском образцом городского устройства, базировавшегося на магдебургском праве, служили преимущественно города феодальной Польши, которые, в свою очередь, позаимствовали его у немецких городов. В Польском королевстве существовало несколько видоизмененных вариантов так называемого немецкого права, в том числе кульминское (*jus culmense*), или хелминское, и шредское (*neumarkt*). Хотя все варианты этого права имели общие корни, однако со временем между ними возникли определенные различия. Например, хелминское право являлось городским и земским правом, в то время как магдебургское право распространялось на города и прилегающие к ним округа. Магдебургское право в Великом княжестве Литовском под влиянием местных условий приобрело ряд специфических черт. Так, в отличие от Чехии, Польши и Венгрии, в Великом княжестве Литовском организация *jure theutonico* охватывала исключительно города, получившие соответствующие привилегии⁶⁷.

Жалованные грамоты на магдебургское право провозглашали три принципа: отмену действовавших прежде обычаев, литовского, русского права, отмену власти и суда над мещанами державцев, наместников, воевод и всех других чинов великокняжеской администрации на местах; учреждение самоуправления (рады), избираемого горожанами. При этом великокняжеский суд сохранял за собой право разбора дел мещан лишь в качестве апелляционной инстанции на решения городского суда⁶⁸. Таким образом, городским общинам предоставлялся определенный иммунитет в сфере управления и суда.

В конце XV — 60 годах XVI в. ряд городов и местечек украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, пользовались магдебург-

ским правом. Так, в течение XV — 60-х годов XVI в. магдебургские привилегии получили такие населенные пункты, как Владимир (конец XV в.), Киев (1494—1497), Луцк (1432, повторно — 1497), Дубно (1498), Ровно (конец XV в.), Левков (1503), Перемиль (конец XV в.), Квасов (1513), Дорогобуж (1514), Белев (1516), Кузьмин (1517), Ковель (1518), Острожец (1528), Кременец (1442, повторно — 1536), Торчин (1540), Берестечко (1547), Выжва (1548), Константинов (1561), Полищенцы (1561), Брацлав (1564), Олыка (1564) ⁶⁹.

Предоставление городу привилегии на магдебургское право в первую очередь предполагало учреждение сословного суда по уголовным делам. Согласно саксонскому «Вейхбильду», этот суд состоял из присяжных (шефенов), избираемых на пожизненный срок, и председателя (фогта), который также избирался, однако находился в этой должности только один год. В пользу фогта отчислялась треть доходов от судебных пошлин и штрафов. Присяжным предписывалось внимательно выслушивать показания сторон и, вникнув в суть дела, представлять решение на рассмотрение фогта ⁷⁰.

В городах Украины наблюдался заметный отход от этой схемы. В частности, председатель уголовного суда (войт) назначался, как правило, государственной властью или феодальным владельцем города. В отличие от западноевропейских городов, на Украине войтовства феодализировались. Так, в середине XV в. кременецкому войтовству принадлежали два села — Подлесцы и Денятин «со всими пожитки, и з мыты, и ставы, и ставищи, и з полями, и з пашнями, и з сеножатями, и з лесы, и з дубровами». В подтвердительной великокняжеской грамоте Федору Лудовичу на войтовство во Владимире и Литовеже (конец XV в.) также заметное место отводилось доходным статьям от ведения феодального хозяйства. Войты Луцка в середине XVI в. имели фольварки с зависимыми крестьянами в селах Красносельское и Заборовль, им же принадлежало с. Омеляник, расположенное в Луцком повете ⁷¹.

Войты получали большие доходы не только с феодальных имений, но и за счет взимания пошлин и поборов с торгово-ремесленного населения городов. В 1511 г. бурмистры и радцы Луцка подали жалобу в великокняжеский суд на войта Яна Сикгнатора, допускавшего разные злоупотребления служебным по-

ложением и захватившего большинство городских доходов. Суд поддержал войта. В его решении, в частности, указывалось: «...мещаном естли то видиться кривда, ино им вольно, хто въсхочеть, опустившы право немецкое, добровольно нехай входить з немецкого права в право городовое, под присуд старостин»⁷². Владимирскому войту также было предоставлено право взимать различные поборы с торгово-ремесленного населения города: «...з шевцов володимерских с каждого человека в каждый год по пяти грошей, а с пекаров по три грошей и з яток по чотыри гроши... а от резников от каждого, которые быдло бьют, на замок две плечи, а ему третее плечо так воловое, яловичовое, яко баранье, козье и иншого быдляти»⁷³.

Войт Владимира, как и другие войты украинских городов с магдебургским правом, пользовался широкими иммунитетными правами и привилегиями. В частности, он не подлежал никакому суду, за исключением суда великого князя. В жалованной грамоте Сигизмунда Августа на владимирское войтовство (1566) эти права были сформулированы так: «Его самого (войта.— П. С.) и потомков его, которые войтами будут... от всякого права и суду землянского, кгородского и иного всякого вызволяем... але гдєбы кому з уряду свого войтовского што вчинил, тогды ни перед кого иного одно перед нас, господаря, позыван и через нас сужон быти маєт... Также его и потомство его вызволяем и волними чиним от всяких платов, податков, цыншов и иных всяких повинностей, надто мы, господар, его самого и потомство его... от войны вечными часы волними чиним». Свою должность войт передавал по наследству⁷⁴. Некоторые привилегии войтов имели характер баналитетных прав. Так, кременецким мещанам предписывалось молоть зерно только на тех мельницах, которые принадлежали местному войту⁷⁵.

Согласно нормам магдебургского права, рассмотрение войтовско-лавничьей коллегией судебных исков, в зависимости от их значения и обстоятельств, при которых было совершено преступление, производилось тремя специальными судами. Самой главной судебной инстанцией являлся высший буркграфский суд, который длился две недели и заседал три раза в течение года. На его заседаниях рассматривались, главным образом, судебные дела о грабежах на дорогах, нападениях на дом, «гвалтах панянских», нанесении тяжелых ран и увечий. Буркграфский суд, кроме собствен-

но уголовных дел, рассматривал иски по долгам. Во время его заседаний производились записи в судебные книги о продаже недвижимого имущества, оформлялись другие сделки подобного рода. Порядок работы суда устанавливался следующим образом: буркграф производил формальную церемонию открытия суда, затем приступал к выполнению обязанностей председателя войт. Решения буркграфского суда считались окончательными и немедленно приводились в исполнение. Второй вид суда — «выложенный» — также длился по две недели и заседал три раза в году. Время его заседаний устанавливалось заранее. Круг вопросов, подлежащих ведению этого суда, сводился преимущественно к рассмотрению дел о наследстве, спорах о движимом и недвижимом имуществе, долговых соглашениях и др. Председательствовал на этом суде войт. Последний вид суда — «поточный» (текущий) — созывался по мере необходимости, в промежутках между буркграфским судом и судом выложенным. Он рассматривал те же дела, что и суд выложенный ⁷⁶.

Основными видами судов по магдебургскому праву, применявшимся в городах Украины, были поточный и выложенный. Поточный суд, как правило, собирался на третий день после подачи истцом жалобы. Порядок работы этого суда можно проиллюстрировать на примере заседания городского самоуправления Луцка, рассматривавшего судебное дело в феврале 1566 г. Суд заседал в составе лентвойта, четырех бурмистров и радцев, нескольких лавников. Рассматривалось дело о наследстве. Истец — войт из Кодни Матвей Скерковский — выступил с обвинительной речью против луцкого золотаря Яна, незаконно присвоившего наследство его родственника («отобрали всей маетности его, то есть домовых шат, серебра, грошей готовых, цыну, меди и иных рухомых речей»). Ответчик через своего защитника — «прокуратора» — попросил суд отложить дело до суда выложенного («за две недели»). Матвей Скерковский сразу же опротестовал такую просьбу, как противоречившую нормам магдебургского права: «...иже дей то не есть реч слушная ани того право маитборское не несет, абы гостеви приержчому право далее третего дня откладати». Однако после совещания судьи объявили решение, согласно которому дальнейшее рассмотрение дела откладывалось до суда выложенного ⁷⁷.

Поточные суды рассматривали также иски феодалов к мещанам. Так, в сентябре 1564 г. шляхтич Фарлей Некрашевич-Бережецкий подал жалобу по поводу потери куска дорогой ткани на луцкого мещанина Занка и его жену. Лентвойт пообещал ему «на... третий день право зложить». Придя в суд в назначенное время со свидетелями «з людьми добрыми, из светки своими», шляхтич начал излагать свою жалобу. Однако лентвойт, не обращая внимания на шляхтича и его свидетелей, допросил Занка, затем привел к присяге его жену и заслушал ее показания. Вынесенный судебный приговор освобождал мещан от всяких обвинений⁷⁸. Городские суды, действовавшие по магдебургскому праву, и в других случаях игнорировали предписания Литовского статута относительно порядка рассмотрения судебных тяжб между феодалами и мещанами.

На судах выложенных, которые длились по две недели, улаживались имущественные споры, рассматривались различные гражданские и судебные дела, решались наиболее важные экономические вопросы, касавшиеся всего населения города. Так, согласно действовавшим во Владимире правилам организации выложенных судов: «...завжды в двох неделях для судов и иных справ местских або припадков повинен войт право гайне осаживати». В выложенные суды нередко обращались феодалы, требуя возврата бежавших в город крестьян⁷⁹.

Городское самоуправление избиралось ежегодно в заранее назначенный день всеми жителями, подлежащими магдебургскому праву. Однако в статьях магдебургского права не указывался порядок прохождения выборов. Детально оговаривалось лишь то, кого можно избирать в состав рады, а также сроки полномочий членов городского самоуправления. Для членов городского самоуправления устанавливался возрастной ценз — от 25 до 90 лет. Обязательным условием для лиц, избираемых в раду, являлось владение недвижимым имуществом в городе — «оседлость». Представления средневекового горожанина о справедливости отражены в требованиях, предъявляемых к кандидатам в городское самоуправление. Прежде всего они должны быть «не богатые и не убогие, но среднего достатка, поскольку богачи постоянно попольство тиранят и изводят; убогие же не приносят никакой пользы... должны быть законнорожденными,

дома всегда жить, доброго имени, богобоязненными, справедливыми и правдивыми... Не разглашать городские тайны, быть твердыми в словах и делах, чуждаться алчности»⁸⁰. Однако эти предписания оставались в основном лишь пожеланиями. К власти преимущественно приходили богатые мещане, угнетавшие городские низы.

Согласно сборнику магдебургского права — саксонскому «Вейхбильду», ратманы (радцы, радники) избирались сроком на год. Коллегия радцев избирала затем председателя — бурмистра (одного или двух)⁸¹. Ему отводилась важная роль в самоуправлении.

Постулат магдебургского права о годичном сроке полномочий рады в украинских городах строго не выдерживался. Так, в 1566 г. мещане Владимира жаловались на бурмистров и радцев, которые «от пяти и от десети лет в раде местской сядят»⁸². Представление о порядке выборов городского самоуправления по магдебургскому праву дает процедура избрания бурмистров и радцев, существовавшая в Ковеле. Прежде всего устанавливалось время выборов — ежегодно «в понеделок найблыжчий по новим лете». Собравшись на сходку, мещане избирали среди себя восемь кандидатов: «...людей статечных, хотливых, в речах беглых и учоных на уряд бурмистровский и радецкий». Избранные кандидатуры представлялись затем на утверждение местному старосте, который утверждал в должности лишь четырех, а также назначал из их числа бурмистра. Срок полномочий бурмистра устанавливался в один месяц, затем бурмистрами становились остальные радцы (до истечения времени правления данного состава рады)⁸³.

Магдебургское право предоставляло раде широкие административные полномочия. Согласно статьям 42—44 саксонского «Вейхбильда», судебная компетенция ратманов (радцев) находилась в тех пределах, как и шеффенов (присяжных). Прежде всего рада рассматривала вопросы «о всевозможных мерах, о неверном весе, о всяких продажах, о недоиспеченном хлебе и проданном плохом мясе и о всяких неправильных весах и о разных торговцах, не нарушают ли они какие-либо правила, которые установлены в городе для торговли... Кто эти правила... нарушает, того бурмистры присуждают к телесным наказаниям или к 36 шиллингам выкупа, если право на поручительство он утратил»⁸⁴.

Отсюда видно, что магдебургское право называет прерогативой рады прежде всего судебные функции по рассмотрению гражданских дел. Однако на Украине компетенция рады была значительно шире. Наиболее важным направлением деятельности городского самоуправления являлось решение им различных вопросов экономической жизни феодального города. Рада занималась разверстыванием податей (серебщизна, поконеvщина, поголовный плат, померное, мостовое и др.), распределением повинностей среди мещан (подводная повинность, работы по починке мостов, крепостных сооружений, патрульно-полицейская служба), а также контролировала их выполнение. От бремени поборов и повинностей прежде всего страдали неимущие мещане. Собранные с мещан деньги нередко шли в карман членам городского самоуправления⁸⁵.

Бурмистры и радцы прилагали большие усилия, чтобы привлечь к выполнению податей и повинностей мещан, проживавших в юридиках. Так, в январе 1569 г. самоуправление Владимира поставило вопрос перед замковой администрацией о принятии соответствующих мер против подданных «князей, панов духовных и светских, землянские, плебанские и поповские, которые в том месте господарском Володимерском мешкают, торгу, ремесла и всяких волностей меских уживают и пожиток себе з места мают и привлащают, а с того они никоторое повинности з местом не полнят и на податки, которые до скарбу господарского належат... з ними нескладаются. И так подвод, так и пенезей подводных до скарбу господарского не дают»⁸⁶.

Городская рада прибегала к различным мерам принуждения к подданным феодалов, уклонявшимся от выполнения общегородских повинностей. В марте 1569 г. городское самоуправление Луцка силой взыскало с подданных луцкого костела (проживавших в десяти домах) деньги в счет общегосударственного побора «серебщизна». Кроме того, бурмистр и радцы запретили костельным подданным заниматься пивоварением⁸⁸.

В украинских городах рада следила за соблюдением правил аренды промысловых заведений, организовывала работу принадлежавших ей броварен, солодовен, воскобоен и других промыслов. В ведении городского самоуправления находились участки городской территории — «плацы», ей подчинялись ре-

месленные цехи. Как правило, городское самоуправление санкционировало акты купли-продажи недвижимости в городской черте, выдавало различные доверенности мещанам при совершении торговых сделок⁸⁹.

В городах Украины произошло смешение функций войтовско-лавничьего суда и рады. Утвердился также особый правовой статус войта, позволявший председателю коллегии лавников возвышаться над магдебургским самоуправлением. При этом реальное содержание всей власти самоуправления, в том числе и соотношение судебной и административной компетенции войтовско-лавничьей коллегии и рады, определялось прежде всего факторами социально-экономического развития городов в период зрелого феодализма.

По сравнению с войтом-феодалом рада в большей степени отвечала интересам мещан. Поэтому активные выступления жителей украинских городов в защиту своих сословных интересов, характерные, к стати, и для древнерусского города, нередко приводили к возрастанию роли рады и расширению границ ее власти. Это происходило в тех великокняжеских городах, которые, с одной стороны, являлись значительными экономическими и административными центрами, с другой — не имели права свободного избрания войта (Владимир, Ковель, Кременец и Луцк). Так, в середине 40-х годов XVI в. луцкий войт вообще был отстранен от всех дел, хотя и продолжал пользоваться доходами войтовства. Высшая судебная власть над жителями города, подлежавшими магдебургскому праву, находилась в руках лентвойта (заместитель войта), которого избирали горожане⁹⁰. Позднее, в 60-х годах XVI в., новый войт Луцка предпринял попытку ограничить права рады, действуя при этом через лентвойта, ставшего к тому времени его «служебником». Однако рада, поддерживаемая большинством горожан, ответила решительным сопротивлением. В жалобе луцкого лентвойта на городскую раду (1566) указывалось, что «вже колко листов... пан Михайло Елович Малинский, до них (рады.— П. С.) присылають, абы они... пану моему, войту луцкому, и мне, служебнику его... послушенство чинили, а они, дейничого недбаючи на листы и росказане его... до сих часов... жадного повиноватства и некоторого послушенства чинити не хочуть»⁹¹. На требование лентвойта начать сбор поголовной подати с мещан бурмистр Юско Що-

ка Боголюбец ответил: «Иж дей мы вси мещане люцкие пана твоего пана Малинского и тебе самого и росказаня вашего слухати не хочем, я дей до тебе от всех мещан луцких отказую». Жители Луцка успешно продолжали борьбу с войтом и в дальнейшем, не допуская его к власти ⁹².

Все это свидетельствовало о том, что в середине XVI в. рада в Луцке фактически приобрела значение высшего судебно-административного органа власти для мещан, подлежащих юрисдикции городского самоуправления. Члены городской рады занимались рассмотрением уголовных дел. Так, в 1566 г. рада вместе с лентвойтом приговорили преступника к смертной казни через отсечение головы ⁹². В судебных заседаниях рады принимали участие и другие члены коллегии уголовного суда. При участии лавников и под председательством бурмистра состоялось заседание рады Луцка по делу шляхтича Федора Хомяка, учинившего в городе разбой (1569) ⁹³.

Во Владимире рада вместе с мещанами выступала против притеснений войта. Ни одного дела не имел права решать кременецкий войт без ведома рады и зажиточных горожан («зуполней намовы з райцами, иншими мещанами главнейшими»). Широкими были полномочия рады в Ковеле, где члены лавы приносили ей присягу. Действовавший в городе порядок апелляционных судов предусматривал раду в качестве первой апелляционной инстанции на решения лентвойтско-лавничьего суда ⁹⁴.

Трансформации норм магдебургского права в городах Украины способствовали традиции городского устройства и права периода Древнерусского государства. Как отметил В. Д. Отамановский, в исследуемый период в сельских и непривилегированных городских общинах Украины существовали копные (общинные) суды, восходящие своими корнями к древнерусскому времени ⁹⁵.

Традиции копных судов сохранились во Владимире, пользовавшемся магдебургским правом. Сходки владимирских мещан, по форме близкие к копным судам, известны в источниках как «громада». По наблюдению Н. Д. Иванишева, во второй половине XVI в. копные суды сельской общины на Украине выступают под терминами «вече», «купа», «копа», а также «громада» ⁹⁶. Эти суды рассматривали разного рода тяжбы, связанные преимущественно с хозяйственной дея-

тельностью непосредственных производителей. Ведению их подлежали также уголовные дела⁹⁷.

Несмотря на внешнее сходство громады Владимира и копы сельской общины, между ними имелись и существенные различия. Так, согласно традиции, на сельские копные сходы приходили все главы крестьянских хозяйств или же лица, выступавшие там от их имени («менил у себе быти сына», «брата у себе менил», «поведил у себе молодца»). В то же время во Владимире на сходку приходило чаще всего ограниченное число мещан, преимущественно зажиточных — «мещан посполитых о колко десят человек»⁹⁸.

Сходы громады во Владимире по форме приближались к копным судам. На них присутствовали представители местной старостинской администрации, которые вели протокол и являлись свидетелями. Как правило на сходке при выяснении обстоятельств того или иного дела выступали несколько человек. Зачастую они квалифицировали поступки обвиняемого согласно действовавшим в городе нормам права. Например, выступая перед громадой, мещанин Олехно Воронович, жалуясь на войта, заявил, что «у року прошлого шесдесят пятого войт дей, нашедши на дом мещанина володымерского Сенка Войтовича... взял две пары ботов, пару черевыков, полосмы пары подошов, сукню люнскую голубую, убране тогож сукна, которого и сукня а самого день цалый у везеню держал менуючи яко бы он у живого мужа жону отнял, и ач бы то было, тогда не его суд, але духовный»⁹⁹.

Сходы громады во Владимире оказывали заметное влияние на многие стороны жизни феодального города. На них неоднократно поднимался вопрос о соответствии судебной практики войта и членов рады нормам магдебургского права. Основной упор делался при этом на соблюдение принципа присяги членов городского самоуправления и выполнение требований, предъявляемых магдебургским правом к организации уголовных судов. В частности, на сходках владимирской громады 12 апреля и 15 августа 1566 г. указывалось на то, что в городе не практиковалось ежегодной присяги радцев, а также вскрывался ряд серьезных нарушений в судебной деятельности войта.

Наибольшее внимание среди рассматривавшихся на сходках во Владимире вопросов отводилось тем, которые непосредственно затрагивали экономические интересы горожан. Так, громада потребовала от войта

и рады объяснений по поводу использования 100 коп литовских грошей, собранных со всех мещан для открытия новых ярмарок. Заслушивался отчет магдебургского самоуправления о сборе государственных налогов — «серебщизны» и «ордынщизны», других поборов. Мещане решительно выступали против злоупотреблений и самоуправства войта и рады при распределении городских участков — «пляцов» и пашенных земель, принадлежавших городу (1566) ¹⁰⁰.

В некоторых случаях громада Владимира выступала совместно с радой с целью пресечения произвола войта. Так, в 1566 г. горожане потребовали от короля Сигизмунда Августа сместить войта Максима Лудовича и добились этого. Правовой статус войта во Владимире после этого был несколько ограничен: при наследовании войтовства по женской линии, неполнолетию, умственной и физической отсталости наследника или же в случае неправомερных действий войта он лишался власти, и все его полномочия переходили к лентвойту, приносившему присягу городу ¹⁰¹.

Мещане Владимира не прекращали борьбу против злоупотреблений магистратских урядников и в дальнейшем. В августе 1569 г. 12 представителей городской общины, среди которых были портной, скорняк и стригальщик, пришли к владимирскому замку с королевским декретом, полученным ими на вальном сейме в Люблине, согласно которому войту и радцам вменялось «присягу чинити». Войт вынужден был пообещать не притеснять мещан: «Иж их безвынне и безправне имати, у везене сажати, грабити, словы неучтивыми и ни рукою ся торгати и никоторое трудности над право им задавати и чинити, и поборов некоторых непристойных без воли и ведомости всих их на мещан вымышляти и укладати немає». Для решения важнейших вопросов, касавшихся всего города, войт и радцы созывали мещан на сходку. Так, в июне 1569 г. они «росказали есмо были мещаном володимерским посполству зийтыся до громады для никоторого розмовления и постановеня речи посполитое местское» ¹⁰².

Активную позицию по отношению к городскому самоуправлению занимали мещане в Кременце. Так, в 40-х годах XVI в. упорную борьбу против местного войта вело «все посполство» города. Уличив войта в том, что собранные с жителей Кременца деньги он использовал «не на местские посполитые, але на свои

властные потребности», мещане выделили своих уполномоченных — «берчих» — для контроля за действиями войта при сборе серебщизны. Вследствие борьбы мещан против войта вскоре ему пришлось расстаться со своей должностью ¹⁰³.

Из всех украинских городов с магдебургским правом только жители Киева могли самостоятельно избирать войта. Признание государственной властью Великого княжества Литовского права мещан на свободное избрание войта в определенной степени было следствием политического, экономического и культурного значения Киева как центра, к которому тяготели украинские земли. При этом необходимо подчеркнуть, что уже сама процедура избрания войта гарантировала соблюдение интересов городской верхушки. Она сводилась к следующему. Мещанам полагалось избрать четырех кандидатов на должность войта. Затем список кандидатов с обоснованием того, кого из указанных лиц горожане хотели бы видеть своим войтом, посылался на рассмотрение великого князя литовского. Со своей стороны, тот обещал утвердить войтом «одного человека того, которого они нам через лист свой годность залещать и за ким просити будутъ» ¹⁰⁴. Понятно, что при такой системе выборов шансы представителей городских низов быть избранными на должность войта становились ничтожными.

Магдебургское право, получившее определенное распространение в частновладельческих и небольших великокняжеских городах (Дубно, Ровно, Острожец, Торчин, Выжва, Берестечко, Полищенцы, Олыка, Константинов, Левков, Белев, Дорогобуж, Кузьмин и некоторые другие), по сравнению с магдебургскими большими великокняжескими городами оказалось более ограниченным. Самоуправление в таких городах всецело зависело от феодальных владельцев, держателей или старост. Автономия городской общины если и устанавливалась, то лишь в тех рамках, которые определялись самими феодалами ¹⁰⁵.

В этой категории городов рада находилась в подчиненном положении по отношению к войту, который, в свою очередь, был послушным орудием власти в руках феодала. Так, в январе 1561 г. войт г. Дубно послал двух радцев к луцкому войту, предписав им добиться возвращения ушедшего в Луцк мельника Федка — «подданого княжого, человека отчизного». Часто по приказу феодальных владельцев войты орга-

низывали вооруженные наезды мещан на имения других феодалов. Например, войт г. Берестечко Станислав Издебский возглавлял берестецких мещан при наезде на с. Рогозное, принадлежавшее шляхтичам Рогозинским (1564) ¹⁰⁶.

Таким образом, самоуправление на магдебургском праве отвечало интересам зажиточной верхушки городов и местечек. Судебная и административная автономия городской общины, декларируемая магдебургским правом, определенное реальное значение имела в больших и средних великокняжеских городах, являвшихся значительными торгово-ремесленными и административными центрами (Киев, Луцк, Кременец, Владимир, Брацлав и Ковель). В малых городах и местечках самоуправление в наибольшей степени зависело от феодальных владельцев и держателей. В некоторых великокняжеских городах определенное влияние на деятельность войтовско-лавничьего суда и рады оказали древнерусские традиции городского устройства и права.

Подытоживая материал о правовом положении и административном устройстве городов Украины, можно отметить, что большинство городов и местечек находились на статусе частновладельческих. Все городские поселения, независимо от их правового положения, в той или иной степени были сферой приложения правовых норм государственной власти Великого княжества Литовского. Определенное регулирующее воздействие государственного права на городскую жизнь осуществлялось посредством системы жалованных грамот, актов, связанных с налоговыми и другими мероприятиями, а также через законодательство (Литовские статуты).

До предоставления украинским городам магдебургского права в них существовал развитый городской строй, основанный на древнерусских традициях. Известная судебная и административная автономия городской общины реализовывалась в сословном самоуправлении, которое основывалось на обычном праве.

Существовавшие в ряде городов феодальные юрисдикции (юрисдики) оказывали негативное влияние на городскую экономику. В частновладельческих городах юрисдики появлялись вследствие того, что право владения городом или местечком распределялось между несколькими феодалами. В великокняжеских городах юрисдики возникали путем захвата или покупки фео-

далами городских земель и поселения на них подданных.

Отличительной чертой заимствования норм магдебургского права в городах Украины явилось определенное изменение его норм, очерчивающих компетенцию самоуправления (лавы и рады) прежде всего более значительных великокняжеских городов (Владимир, Киев, Луцк, Кре́мёнец и др.). В городском самоуправлении заметно возросла роль рады, которая наиболее полно соответствовала сложившимся социально-экономическим условиям. В некоторых великокняжеских городах существенное воздействие на характер самоуправления на магдебургском праве оказали традиции городской жизни древнерусского времени. В относительно небольших частновладельческих и великокняжеских городах и местечках самоуправление в значительной степени зависело от феодальных владельцев и держателей. В целом же самоуправление на магдебургском праве отвечало интересам важиточной купеческо-ремесленной верхушки городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XV — 60-х годах XVI в. процесс развития и возникновения городов на украинских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского, обуславливался уровнем развития общественных производительных сил и производственных отношений того периода. В конце XV в. на Киевщине, Брацлавщине и Волыни насчитывалось около 40 городов, роль которых как центров ремесла и торговли была довольно скромной. К концу 60-х годов XVI в., с ускорением развития на украинских землях товарно-денежных отношений, количество городских поселений значительно увеличилось и составило 148 населенных пунктов.

Главным критерием определения сущности феодального города Украины как социально-экономического явления феодального общества и установления его классификации (типологии) является уровень развития экономики. Городами были такие населенные пункты, где утвердилась специфическая форма собственности, прежде всего в ремесле, субъекты которой в той или иной степени владели условиями производства. Благодаря этому возникал относительно устойчивый рынок сбыта ремесленной и промысловой продукции как в самом городе, так и примыкающей к нему сельской округе. К разряду городов принадлежали также те поселения, которые являлись центрами поветов и играли важную роль как административно-политические, оборонительные, идеологические и культурные центры.

Местечками выступали населенные пункты, ремесленное производство в которых не создавало устойчивого товарообмена с примыкающей сельской округой

и роль их в общественном разделении труда по сравнению с городами была незначительной. Выполнение местечками торговой, оборонительной, административно-политической, идеологической и культурной функций феодального города имело ограниченный, локальный характер.

Пополнение городского населения происходило главным образом за счет притока переселенцев и беглых феодально зависимых крестьян. В процессе экономического роста городов, вовлечения их в орбиту товарно-денежных отношений усиливалась социальная дифференциация городского населения. Наиболее заметно это проявлялось в экономически развитых больших и средних городах, среди жителей которых выделялась богатством и привилегированным положением относительно немногочисленная верхушка, удерживавшая ключевые позиции в городской экономике и в основном мещанском самоуправлении. Значительная часть населения относилась к посполству — среднему слою горожан, имевших городское право. В него входили средние и мелкие торговцы, мещане, занимавшиеся ремеслом, промыслами, сельским хозяйством. Наиболее бедной и бесправной социальной группой выступала беднота, нередко составлявшая большинство городского населения: малоимущие и разорившиеся ремесленники и торговцы, коморники, мещане, ютившиеся в убогих хижинах, батраки, нищие, деклассированные элементы. В экономически менее развитых городах и местечках социальные грани внутри мещанской общины выступали не так рельефно, однако имущественное неравенство между богатыми и бедными было значительным.

В великокняжеских городах часть жителей не входила в мещанскую общину. Это были светские и духовные феодалы, на которых распространялись права и льготы, ставившие их в наиболее привилегированное, по сравнению с мещанами, положение. В административно-правовом отношении из мещанской общины исключались служащие военных гарнизонов. Аналогичное положение занимали казаки, проживавшие в городах. Кроме представителей украинской народности, составлявших большинство жителей, в городах проживали русские, белорусы, литовцы, поляки, чехи, молдаване, евреи, немцы, армяне, татары и др.

Одной из наиболее важных отраслей экономики феодального города Украины выступало ремесло.

В исследуемый период сильное воздействие на его развитие оказывали товарно-денежные отношения, что обусловило относительно большую его дифференциацию и специализацию. Качественные сдвиги, происшедшие в этой сфере общественного производства, заключались в том, что значительная часть ремесленников работала на рынок. Поступавший в ремесло купеческий капитал способствовал зарождению некоторых новых явлений, не совсем укладывавшихся в рамки ремесленного производства, в частности элементов простой кооперации. Последняя функция купеческого капитала проявилась лишь как тенденция и не оказала существенного воздействия на общее положение производительных сил в ремесле. Распространившееся в городах ростовщичество задерживало развитие ремесла. Цеховая организация ремесла имела место лишь в некоторых городах. В тех из них, где существовали цехи, не было жесткой регламентации ремесленного производства.

По сравнению с ремеслом большей товарностью отличались промыслы. Специфика производственного процесса в некоторых специализированных промыслах обусловила спорадическое применение труда наемных работников, использование простых механизмов и приспособлений. В промыслы проникал купеческий капитал, особенно в те, что отличались высокой степенью товарности: поташный, рыбный и винокурный. В отдельных промыслах, в частности поташном, в середине XVI в. появлялись элементы простой кооперации, применялся труд наемных работников. Промыслы сохраняли феодальный характер. Привлечение в них работников на условиях найма носило сезонный характер и сочеталось с использованием принудительно-го труда феодально зависимых крестьян.

Феодальные города играли важную роль в качестве центров торговли и товарного обращения на Украине. Определенная часть населения занималась торговлей как основным видом деятельности. Вместе с тем городские жители нередко сочетали ремесленно-промысловые занятия с тем или иным видом торговли, что свидетельствовало о далеко еще не полном отделении ремесла и промыслов от торговли. Наиболее зажиточная купеческо-ростовщическая верхушка эксплуатировала труд наемных работников.

Основными формами товарообмена выступали ярмарки, торги и ежедневная лавочная торговля. Отличительной особенностью развития городской торговли

стало постепенное углубление ее отраслевой дифференциации соответственно экономическим процессам, происходившим в городской экономике и феодальном обществе в целом. В частности, сформировались такие отрасли, как продажа за границу зерна, поташа, строевого леса, продукции винокуренного промысла, солевой рыбы и некоторых других видов товаров. Тесными были торговые контакты между русскими и украинскими купцами, что оказывало благоприятное воздействие на экономическое развитие городов Украины и России. Купечество украинских городов поддерживало деловые связи со многими торговыми центрами стран Европы и Востока.

Города играли ведущую роль в наметившейся экономической консолидации местных рынков. Заметное место в городской торговле принадлежало перевалочно-транзитным операциям, связанным с внешней торговлей.

Степень отделения ремесла и промыслов от сельского хозяйства в разных по социально-экономическому уровню развития городах и местечках была неодинаковой. Наименее выраженной она выступала в местечках, представлявших собой в целом аграрные поселения. Однако сельскохозяйственное производство в местечках (и небольших городах) отличалось от деревенского, поскольку оно больше было связано с рынком. Заметное место занимало сельское хозяйство и в экономической структуре городов. Однако направление их социально-экономического развития определяли ремесло, промыслы и торговля. В сферу сельского хозяйства вовлекались крупные купцы и ростовщики, что приводило к определенной феодализации городской верхушки.

Большинство городов и местечек находились во владении светских и духовных феодалов. На частновладельческие великокняжеские города распространялось действие правовых норм феодального государства. Верховная власть Великого княжества Литовского в законодательстве и правовых актах, касавшихся городов Украины, выступала выразительницей интересов господствующего класса.

До магдебургского права в городах Украины существовал развитый городской строй, генетически связанный с традициями и правом периода Древнерусского государства. В городах и местечках на обычном праве мещанская община располагала определенной адми-

нистративной автономией, что проявилось в функционировании сословного самоуправления. Административное устройство частновладельческих и великокняжеских городов включало два структурных звена: административно-судебный орган власти в лице наместников, урядников, старост и др., управлявших городом от имени феодального владельца или государства, и орган сословного самоуправления мещан (институт войтовства на обычном праве).

Наличие в ряде городов юридик приводило к углублению социально-экономической разобщенности мещанских общин. Характер возникновения юридик зависел от правового статуса городского поселения. В частновладельческих городах и местечках юридики утвердились, как правило, вследствие раздела одного населенного пункта между несколькими феодалами. В великокняжеских городах юридики появлялись в связи с экономическим проникновением в них представителей господствующего класса, всячески стремившихся увеличить количество своих подданных на городских землях. Население феодальных юридик частично или полностью изымалось из сферы юрисдикции воеводско-старостинских администраций и органов сословного мещанского самоуправления. В целом юридики оказывали негативное влияние на городскую экономику.

Особенностью магдебургского права в городах Украины стала определенная трансформация его норм вследствие воздействия факторов социально-экономического развития, а также влияния древнерусских традиций городского устройства и права. Отсюда появление ряда специфических черт в характере городского самоуправления на магдебургском праве. Наиболее заметный отход от его норм имел место в оформлении компетенции самоуправления (войтовско-лавничьего суда и рады), что выразилось, с одной стороны, в превращении должности войта в феодальное держание, с другой — в значительном расширении судебных и административных функций рады. Последней нередко принадлежала высшая судебная и административная власть над мещанами, подлежавшими магдебургскому праву.

Административная и судебная автономия городской общины более широкой была в средних и больших великокняжеских городах, являвшихся значительными торгово-ремесленными и административными центрами. В малых городах и местечках самоуправление пре-

бывало в большой зависимости от власти феодальных владельцев и держателей. В целом же самоуправление на магдебургском праве отвечало интересам наиболее зажиточных мещан.

Таким образом, города и местечки украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, занимали видное место в общественном разделении труда. Роль их в экономике феодального общества определялась в первую очередь тем, что они (прежде всего города) выступали центрами ремесла, промыслов и торговли. Наличие в городах развитого городского строя, уходившего своими корнями в древнерусский период, создавало предпосылки для превращения городов в центры культуры. Все это способствовало становлению экономической и культурной общности украинской народности на этапе ее консолидации, созданию необходимых материальных предпосылок воссоединения Украины с Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 407 (далее труды цитируются по этому изданию).

² *Неволин К. А.* Общий список русских городов // Полн. собр. соч. : В 6 т.— Спб., 1859.— Т. 6.— С. 27—95; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литов. гос.— Спб., 1894.— XI+393 с.; *Его же.* К истории административного строя Литовского государства // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП).— 1895.— № 6.— С. 4—19; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах.— К., 1901.— VIII+807+СХII с.; *Его же.* Украинские старосты в первой половине XVI в.— К., 1908.— 118 с.; *Любавский М.* Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута.— М., 1892.— 884 с.; *Его же.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.— М., 1910.— 377+11 с.; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли: Литов. пе-

риод.— Одесса, 1912.— 599 с.

³ *Любавский М. К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.— 2-е изд.— М., 1915.— С. 115—117.

⁴ *Владимирский-Буданов М.* Немецкое право в Польше и Литве // ЖМНП.— 1868.— № 8.— С. 467—554; № 9.— С. 720—806; № 11.— С. 519—586; № 12.— С. 772—833; *Антонович В.* Исследование о городах Юго-Западной России по актам 1432—1798 гг. // Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР).— К., 1870.— Т. 1, ч. 5.— С. 1—90; *Его же.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России.— К., 1885.— Т. 1.— 351 с.; *Грушевский М.* История Украины — Руси.— Львів, 1905.— Т. 5.— VII+687 с.; Київ; Львів, 1907.— Т. 6.— 667 с.

⁵ *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России.— Т. 1.

⁶ *Baliński M., Lipiński T.* Starożytna Polska.— Warszawa, 1844—1848.— Т. 1—2; *Stecki T.* Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym.— Lwów, 1864.— Т. 1; *Przedziecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina.— Wilno, 1841.— Т. 2.

⁷ *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku // Źródła dziejowe.— Warszawa, 1897.— Т. 22.— S. 225—226.

⁸ *Kardaszewicz S.* Dzieje dawnejsze miasta Ostroga : Materiały do historii Wołynia.— Warszawa ; Kraków, 1913.

⁹ *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie: Litwa.— Lwów, 1914.— Т. 2.

¹⁰ *Гуслистий К.* Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею: з XIV ст. по 1569 р. // Нариси з історії України.— К., 1939.— Вип. 2.— 194 с.; *Баранович О.* Панське місто за часів Польської держави: Старий Костянтинів.— К., 1928.— 63 с.; *Его же.* Україна накануне освободительной войны середины XVII в.— М., 1959.— 209 с.; *Мишко Д. І.* Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст.— К., 1959.— 176 с.; Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Вінницька область.— К., 1970.— 621 с.; Волинська область.— К., 1970.— 746 с.; Житомирська область.— К., 1973.— 726 с.; Київ.— К., 1968.— 686 с.; Київська область.— К., 1971.— 791 с.; Ровенська область.— К., 1973.— 656 с.; Тернопільська область.— К., 1973.— 640 с.; Хмельницька область.— К., 1971.— 706 с.; Чернігівська область.— К., 1971.— 671 с.; Черкаська область.— К., 1972.— 788 с.; Історія Української ССР: В 10 т.— К., 1982.— Т. 2.— 591 с.

¹¹ *Голобуцький В. О.* Про цехове ремесло і зародження капіталістичного виробництва в XVI—першій половині XVII ст. на Україні // Вісн. АН УРСР.— 1958.— № 8.— С. 34—42; *Мишко Д. І.* Про розвиток міського ремесла на Україні в XV—першій половині XVI ст. // Укр. іст. журн.— 1963.— № 3.— С. 67—72.

¹² *Отамановский В. Д.* Развитие городского строя на Украине в XIV—XVIII вв. и магдебургское право // Вопр. истории.— 1958.— № 3.— С. 121—141.

¹³ *Там же.*— С. 135.

¹⁴ *Швидько А. К.* Советская

историография о сущности и роли немецкого права в городах Украины XV—XVIII вв. // Вопр. герман. истории и историографии.— 1975.— Вып. 3.— С. 130.

¹⁵ *Кись Я. П.* Промисловість Львова у період феодалізму (XIII—XIX ст.).— Львів, 1968.— 223 с.; *Історія Києва*: В 3 т., 4 кн.— К., 1982.— Т. 1.— 407 с.; *Ісаєвич Я. Д., Мартинюк А. І.* Володимир-Волинський: Іст.-краєзнавчий нарис.— Львів, 1983.— 71 с.; *Історія Львова*.— К., 1984.— 414 с.

¹⁶ *Історія Української ССР*: В 10 т.— Т. 2.— С. 91.

¹⁷ *Źródła dziejowe* (далее — *Zg. dz.*).— Warszawa, 1889—1894.— Т. 19, 20.

Г Л А В А І

¹ *Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута.— С. 70, 209—248, 261—266, 287—296; *Історія Української ССР*: В 10 т.— Т. 2.— С. 54—56, 146.

² *Центральный* государственный исторический архив УССР (далее — ЦГИА УССР).— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 33, 48, 55; Д. 7.— Л. 44 об., 258 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 435 об.— 436, 457 об, 476; *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 1.— С. 95, 112.

³ *Любавский М.* Литовско-русский сейм.— М., 1900.— С. 727—731.

⁴ *Історія Української ССР*: В 10 т.— Т. 2.— С. 91, 92, 131.

⁵ *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.— К., 1987.— С. 77.

⁶ *Центральная* научная библиотека АН УССР (далее — ЦНБ АН УССР). Отд. рукописей.— Ф. 90, д. 465.— Л. 41, 103; *Акты*, относящиеся к истории Западной России (далее — *Акты ЗР*).— Спб., 1846.— Т. 1.— С. 67; *Акты*, относящиеся к ис-

тории Южной и Западной России (далее — Акты ЮЗР).— Спб., 1861.— Т. 1.— С. 12, 164; *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 2.— С. 4—9; Ч. 8, т. 4.— С. 1—5, 121; *Волынская* краткая летопись // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).— М., 1980.— С. 122—124; *Густинская* летопись // ПСРЛ.— Спб., 1843.— Т. 2.— С. 358; *Русская* историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией (далее — РИБ).— Спб., 1910.— Т. 27.— С. 215—216; *Сборник* императорского русского исторического общества (далее — Сборник РИО).— Спб., 1892.— Т. 35.— С. 8—9, 11, 245, 246; *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie* (далее — *Archiwum ks. Sanguszków*).— Lwów, 1887.— Т. 1.— С. 11, 12, 114, 115, 117; 1890.— Т. 3.— С. 3, 4, 34, 56, 82, 89, 96, 107, 118, 134, 161, 185; *Codex epistolaris Vitoldi*.— Cracoviae, 1882.— С. 11, 245, 799, 963, 1031; *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych* (далее — *Skarbiec diplomatów*).— Wilno, 1860.— Т. 1.— С. 210, 331; 1862.— Т. 2.— С. 244.

⁷ *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 2.— С. 4.

⁸ *Акты ЗР*.— Т. 1.— С. 144—145.

⁹ *Шабульдо Ф. М.* Указ. соч.— С. 79.

¹⁰ *Українські* грамоти XV ст.— К., 1965.— С. 45.

¹¹ *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 2.— С. 4, 5.

¹² *Там же*.— С. 12; *Українські* грамоти XV ст.— С. 45.

¹³ *Документы* и регесты к истории литовс. их евреев.— Спб., 1882.— Т. 1.— С. 43, 44.

¹⁴ *РИБ*.— Т. 27.— С. 215, 216, 222, 224, 225.

¹⁵ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь // История СССР : С древнейших времен до наших дней : В 2 сер., 12 т.— М., 1966.—

1 сер.— Т. 1.— С. 536; *Водарский Я. Е.* Города и городские поселения России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по ист. географии XVII в.— М., 1974.— С. 102—103; *Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город.— 1980.— Вып. 3.— С. 83; *Сахаров А. М.* О термине «город» в источниках XVI в. // Общество и государство феодальной России XVII века.— М., 1975.— С. 62—66.

¹⁶ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города // Уч. зап. Моск. ун-та.— 1946.— Вып. 99.— С. 8—9; *Раннопорт П. А.* О типологии древнерусских поселений // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР.— 1967.— Вып. 110.— С. 3—8; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вест. Ленингр. ун-та.— 1970.— № 20, вып. 4.— С. 8—12. Подробнее историографию вопроса см.: *Рапов О. М.* Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России : Пробл. историографии.— 1983.— Вып. 7.— С. 51—69.

¹⁷ *Куза А. В.* Древнерусские города // Древняя Русь. Город. Замок. Село: Археология СССР.— М., 1985.— С. 52.

¹⁸ *Копыцкий З. Ю.* Города Белоруссии во второй половине XVI — первой половине XVII в.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.— Минск.— 1967.— С. 15—16; *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв.: Соц.-экономич. исслед. истории городов.— Минск, 1975.— С. 37.

¹⁹ *Швидько А. К.* Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI—XVIII вв. :

Учеб. пособие.— Днепропетровск.— 1979.— С. 25, 28.

²⁰ Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницький.— К., 1954.— С. 34—39, 295—296.

²¹ Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в.— С. 134.

²² Компан О. С. Міста України в другій половині XVII ст.— К., 1963.— С. 75, 76, 164, 377.

²³ Михайлина П. В. Визвольна боротьба населення міст України (1569—1564).— К., 1975.— С. 13.

²⁴ Швидько А. К. Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI—XVIII вв.: Учеб. пособие.— Днепропетровск, 1979.— С. 29.

²⁵ Компан Е. С., Маркина В. А. О некоторых особенностях социально-экономического развития городов Правобережной и Левобережной Украины в XVII—XVIII вв. // Города феодальной России.— М., 1966.— С. 352.

²⁶ Голобуцький В. О. Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період.— К., 1970.— С. 86.

²⁷ Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города России // Города феодальной России.— С. 86.

²⁸ Ochmański J. W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego.— Warszawa, 1958.— S. 294; Kulejewska-Topolska Z. Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku.— Poznań, 1964; Alexandrowicz St. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. // Acta Baltico-Slavica. Archaeologia, historia, ethnographia et linguarum scientia.— Białystok, 1970.— T. 7.— S. 47—108.

²⁹ Центральный государственный архив древних актов СССР (далее — ЦГАДА СССР).—

Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 6.— Л. 21—23 об.; Д. 17.— Л. 157, 232 об., 233; Д. 191.— Л. 59—59 об., 92—92 об., 94—95, 102 об.—103; ЦГИА УССР.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 15—85; Ф. 220, оп. 1, д. 49.— Л. 3; Ф. 262, оп. 1, д. 105.— Л. 5—6; Ф. 840, оп. 1, д. 9.— Л. 13—13 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 1, д. 8167, 8186, 8211; Архив ЮЗР.— Ч. 5, т. 1.— С. 47—49, 61; Ч. 7, т. 1.— С. 21, 37, 65; Ч. 7, т. 2.— С. 4—5, 23, 392, 405—407; Ч. 7, т. 3.— С. 20—22; Ч. 8, т. 4.— С. 40, 42, 340 и др.

³⁰ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 155—157 об., 302—309 об., 312—316.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч.— Т. 3.— С. 23.

³² Там же.— С. 50.

³³ Там же.— С. 52.

³⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К. Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 487.

³⁵ Там же.— С. 487—488.

³⁶ Там же.— С. 489.

³⁷ Там же.— С. 490—491.

³⁸ Там же.— С. 489.

³⁹ Там же.— С. 491.

⁴⁰ Там же.— С. 44.

⁴¹ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 456—426 об.; Zr. dz.— Т. 19.— S. 11—13, 18, 19, 23, 24, 28.

⁴² ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 371; Д. 11.— Л. 545; Ф. 28, оп. 1, д. 7.— Л. 69 об.; Архив ЮЗР.— Ч. 5, т. 1.— С. 36—37, 60—62; Бершадский С. А. Русско-еврейский архив: Док. и материалы.— Спб., 1882.— Т. 1.— С. 276.

⁴³ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22160.— Л. 17—27 об.

⁴⁴ Там же.— Д. 21167.— Л. 3—7 об.

⁴⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 155—157 об., 194—196, 383—384; Zr. dz.— Т. 19.— S. 28—32.

⁴⁶ ЛНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. Радзиминых, д. I, 47, 4.— Л. 178 об.

⁴⁷ Грицкевич А. П. Социально-экономическое развитие частновладельческих городов Белоруссии в XVI—XVIII веках : Автореф. дисс. ...докт. ист. наук.— Вильнюс, 1984.— С. 17.

⁴⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 29—39, 302—309 об., 312—316, 431—448, 456—462 об., 567 об.—573, 576—577, 586—587 об., 598—601 об., 618—619, 621 об.—622 об., 630—631; *Архив ЮЗР*.— Ч. 1, т. 1.— С. 20—21, 601—610; Ч. 7, т. 1.— С. 80—90, 94—105, 590—597; *Зр. dz.*— Т. 19.— С. 12, 14, 15, 18, 19, 23, 24, 27—30, 47, 48.

⁴⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 431, 448.

⁵⁰ Там же.— Л. 155—157 об., 383—384, 578—578 об., 532—532 об.; *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 1.— С. 240.

⁵¹ Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв.— М., 1979.— С. 50.

⁵² *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 1.— С. 601, 602.

⁵³ *Archiwum ks. Sanguszków*.— Т. 7.— С. 124; *Зр. dz.*— Т. 6.— С. 122.

⁵⁴ Центральный государственный исторический архив УССР в г. Львове (далее — ЦГИА УССР в г. Львове).— Ф. 773, оп. 1, д. 36.— Л. 2; ЛНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. Радзиминых, д. II, 27, 3.— Л. 35—39, 161.

⁵⁵ ЦГИА УССР в г. Львове.— Ф. 773, оп. 1, д. 36.— Л. 9 об., 10 об., 12; Д. 82.— Л. 1, 14; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 1, д. 8133, 8247; *Архив ЮЗР*.— Ч. 5, т. 1.— С. 84—90; *Акты ЗР*.— С. 309—310.

⁵⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 582—585; ЛНБ АН

УССР.— Отд. рукописей.— Ф. Радзиминых, д. II, 27, 3.— Л. 37.

⁵⁷ ЛНБ АН УССР.— Отд. рукописей, ф. Радзиминых, д. II, 27, 3.— Л. 37—39.

⁵⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 135—135 об.

⁵⁹ Крот В. А., Раиша Н. С. Борьба населения Украины против турецко-кримских завоевателей наприкінці XV—в першій половині XVI ст. // Укр. іст. журн.— 1983.— № 5.— С. 102—103.

⁶⁰ *Волынская краткая летопись // ПСРЛ*.— Т. 35.— С. 122.

⁶¹ *Сборник РИО*.— Т. 41.— С. 360.

⁶² *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 1.— С. 148.

⁶³ Кісь Я. П. Промисловість Львова у період феодалізму (XIII—XIX ст.).— С. 40.

⁶⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—28; *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 1.— С. 20, 21, 604—608; *Зр. dz.*— Т. 6.— С. 116, 125.

⁶⁵ *Архив ЮЗР*.— Ч. 7, т. 2.— С. 12; Ч. 4, т. 1.— С. 37—47.

⁶⁶ *Первый или старый Литовский статут (далее — Первый Литовский статут) // Временник императорского московского общества истории и древностей российских: Материалы*.— М., 1854.— Кн. 18.— С. 91, 92; *Статут Великого князства Литовского 1566 года (далее — Статут 1566 года) // Временник императорского московского общества истории и древностей российских: Материалы*.— М., 1855.— Кн. 23.— С. 170.

⁶⁷ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 246—246 об.; Д. 10.— Л. 47; Д. 7.— Л. 323 об.; Д. 8.— Л. 128 об.

⁶⁸ *Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 7.— С. 352—355.

⁶⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 194—197, 383—384.

⁷⁰ Там же.— Л. 427—451 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2.— Д. 1392.

- ⁷¹ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 302—309 об.
- ⁷² Там же.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 457 об., 312—316 об.; *Zr. dz.*— Т. 19.— С. 12—15, 17, 19, 28.
- ⁷³ ЦГИА УССР.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 23 об.
- ⁷⁴ Там же.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 17 об., 21 об., 23—26, 31, 34, 35, 35 об., 36, 36 об., 37, 42 об., 46 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 50; Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 107 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2.— Д. 21632.
- ⁷⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 436 об., 455, 458, 476; *Архив ЮЗР.*— Ч. 1, т. 1.— С. 104, 105.
- ⁷⁶ Голубуцкий В. А. Запорожское казачество.— К., 1957.— С. 51.
- ⁷⁷ ЦГИА УССР.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 8, 30 об.; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 89, 95, 112, 604.
- ⁷⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 69, 125, 175 об., 485 об.—486; Д. 4.— Л. 25 об.—26, 32 об., 55—55 об., 98 об., 129 об.; Д. 6.— Л. 21 об., 31—32, 89—89 об.; Д. 3.— Л. 92 об.; д. 7.— Л. 39—40; Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 124 об.; Д. 2.— Л. 216 об.; Д. 4.— Л. 308 об.
- ⁷⁹ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 561.— Л. 63 об.—65; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22559.— Л. 1; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 607, 608; *История Киева*: В 3 т., 4 кн.— Т. 1.— С. 207.
- ⁸⁰ ЛНБ АН УССР.— Ф. Радзиминых, д. III, 165, 5.— Л. 9.
- ⁸¹ ЦГИА УССР.— Ф. 220, оп. 1, д. 49.— Л. 1—3.
- ⁸² Там же.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 5 об., 6, 9, 11, 15 об., 16 об., 21—24 об., 27, 30, 30 об., 34 об., 35, 35 об.
- ⁸³ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 110.
- ⁸⁴ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 140—140 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1, л. 2—12, 442 об., 423, 433, 441, 448, 457 об., 598 об.—599; Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 103; Д. 6.— Л. 182 об.; д. 7.— Л. 87 об.; Д. 11.— Л. 610; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 87, 113, 114.
- ⁸⁵ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 117; Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 258; Д. 7.— Л. 169 об.; Д. 8.— Л. 346—346 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 322; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 2167.— Л. 5; Д. 22160.— Л. 20 об., 21 об.
- ⁸⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 40 об., 52; Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 137, 138, 140—140 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2.— 12 об.
- ⁸⁷ Там же.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 5 об.—31; *Zr. dz.*— Т. 6.— С. 107.
- ⁸⁸ Там же.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—14, 302 об., 303 об., 305; Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 71—71 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22632, л. 2 об.—3; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 148, 104, 87—88.
- ⁸⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 427—446 об.; Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли: Литов. период.— Т. 1.— С. 208, 282, 303.
- ⁹⁰ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 2.— С. 20, 21, 78, 92, 107; Кресальный Н. И. Русская и украинская архитектура XIV—XVII ст.: Учеб. пособие.— К., 1970.— С. 39.
- ⁹¹ Ляскоронский В. Г. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России.— К., 1901.— С. 4, 5; Кордт В. Материалы по истории русской картографии.— К., 1910.— Вып. 2.— Карта № 4.
- ⁹² ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 423—451; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22559, л. 2 об.; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 107.
- ⁹³ Древняя Русь. Город. Знамок. Село: Археология СССР.— С. 146.
- ⁹⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 5—26.

⁹⁵ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 21632.— Л. 12; Древняя Русь. Город. Замок. Село: Археология СССР.— С. 62; Кутовой А. И. Усадьбы как основные элементы градостроительной структуры древнерусского города // Древнерусский город: Материалы Всесоюз. археол. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева.— К., 1984.— С. 65—67.

⁹⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2.

⁹⁷ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 27—28; Ч. 7, т. 2.— С. 171—172.

⁹⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 163 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 29 об., 309; ЦНБ АН УССР.— Ф. 2, д. 1391.— Л. 5, 6.

⁹⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 22.— Л. 43 об.

¹⁰⁰ Тищенко О. Найдавніші українські кахлі (XIV—XVII ст.) // Образотворче мистецтво.— 1979.— № 3.— С. 25.

¹⁰¹ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21167.— Л. 2, 2 об.

¹⁰² Там же.— Д. 21632.— Л. 6, 7, 12; Д. 22309.— Л. 1 об., 4 об.

¹⁰³ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 308, 584—584 об., 598—600, 618 об.

¹⁰⁴ Історія українського мистецтва.— К., 1967.— Т. 2.— С. 42.

¹⁰⁵ Энгельс Ф. Артиллерия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 14.— С. 201.

¹⁰⁶ Кучера М. П. До питання про традиції оборонного будівництва Київської Русі в дерев'яній архітектурі XV—XVII ст. // Середні віки на Україні.— 1973.— Вип. 2.— С. 127.

¹⁰⁷ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, д. 561.— Л. 7, 8, 35—38; ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 65 об.; Д. 11.— Л. 185 об.

¹⁰⁸ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 599; Zr. dz.— Т. 6.— С. 111.

¹⁰⁹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца

XIII — начала XVI веков.— М., 1962.— С. 144.

¹¹⁰ История Киева: В 3 т., 4 кн.— Древний и средневековый Киев.— Т. 1.— С. 203, 204.

¹¹¹ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 105—107.

¹¹² ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, д. 561.— Л. 12 об.; Історія українського мистецтва.— Т. 2.— С. 29.

¹¹³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 89.

¹¹⁴ Історія українського мистецтва.— Т. 2.— С. 21.

¹¹⁵ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР: В 4 т.— К., 1985.— Т. 2.— С. 49, 50; Овсійчук В. А. Українське мистецтво XIV — першої половини XVII століття // Нариси з історії українського мистецтва.— К., 1985.— С. 20, 22.

¹¹⁶ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, д. 561.— Л. 32 об.

¹¹⁷ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22166.— Л. 2, 2 об.

¹¹⁸ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, д. 561.— Л. 42 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22166.— Л. 2 об., 3.

¹¹⁹ Нельговский Ю. А. Некоторые особенности замков подольских земель Украины XVI — начала XVII вв. // Архитектур. наследство.— М., 1979.— Вып. 27.— С. 95.

¹²⁰ Історія українського мистецтва.— Т. 2.— С. 22; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР.— К., 1986.— Т. 4.— С. 74.

¹²¹ Кресальний Н. И.— Указ. соч.— С. 41; Овсійчук В. А. Вказ. праця.— С. 22.

¹²² ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 33; Д. 7.— Л. 120 об.; Д. 8.— Л. 325 об.

¹²³ Годованюк Е. М. Два храма на Вольни // Архитектур. наследство.— 1979.— Вып. 27.— С. 80—84, 87—88.

¹²⁴ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, д. 561.— Л. 33, 38.

¹²⁵ *Замкі Беларусі* (XIII—XVII ст.).— Мінск, 1977.— С. 62.

¹²⁶ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 1.— Л. 104; *Зр. dz.*— Т. 6.— С. 111.

¹²⁷ *Кучинко М. М.* Древний Владимир на Вольни // Древнерусский город: Материалы Всесоюз. археол. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева.— С. 67—68.

¹²⁸ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 86—87.

¹²⁹ *Ляскоронский В. Г.* Указ. соч.— С. 4; *Памятники*, изданные Киевскою комиссией для разбора древних актов (далее — *Памятники*).— К., 1898.— Т. 1.

¹³⁰ *ЦГИА УССР.*— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 14 об., 19 об.

¹³¹ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 2, 40 об.

¹³² *Архив ЮЗР.*— Ч. 8, т. 5.— С. 24—30.

ГЛАВА II

¹ *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 145, 194, 195, 355.

² *ЦГИА УССР.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—28, 431—451 об., 458 об.—462; Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 6 об.—45 об.; *Исаевич Я. Д., Мартинюк А. І.* Володимир-Волинський: Іст.-краєзнавчий нарис.— С. 27.

³ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 218 об.; Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 155 об., 159 об.

⁴ *Там же.*— Д. 6.— Л. 21 об.; Д. 11.— Л. 279.

⁵ *Беляева С. А.* Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в. По материалам археологических исследований.— К., 1982.— С. 67, 71, 77.

⁶ *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22459.— Л. 4, 5.

⁷ *Беляева С. А.* Указ. соч.— С. 59, 114.

⁸ *ЦГИА УССР.*— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 44; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 137.

⁹ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 77.

¹⁰ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 180—180 об.

¹¹ *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное.— Спб., 1896.— С. 11.

¹² *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв.— Л., 1976.— С. 39.

¹³ *Савваитов П.* Указ. соч.— С. 96.

¹⁴ *Кирпичников А. Н.* Указ. соч.— С. 41.

¹⁵ *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков.— М., 1953.— С. 63, 64.

¹⁶ *Кирпичников А. Н.* Указ. соч.— С. 33.

¹⁷ *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Указ. соч.— С. 56.

¹⁸ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 613 об.—614.

¹⁹ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 16; Д. 7.— Л. 41 об.; Д. 11.— Л. 610.

²⁰ *Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.* Указ. соч.— С. 22.

²¹ *Археология Украинской ССР: В 3 т.*— К., 1986.— Т. 3.— С. 457.

²² *Сидоренко В. О.* Зброезнавство як спеціальна історична дисципліна: За матеріалами історії України XIV—першої половини XV ст. // *Іст. джерела та їх використання.*— К., 1966.— Вип. 2.— С. 274—276.

²³ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 21 об., 265.

²⁴ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 39.

²⁵ *Никольский В. А.* Художественное оружие // *Русское декоративное искусство.*— М., 1925.— Вып. 10.— С. 23.

²⁶ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 18.

²⁷ *Свешніков І.* Берестечко // *Жовтень.*— 1985.— № 7.— С. 99, 105, 106.

- ²⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 39, 180 об.; Д. 8.— Л. 2.
- ²⁹ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Указ. соч.— С. 95.
- ³⁰ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 79, 136, 593—594; Klochowicz K. Historyczny rozwój ręcznej broni polnej.— Warszawa, 1921.— S. 48.
- ³¹ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 155, 593; Никольский В. А. Указ. соч.— С. 14.
- ³² ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 77; Тарасюк Л. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа.— Л., 1971.— С. 13.
- ³³ Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana.— Warszawa, 1900—1903.— Т. 2.— S. 70, 71.
- ³⁴ Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие: История развития со времен возникновения до 1936 г.— Л., 1937.— Т. 1.— С. 60, 72; Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. // Ист. записки.— 1938.— № 4.— С. 271.
- ³⁵ Тарасюк Л. Указ. соч.— С. 13; Сидоренко В. О. Указ. соч.— С. 273.
- ³⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 44; Сидоренко В. О. Вогнепальна зброя селянсько-козацької піхоти XVI—XVII ст. // Укр. іст. журн.— 1965.— № 9.— С. 117.
- ³⁷ Тарасюк Л. Указ. соч.— С. 14, 15.
- ³⁸ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.— К., 1849.— Т. 2.— С. 26.
- ³⁹ Архив ЮЗР.— Ч. 4, т. 1.— С. 38; Ч. 7, т. 1.— С. 594.
- ⁴⁰ Там же.— Ч. 7, т. 2.— С. 26; Ленц Э. Собрание оружия.— Спб., 1898.— С. 56.
- ⁴¹ Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 79, 80, 600.
- ⁴² ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 103 об., 137; Д. 6.— Л. 257 об.; Д. 8.— Л. 77; Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 125, 125 об.
- ⁴³ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 10.— Л. 344; Д. 11.— Л. 610; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 61, д. 857.— Л. 1 об.
- ⁴⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 188 об., 189.
- ⁴⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 11, 11 об.; Д. 11.— Л. 189; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 61, д. 857.— Л. 1 об.
- ⁴⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 20, оп. 1, д. 46.— Л. 20 об.; Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 172.
- ⁴⁷ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 482 об.
- ⁴⁸ Там же.— Д. 7.— Л. 169 об., 374 об.; Д. 11.— Л. 545.
- ⁴⁹ Там же.— Д. 3.— Л. 167; Д. 7.— Л. 35, 218 об.; Д. 11.— Л. 199.
- ⁵⁰ Там же.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—14, 509—601 об., 384—384 об., 589, 618, 456—462 об., 438—440 об.
- ⁵¹ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 1.— Л. 79.
- ⁵² Там же.— д. 5.— Л. 218.
- ⁵³ Памятники.— К., 1897.— Т. 2.— С. 559—561.
- ⁵⁴ Стамеров К. К. Нариси з історії костюмів.— К., 1978.— Ч. 1.— С. 161.
- ⁵⁵ Памятники.— Т. 2.— С. 560; Улащик Н. Н. Одежда белорусов XVI—XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы.— М., 1986.— С. 560.
- ⁵⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 35; Д. 10.— Л. 390 об.
- ⁵⁷ Там же.— Д. 5.— Л. 198.
- ⁵⁸ Білецька В. Українські сорочки, їх типи, еволюція й орнаментация // Матеріали по етнології й антропології.— Львів, 1929.— Т. 21—22, ч. 1.— С. 90—92; Матейко К. І. Український народний одяг.— К., 1977.— С. 56, 57.
- ⁵⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 11, 11 об.; Д. 6.— Л. 81 об.
- ⁶⁰ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник.— М.,

- 1956.— С. 529, 631; *Стамеров К. К.* Указ. соч.— С. 159.
- ⁶¹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 86 об.
- ⁶² *Рабинович М. Г.* Одежда русских XII—XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы.— С. 75.
- ⁶³ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21632.— Л. 7; ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 198.
- ⁶⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 199.
- ⁶⁵ *Матейко К. I.* Вказ. праця.— С. 108.
- ⁶⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 136 об., 137.
- ⁶⁷ *Рабинович М. Г.* Указ. соч.— С. 76—77; *Улащик Н. Н.* Указ. соч.— С. 136—137.
- ⁶⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 371; Д. 7.— Л. 40, 258 об.; Д. 3.— Л. 38 об.
- ⁶⁹ *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.*— Т. 2.— С. 25.
- ⁷⁰ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 138 об.; Д. 11.— Л. 486.
- ⁷¹ *Там же.*— Д. 7.— Л. 148.
- ⁷² *Там же.*— Д. 7.— Л. 35, 39 об., 40, 258 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 1391.— Л. 3—6; *Стамеров К. К.* Указ. соч.— С. 172.
- ⁷³ *Haft i zdobienie stroju ludowego.*— Warszawa, 1955.— S. 12.
- ⁷⁴ *Gotębionski L.* Ubioru w Polsce.— Warszawa, 1830.— S. 128, 140, 219; *Bartyś J., Turpai I.* Materiały do historii odzieży południowo-wschodniej Wielkopolski.— Wrocław, 1959.— S. 144, 146, 152, 154.
- ⁷⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 486; Д. 8.— Л. 134; Д. 4.— Л. 11.
- ⁷⁶ *Там же.*— Д. 8.— Л. 11 об.
- ⁷⁷ *Рабинович М. Г.* Указ. соч.— С. 88.
- ⁷⁸ *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.*— Т. 1.— С. 67.
- ⁷⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 406 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21632.— Л. 6.
- ⁸⁰ ЦГИА УССР.— Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 21 об.
- ⁸¹ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21632.— Л. 9.
- ⁸² *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 558.
- ⁸³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 193 об.— 195; Д. 6.— Л. 182 об., 192; *Копыский З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.).— С. 123—130.
- ⁸⁴ *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.*— Т. 1.— С. 311—313.
- ⁸⁵ *Николаева Т. А.* Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье.— К., 1987.— С. 54.
- ⁸⁶ ЛНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. Радзминьских, д. VI, 82, 3, II.— Л. 30.
- ⁸⁷ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 347.
- ⁸⁸ *Документы и регесты к истории литовских евреев.*— Спб., 1882.— Т. 1.— С. 230—233.
- ⁸⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 86.
- ⁹⁰ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 367—368.
- ⁹¹ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 318.
- ⁹² *Документы и регесты к истории литовских евреев.*— Т. 1.— С. 233.
- ⁹³ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 342.
- ⁹⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—14.
- ⁹⁵ *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.*— Т. 1.— С. 321.
- ⁹⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 40.
- ⁹⁷ *Там же.*— Д. 8.— Л. 40 об., 333 об., 371.
- ⁹⁸ *Там же.*— Д. 4.— Л. 82 об.— 83 об.
- ⁹⁹ *Там же.*— Л. 83—83 об.,

11; Д. 6.—Л. 123 об.; Ф. 28, оп. 1, д. 2.—Л. 72, 201 об.; *Slaski B. Splaw i splawnicy na Wisle.*—Warszawa, 1916.—С. 6; *Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu.*—Poznań, 1928.—Т. 1.—С. 117.

¹⁰⁰ ЦГИА УССР.—Ф. 28, оп. 1, д. 2.—Л. 71; Д. 1.—Л. 124 об.

¹⁰¹ Там же.—Ф. 25, оп. 1, д. 6.—Л. 123 об.; Ф. 28, оп. 1, д. 4.—Л. 45.

¹⁰² *Запаско Я. П.* Орнаментальне оформлення української рукописної книги.—К., 1960.—С. 6, 7.

¹⁰³ Там же.—С. 78, 79.

¹⁰⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч.—Т. 3.—С. 50—51.

¹⁰⁵ ЦНБ АН УССР.—Отдел рукописей.—Ф. 2, д. 14817.—Л. 27—28; *Грамоты великих князей литовских и удельных с 1390 по 1569 год.*—К., 1868.—С. 49.

¹⁰⁶ *Архив ЮЗР.*—Ч. 8, т. 5.—С. 215—218.

¹⁰⁷ *Мишко Д. І.* Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст.—С. 77.

¹⁰⁸ ЦГИА УССР.—Ф. 28, оп. 1, д. 4.—Л. 145 об.; *Архив ЮЗР.*—Ч. 5, т. 1.—С. 41, 58; Ч. 7, т. 1.—С. 172.

¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч.—Т. 3.—С. 51.

¹¹⁰ *Кириллова А. А.* Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XVI вв. // Средние века.—1969.—Вып. 32.—С. 185, 186.

¹¹¹ *Тимофеева Е. Т.* Развитие ремесла и торговли во Франции XII—XIII вв. // Средние века.—1959.—Вып. 14.—С. 102.

¹¹² *Ptaśnik J.* Miasta i mieszczanstwo w dawnej Polsce.—Kraków, 1934.—С. 141.

¹¹³ *Історія Львова.*—С. 38.

¹¹⁴ ЦГИА УССР.—Ф. 25, оп. 1, д. 10.—Л. 211.

¹¹⁵ *Ковальский Н. П., Вино-*

градов Г. Н. Методические рекомендации по подготовке к спецсеминару по источниковедению истории Украины XVI—XVII веков (цеховые уставы городов Украины).—Днепропетровск, 1986.—С. 17, 20—22.

¹¹⁶ Там же.—С. 23.

¹¹⁷ *Історія Львова.*—С. 38, 39.

¹¹⁸ *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран: Эпоха феодализма.—М., 1954.—С. 287.

¹¹⁹ *Стоклицкая - Терешкович В. В.* Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // Средние века.—1951.—Вып. 3.—С. 77, 78; *Швидько А. К.* К вопросу о ремесленном цехе в средневековом городе (по герман. и укр. источникам) // Вопросы германской истории и историографии.—Днепропетровск, 1973.—С. 7.

¹²⁰ *Соколов Н. П.* Венецианские цехи в XIII и XIV вв. // Средние века.—1959.—Вып. 15.—С. 47.

¹²¹ *Полянский Ф. Я.* Товарное производство в условиях феодализма.—М., 1969.—С. 479, 489.

¹²² *Полянский Ф. Я.* Цена и стоимость в условиях феодализма: Влияние гос., муниципальной и цеховой регламентации на ценообразование в эпоху феодализма.—М., 1983.—С. 161, 164.

¹²³ *Ковальский Н. П., Виноградов Г. Н.* Указ. соч.—С. 17, 24.

¹²⁴ *Сванидзе А. А.* Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.).—М., 1967.—С. 244.

¹²⁵ *Ковальский Н. П., Виноградов Г. Н.* Указ. соч.—С. 23, 26, 27.

¹²⁶ Там же.—С. 16—21.

¹²⁷ *Брагина Л. М.* Флорентийское сукноделие в XV в. // Проблемы генезиса капитализма.—М., 1970.—С. 123.

¹²⁸ *Ковальский Н. П., Виноградов Г. Н.* Указ. соч.—С. 17.

- ¹²⁹ Соколов Н. П. Указ. соч.— С. 39; Тимофеева Е. Т. Указ. соч.— С. 101; Сванидзе А. А. Указ. соч.— С. 225.
- ¹³⁰ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.— Т. 1.— С. 319—322.
- ¹³¹ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 61, д. 774.— Л. 5.
- ¹³² ЦГИА УССР.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 46.
- ¹³³ Швидько А. К. Социально-экономическое развитие городов Украины в XVI—XVIII вв.— С. 41.
- ¹³⁴ Документы и регесты к истории литовских евреев.— Т. 1.— С. 230—233.
- ¹³⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 155 об.— 156.
- ¹³⁶ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22097.— Л. 6 об.
- ¹³⁷ Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России.— М., 1980.— С. 70; Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.).— С. 83, 120.
- ¹³⁸ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 86.
- ¹³⁹ Коман О. С. Міста України в другій половині XVII ст.— С. 232.
- ¹⁴⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 491.
- ¹⁴¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 86.
- ¹⁴² Мишко Д. І. Соціально-економічні умови формування української народності.— К., 1963.— С. 241, 242.
- ¹⁴³ Там же.— С. 242; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопед. словарь.— Спб., 1898.— Т. 24.— С. 722, 723.
- ¹⁴⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 35—36.
- ¹⁴⁵ Там же.— Д. 7.— Л. 70 об., 99 об.
- ¹⁴⁶ Там же.— Д. 10.— Л. 390 об.— 391 об.
- ¹⁴⁷ Там же.— Д. 7.— Л. 41 об.
- ¹⁴⁸ Там же.— Д. 6.— Л. 240—240 об.
- ¹⁴⁹ Там же.— Л. 31 об.— 32.
- ¹⁵⁰ Там же.— Л. 233—233 об.; Д. 4.— Л. 35.
- ¹⁵¹ Там же.— Д. 7.— Л. 22 об., 34 об.; Д. 8.— Л. 485 об., 18—18 об.; Д. 3.— Л. 70 об.; Д. 6.— Л. 239; Д. 11.— Л. 69, 125.
- ¹⁵² Там же.— Д. 4.— Л. 63 об.
- ¹⁵³ Там же.— Д. 5.— Л. 226 об.
- ¹⁵⁴ Там же.— Д. 6.— Л. 93.
- ¹⁵⁵ Там же.— Л. 12, 16, 56 об., 92 об.; Д. 11.— Л. 11.
- ¹⁵⁶ Там же.— Д. 6.— Л. 12 об.
- ¹⁵⁷ Там же.— Л. 17; Д. 5.— Л. 23 об.
- ¹⁵⁸ ЛНБ АН УССР.— Отдел рукописей.— Ф. Радзиминых, д. II, 70, 3, I.— Л. 7.
- ¹⁵⁹ ЦГИА УССР.— Д. 10.— Л. 396 об.; Д. 7.— Л. 63 об.
- ¹⁶⁰ Там же.— Д. 6.— Л. 31 об.— 32; Д. 5.— Л. 239 об., 226 об.
- ¹⁶¹ Там же.— Д. 10.— Л. 396 об.; Д. 5.— Л. 201 об.
- ¹⁶² Там же.— Д. 7.— Л. 42, 442; Д. 6.— Л. 37 об., 264, 290 об.; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 1372.— Л. 1.
- ¹⁶³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 22 об., 34 об.
- ¹⁶⁴ Там же.— Д. 4.— Л. 65; Д. 10.— Л. 47; ф. 28, оп. 7, д. 4, л. 46, 74 об.
- ¹⁶⁵ Там же.— Д. 4.— Л. 227 об.; Д. 11.— Л. 6 об.— 7, 53; Д. 7.— Л. 59.
- ¹⁶⁶ Там же.— Д. 3.— Л. 260 об.; Д. 7.— Л. 30; Д. 5.— Л. 239 об.; Д. 8.— Л. 116, 493; Д. 4.— Л. 72 об.
- ¹⁶⁷ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 201 об.
- ¹⁶⁸ Крикун М. Г., Кравченко В. М. Торгові зв'язки Волині з Гданськом у середині XVI ст. // Проблеми слов'янознавства. Історія зарубіжних слов'янських народів.— Львів,

- 1987.— Вип. 36.— С. 85, 87.
- ¹⁶⁹ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 239 об.
- ¹⁷⁰ *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 6.— С. 74, 83.
- ¹⁷¹ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 2.— С. 4, 5; *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 145.
- ¹⁷² ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2—14.
- ¹⁷³ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 103 об.
- ¹⁷⁴ Там же.— Л. 111 об.
- ¹⁷⁵ Там же.— Д. 6.— Л. 266; Д. 8.— Л. 344 об.
- ¹⁷⁶ Там же.— Д. 7.— Л. 49 об.
- ¹⁷⁷ Там же.— Д. 3.— Л. 12 об.
- ¹⁷⁸ Там же.— Д. 4.— Л. 83 об.; Д. 7.— Л. 49 об.
- ¹⁷⁹ Там же.— Д. 5.— Л. 238, 239; Д. 4.— Л. 31.
- ¹⁸⁰ Там же.— Д. 8.— Л. 190.
- ¹⁸¹ Там же.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 196, 156 об., 433; ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21632.— Л. 13, 14; *Zr. dz.*— Т. 19.— С. 14.
- ¹⁸² ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 220 об.— 221.
- ¹⁸³ Там же.— Л. 193 об.— 195.
- ¹⁸⁴ Там же.— Д. 4.— Л. 25 об.— 26; Д. 6.— Л. 14.
- ¹⁸⁵ Там же.— Д. 8.— Л. 147, 498 об.— 499 об., 503 об., 506—506 об.
- ¹⁸⁶ Там же.— Д. 6.— Л. 14; Д. 11.— Л. 45.
- ¹⁸⁷ Там же.— Д. 4.— Л. 11; Д. 3.— Л. 224 об.
- ¹⁸⁸ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 2.— С. 27—28, 110, 111.
- ¹⁸⁹ ЦНБ АН УССР.— Ф. 2, д. 22559.— Л. 1; Д. 22313.— Л. 1 об.
- ¹⁹⁰ *Zr. dz.*— Т. 6.— С. 121, 113, 114, 138, 107; Т. 19.— С. 14, 19, 24, 27—30.
- ¹⁹¹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 130 об., 186; Д. 6.— Л. 144, 89 об.; Д. 11.— Л. 187; Д. 7.— Л. 266 об.
- ¹⁹² Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 288; Д. 1.— Л. 82; *Архив ЮЗР.*— Ч. 4, т. 1.— С. 39.
- ¹⁹³ *Zr. dz.*— Т. 6.— С. 122.
- ¹⁹⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 129 об.
- ¹⁹⁵ Там же.— Ф. 23, оп. 1, д. 4.— Л. 308 об.; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 316, 156, 384, 196.
- ¹⁹⁶ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 2, д. 32.— Л. 47 об.— 50.
- ¹⁹⁷ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // *Материалы и исследования по археологии СССР.*— 1953.— № 32.— С. 22, 23, 29, 54.
- ¹⁹⁸ Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII—XIV в.— К., 1982.— С. 98—100.
- ¹⁹⁹ Кубышев А. И. Исследования Комаровского поселения X—XV вв. в 1968 г. // *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*— К., 1968.— С. 241; Мишко Д. І. Соціально-економічні умови формування української народності.— С. 230.
- ²⁰⁰ Мишко Д. І. Соціально-економічні умови формування української народності.— С. 234, 235.
- ²⁰¹ Сербина К. К. Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI—первой половины XIX в.— Л., 1978.— С. 8, 169; *Ее же.* Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI—первой половины XIX в.— Л., 1971.— С. 20, 221.
- ²⁰² ЦГАДА СССР.— Ф. 384, оп. 1, д. 561.— Л. 73.
- ²⁰³ Беляева С. А. Указ. соч.— С. 93.
- ²⁰⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 279.
- ²⁰⁵ Стришенец М. М. Рудни України XVI—першої половини XVII ст. // *Питання історії СРСР.*— Харків, 1975.— Вип. 19.— С. 103.
- ²⁰⁶ Федоренко П. К. Рудни Левобережної України в XVII—XVIII вв.— М., 1966.— С. 32—35.
- ²⁰⁷ Дерев'янкін Т. І. Промисловий переворот на Україні :

Питання теорії та історії.— К., 1975.— С. 129.

²⁰⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 10.— Л. 62; *Сербина К. К.* Очерки из социально-экономической истории Русского города: Тихвин. посад в XVI—XVIII вв.— М., 1951.— С. 85, 86.

²⁰⁹ *Дерев'янкін Т. І.* Вказ. праця.— С. 129.

²¹⁰ *Сванидзе А. А.* Средневековый город и рынок в Швеции.— С. 234.

²¹¹ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 360.

²¹² Там же.— С. 365.

²¹³ ЦГИА УССР.— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 2.—14.

²¹⁴ Там же.— Л. 431 об.— 435.

²¹⁵ Там же.— Д. 7.— Л. 59 об.; Д. 11.— Л. 53.

²¹⁶ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 219 об.— 220.

²¹⁷ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 101 об.; *Зварич В. В.* Нумізматичний словник.— Львів, 1972.— С. 77, 126.

²¹⁸ *Зварич В. В.* Вказ. праця.— С. 122—123; *Котляр М. Ф.* Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV—XVIII ст.— К., 1981.— С. 72, 74, 80, 82.

²¹⁹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 10.— Л. 322; Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 9 об.; *Зварич В. В.* Вказ. праця.— С. 77, 104.

²²⁰ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 120 об.; *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.*— Т. 2.— С. 25.

²²¹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 137—137 об.

²²² *Памятники.*—Т. 1.— с. 557, 558.

²²³ *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 145; *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским.*— Спб., 1892.— Т. 1.— С. 245; *Голобуцький В. О.* Економічна історія Української РСР.— С. 101.

²²⁴ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 112, 113, 161.

²²⁵ Там же.— Л. 112—113.

²²⁶ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 26; Ф. 25, оп. 1, д. 9.— Л. 49, 49 об.

²²⁷ *Історія народного господарства Української РСР : У 3 т., 4 кн.*— К., 1983.— Т. 1.— С. 147.

²²⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 66 об.

²²⁹ *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 145; *Сборник Муханова.*— М., 1856.— С. 147; *Грамоты великих князей литовских и удельных с 1390 по 1569 год.*— С. 92—93; *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 3.— S. 147.

²³⁰ ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22516.— Л. 1.

²³¹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 441 об.; *Акты ЗР.*— Т. 2.— С. 30—33; *Архив ЮЗР.*— Ч. 5, т. 1.— С. 36—37, 47—48; Ч. 8, т. 4.— С. 15; *Сборник Муханова.*— С. 148; *Верзилов А.* Очерки торговли Южной Руси с 1480—1569.— Чернигов, 1898.— С. 36, 37; *Теодорович Н.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии.— Спб., 1889.— Т. 4.— С. 8; *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 3.— S. 48, 57, 70, 80, 82, 84, 87, 88, 157—160, 183, 184, 237, 300, 301, 311; *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego.*— Warszawa, 1886.— Т. 12.— S. 405.

²³² *Історія міст і сіл Української РСР.* Вінницька область.— С. 77; *Історія міст і сіл Української РСР.* Ровенська область.— С. 489.

²³³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 1.— Л. 79.

²³⁴ ЦГАДА СССР.— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 17.— Л. 232 об.— 233.

²³⁵ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 137—137 об.— 432.

²³⁶ Там же.— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 5; *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского*

- в Литве и на Волини.— Т. 1.— С. 312—314.
- ²³⁷ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 265.
- ²³⁸ Сборник РИО.— Т. 35.— С. 10.
- ²³⁹ Там же.— С. 38.
- ²⁴⁰ Там же.— С. 128.
- ²⁴¹ Там же.— С. 174.
- ²⁴² ЦНБ АН УССР.— Отд. рукописей.— Ф. 1, д. 8102.— Л. 273; Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст.— С. 34.
- ²⁴³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 16 об.; Памятники.— Т. 1.— С. 559; Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст.— С. 86.
- ²⁴⁴ Верзилов А. Указ. соч.— С. 11, 12, 21, 22, 27; Мохов Н. А. Дружба ковалась веками: Молдавско-русско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.— Кишинев, 1980.— С. 42; Подградская Е. М. Экономические связи Молдавского княжества и Балканских стран с Русским государством в XVII веке.— Кишинев, 1980.— С. 20, 22.
- ²⁴⁵ Кривонос В. П. Шляхи торгівлі українських земель з Балканами в середині XVI — першій половині XVII ст. // Пробл. слов'янознавства: Історія зарубіж. слов'ян.— Львів, 1979.— Вип. 20.— С. 60—61; Копыцкий З. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.).— С. 160, 167, 168, 204; Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв.— С. 146.
- ²⁴⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 203 об.; Ф. 28, оп. 1, д. 2.— Л. 202 об., 204.
- ²⁴⁷ Памятники.— Т. 1.— С. 559—561.
- ²⁴⁸ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 86.
- ²⁴⁹ Там же.— Д. 6.— Л. 21—21 об.; Д. 7.— Л. 39.
- ²⁵⁰ История Киева: В 3 т., 4 кн.— Т. 1. Древний и средневековый Киев.— С. 215.
- ²⁵¹ ЦГИА УССР.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 43 об.— 44.
- ²⁵² Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 137, 137 об.; Сборник РИО.— Т. 35.— С. 245; Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 2.— С. 276.
- ²⁵³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 182 об.
- ²⁵⁴ Там же.— Д. 4.— Л. 124, 124 об.; Д. 6.— Л. 195 об.; Д. 8.— Л. 16 об.
- ²⁵⁵ Там же.— Д. 6.— Л. 97; Д. 7.— Л. 211.
- ²⁵⁶ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 127 об.; Д. 4.— Л. 86, 308 об.
- ²⁵⁷ Там же.— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 107 об.
- ²⁵⁸ Там же.— Л. 55 об.; Д. 3.— Л. 191 об.
- ²⁵⁹ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 38 об., 39.
- ²⁶⁰ Акты ЗР.— Т. 1.— С. 355.
- ²⁶¹ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 18 об.; Д. 9.— Л. 37.
- ²⁶² ЛНБ АН УССР.— Ф. Радзиминых, д. II, 70, 3. I.— Л. 33.
- ²⁶³ ЦГИА УССР.— Ф. 25, д. 3.— Л. 260, 260 об.
- ²⁶⁴ Там же.— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 43 об.— 44.
- ²⁶⁵ Верзилов А. Указ. соч.— С. 75, 76; Archiwum ks. Sapieżyńskiego. Т. 6.— S. 120.
- ²⁶⁶ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 451 об.; Акты ЗР.— Т. 1.— С. 145; Архив ЮЗР.— Ч. 7, т. 1.— С. 112; Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси.— К., 1880.— Вып. 1.— С. 48.
- ²⁶⁷ ЦГИА УССР.— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 58; Грамоты великих князей литовских и удельных с 1390 по 1569 год.— С. 106—108.
- ²⁶⁸ Хачатурян Н. А. Город в системе феодальной формации // Вопросы истории.— 1983.— № 1.— С. 75, 76.
- ²⁶⁹ ЦГАДА ССРСР.— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 561.— Л. 16, 82; История Киева: В 3 т., 4 кн.— Т. 1.— С. 207.

- ²⁷⁰ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 2.— С. 21.
- ²⁷¹ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 84—86.
- ²⁷² *Там же.*— С. 97—98, 101—103.
- ²⁷³ *ЦГИА УССР.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 711—712 об.
- ²⁷⁴ *Там же.*— Л. 155—157 об., 383—384, 578—578 об., 532—533 об.
- ²⁷⁵ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 187.
- ²⁷⁶ *Там же.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 194—197, 302—309 об., 312—316 об., 456—462 об., 576—577, 582—587 об., 598—601 об., 617 об., 619—622, 630—631 об.
- ²⁷⁷ *Там же.*— Ф. 20, оп. 1, д. 1.— Л. 5—47.
- ²⁷⁸ *Там же.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 423—451 об.; *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22313.— Л. 1 об.— 2 об.
- ²⁷⁹ *Zr. dz.*— Т. 6.— С. 127.
- ²⁸⁰ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 6.— Л. 81; Д. 3.— Л. 5, 5 об.; Д. 4.— Л. 194.
- ²⁸¹ *ЛНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. Радзиминых, д. III, 165, 5.— Л. 9.
- ²⁸² *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 98; Д. 6.— Л. 46; Д. 7.— Л. 156 об.— 157 об.
- ²⁸³ *Там же.*— Д. 3.— 191 об.; Д. 4.— Л. 55; Д. 6.— Л. 150; Д. 7.— Л. 245.
- ²⁸⁴ *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков.— М., 1959.— С. 168.
- Г Л А В А III
- ¹ *Акты ЗР.*— Т. 2.— С. 30—31; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 125, 151, 249.
- ² *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 1.— С. 146, 243, 244.
- ³ *ЦГАДА СССР.*— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 191.— Л. 116—118, 122 об.— 129, 135 об.— 136; *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 135; Д. 6.— Л. 89.
- ⁴ *ЦГАДА СССР.*— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 17.— Л. 232 об.— 233; Д. 191.— Л. 97 об.— 99.
- ⁵ *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 3.— С. 43—48.
- ⁶ *Ibid.*— Т. 3.— С. 164.
- ⁷ *РИБ.*— Т. 20.— С. 686, 687.
- ⁸ *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 1.— С. 78.
- ⁹ *Ibid.*— Т. 3.— С. 100.
- ¹⁰ *Ibid.*— С. 134.
- ¹¹ *Архив ЮЗР.*— Ч. 5, т. 1.— С. 36.
- ¹² *Там же.*— Т. 8.— С. 105, 106.
- ¹³ *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22435.— Л. 4, 5 об.; *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Вольни.*— Т. 1.— С. 11, 12.
- ¹⁴ *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 6.— С. 124, 125.
- ¹⁵ *Ibid.*— С. 162—166, 170.
- ¹⁶ *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 81, 82, 94, 95, 111, 175, 594, 595, 601, 602.
- ¹⁷ *ЦГАДА СССР.*— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 561.— Л. 31; *ЦГИА УССР.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 40—52.
- ¹⁸ *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 6.— С. 230, 231.
- ¹⁹ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 35; Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 155—157 об., 194—196, 309 об., 316, 384, 451 об.; *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 21634.
- ²⁰ *Первый Литовский Статут.*— С. 1.
- ²¹ *Статут 1566 года.*— С. 43.
- ²² *Bårdach J.* Miasta na prawie magdeburским w Wielkim księstwie Litewskim od schyłku XIV do połowy XVII stulecia // *Kwartalnik historyczny.*— 1980.— N 1.— С. 34.
- ²³ *Первый Литовский Статут.*— С. 118.
- ²⁴ *Архив ЮЗР.*— Ч. 5, т. 8.— С. 44.
- ²⁵ *Статут 1566 года.*— С. 57.
- ²⁶ *Первый Литовский Статут.*— С. 122.
- ²⁷ *Там же.*— С. 34; *Статут 1566 года.*— С. 26.
- ²⁸ *Статут 1566 года.*— С. 199.
- ²⁹ *Volumina legum.*— Petersburg.— 1859.— Т. 2.— С. 8.
- ³⁰ *Bardach J.* Op. cit.— С. 24.

- ³¹ *Статут 1566 года.*— С. 56.
- ³² *Там же.*— С. 90, 91.
- ³³ *Первый Литовский Статут.*— С. 52; *Статут 1566 года.*— С. 158.
- ³⁴ *Статут 1566 года.*— С. 166, 167; *Первый Литовский Статут.*— С. 50, 114, 166.
- ³⁵ *Владимирский - Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве.*— С. 127.
- ³⁶ *ЦГИА УССР.*— Ф. 28, оп. 1, д. 1.— Л. 79.
- ³⁷ *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 144—146.
- ³⁸ *Там же.*— С. 145.
- ³⁹ *Русская Правда по спискам академическому, карамзинскому и троицкому.*— М.; Л., 1934.— С. 18, 13, 21.
- ⁴⁰ *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 145; *Русская Правда по спискам академическому, карамзинскому и троицкому.*— С. 21—23.
- ⁴¹ *Архив ЮЗР.*— Ч. 8, т. 5.— С. 85.
- ⁴² *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, л. 11.— Л. 87 об.; *Архив ЮЗР.*— Ч. 7, т. 1.— С. 81, 94, 587.
- ⁴³ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 7.— Л. 41 об.
- ⁴⁴ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 4.— Л. 106, 106 об.; Д. 11.— Л. 66 об.— 68.
- ⁴⁵ *ЦГИА УССР в г. Львове.*— Ф. 181, оп. 2, д. 320.— Л. 1.
- ⁴⁶ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 5.— Л. 198, 198 об.; Д. 6.— Л. 257 об.— 258.
- ⁴⁷ *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 3.— Л. 71 об., 107 об.; Д. 7.— Л. 120 об.
- ⁴⁸ *Там же.*— Д. 4.— Л. 128; Д. 6.— Л. 74, 74 об.; Д. 7.— Л. 43, 138, 392.
- ⁴⁹ *Там же.*— Д. 10.— Л. 157 об.; Д. 7.— Л. 374, 374 об.
- ⁵⁰ *Там же.*— Д. 11.— Л. 246 об.
- ⁵¹ *Там же.*— Д. 6.— Л. 90, 195 об.
- ⁵² *Там же.*— Д. 11.— Л. 483.
- ⁵³ *Исаевич Я. Д. Город Дрогобыч в XVI—XVIII вв. // Города феодальной России.*— С. 165, 166; *Isajewicz J. Uwagi w sprawie oceny prawnej istoty i społecznej treści miejskich jurydyk w dawnej Rzeczypospolitej // Czasopismo prawno-historyczne.*— Warszawa, 1959.— Т. 11.— Зeszyt 1.— С. 148—150.
- ⁵⁴ *Архив ЮЗР.*— Ч. 6, т. 1.— С. 62.
- ⁵⁵ *РИБ.*— Т. 20.— С. 689, 690.
- ⁵⁶ *ЦГАДА СССР.*— Ф. 389, оп. 1, ч. 1, д. 561.— Л. 63—66.
- ⁵⁷ *Там же.*— Л. 66—66 об.
- ⁵⁸ *Zr. dz.*— Т. 6.— С. 124, 125.
- ⁵⁹ *ЦГИА УССР.*— Ф. 28, оп. 1, д. 4.— Л. 21.
- ⁶⁰ *Там же.*— Ф. 25, оп. 1, д. 11.— Л. 125 об.— 126 об.
- ⁶¹ *Там же.*— Ф. 44, оп. 1, д. 1.— Л. 441—450 об.; *Акты ЗР.*— Т. 1.— С. 355.
- ⁶² *ЦГИА УССР.*— Ф. 25, оп. 1, д. 8.— Л. 11 об.; Д. 11.— Л. 259 об.
- ⁶³ *ЛНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. Радзиминых, д. II, 70, 3. I.— Л. 48.
- ⁶⁴ *Там же.*— Д. 6.— Л. 198 об.
- ⁶⁵ *Там же.*— Л. 258 об.; *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 2, д. 22215.— Л. 1—6 об.
- ⁶⁶ *Маркевич О. Невідомо грамота князя Льва Даниловича // Арх. України.*— 1968.— № 5.— С. 27.
- ⁶⁷ *Pazyra S. Geneza i rozwój miast mazowieckich.*— Warszawa, 1959.— С. 188; *Bardach J. Op. cit.*— С. 27.
- ⁶⁸ *Копыцкий З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI—первой половине XVII в.*— С. 79.
- ⁶⁹ *ЦНБ АН УССР.*— Отд. рукописей.— Ф. 1, д. 8173; *Акты ЮЗР.*— Т. 2.— С. 151; *Архив ЮЗР.*— Ч. 1, т. 6.— С. 20; Ч. 5, т. 1.— С. 36, 37, 60—62; Ч. 7, т. 1.— С. 212, 213; *История Киева: В 3 т., 4 кн.*— Т. 1. Древний и средневековый Киев.— С. 205; *Історія міст і сіл Української РСР. Волинська область.*— С. 55, 94; *Archiwum ks. Sanguszków.*— Т. 1.— С. 114, 115, 151; Т. 3.— С. 120—122, 157—160, 183, 184; *Danilo-*

- wicz I. Op. cit.—Т. 2.—S. 177; *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego*.—Т. 1.—S. 213, 214.
- ⁷⁰ *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы.—М., 1961.—С. 384—389.
- ⁷¹ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 22193.—Л. 1 об.; *Архив ЮЗР*.—Ч. 5, т. 1.—С. 4.
- ⁷² *РИБ*.—Т. 20.—С. 728, 729.
- ⁷³ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 22193.—Л. 2 об.
- ⁷⁴ *Там же*.—Л. 2.
- ⁷⁵ *Архив ЮЗР*.—Ч. 5, т. 1.—С. 4.
- ⁷⁶ *Groicki V. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej*.—Warszawa, 1953.—S. 67—69, 71—73, 76, 80.
- ⁷⁷ *ЦГИА УССР*.—Ф. 25, оп. 1, д. 8.—Л. 51 об.—52.
- ⁷⁸ *Там же*.—Д. 6.—Л. 227 об.—228.
- ⁷⁹ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 21631.—Л. 2—6.
- ⁸⁰ *Groicki V. Op. cit.*—S. 29.
- ⁸¹ *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы.—С. 387.
- ⁸² *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 21632.—Л. 3.
- ⁸³ *ЦГИА УССР*.—Ф. 280, оп. 1, д. 98.—Л. 2 об.
- ⁸⁴ *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы.—С. 386, 387.
- ⁸⁵ *ЦГИА УССР*.—Ф. 25, оп. 1, д. 8.—Л. 58 об.—59, 88; *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 21633.—Л. 2—4; Д. 21632.—Л. 5.
- ⁸⁶ *ЦГИА УССР*.—Ф. 28, оп. 1, д. 4.—Л. 20.
- ⁸⁷ *Там же*.—Ф. 25, оп. 1, д. 11.—Л. 125 об.—126 об.
- ⁸⁸ *Там же*.—Д. 4.—Л. 103, 103 об., 111, 111 об.; Д. 5.—Л. 193 об.—195; Д. 11.—
- Л. 155 об.—156, 158 об.—160 об.
- ⁸⁹ *Архив ЮЗР*.—Ч. 5, т. 1.—С. 46.
- ⁹⁰ *Малиновский И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов—рады Великого княжества Польского: Дополнения.—Томск, 1912.—С. 77.
- ⁹¹ *ЦГИА УССР*.—Ф. 25, оп. 1, д. 8.—Л. 59; *Малиновский И.* Указ. соч.—С. 80, 81.
- ⁹² *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 22215.—Л. 6 об.
- ⁹³ *Малиновский И.* Указ. соч.—С. 101, 102.
- ⁹⁴ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 22193.—Л. 1 об.; Д. 21633.—Л. 1.
- ⁹⁵ *Отамановский В. Д.* Указ. соч.—С. 127.
- ⁹⁶ *Иванишев В. Д.* Сочинения.—К., 1876.—С. 237.
- ⁹⁷ *Клепатский П. Г.* Указ. соч.—С. 493; *Мишко Д. І.* Соціально-економічні умови формування української народності.—С. 206, 207.
- ⁹⁸ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 22127.—Л. 55 об.
- ⁹⁹ *Там же*.—Д. 21632.—Л. 3, 6, 7, 7 об.; Д. 21632.—Л. 1, 2.
- ¹⁰⁰ *ЦНБ АН УССР*.—Отд. рукописей.—Ф. 2, д. 21632.—Л. 2, 7—13; Д. 21634.—Л. 6, 7.
- ¹⁰¹ *Там же*.—От. рукописей.—Ф. 2, д. 22193.—Л. 1 об., 3 об.; Д. 21633.—Л. 1.
- ¹⁰² *ЦГИА УССР*.—Ф. 28, оп. 1, д. 4.—Л. 190 об.—191 об.; Д. 4.—Л. 137 об.
- ¹⁰³ *ЦГАДА СССР*.—Ф. 389, оп. 2, д. 32.—Л. 11 об., 35.
- ¹⁰⁴ *Акты ЗР*.—Т. 1.—С. 172.
- ¹⁰⁵ *Архив ЮЗР*.—Ч. 5, т. 1.—С. 60.
- ¹⁰⁶ *ЦГИА УССР*.—Ф. 25, оп. 1, д. 3.—Л. 38, 38 об.; Д. 6.—Л. 74, 74 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Города и местечки украинских земель в составе Великого княжества Литовского

№ п/п	Города и местечки	Воеводство	Правовой статус
<i>Крупные города</i>			
1	Киев *	Киевское	великокняжеский
2	Брацлав *	Брацлавское	»
3	Кременец *	Волынское	»
<i>Средние города</i>			
4	Берестечко	Волынское	частновладельче- ский
5	Винница *	Брацлавское	великокняжеский
6	Владимир *	Волынское	»
7	Дубно *	»	частновладельче- ский
8	Збараж *	»	»
9	Житомир *	Киевское	великокняжеский
10	Канев *	»	»
11	Ковель	Волынское	»
12	Константинов	»	частновладельче- ский
13	Литовеж *	»	великокняжеский
14	Луцк *	»	»
15	Олыка	»	частновладельче- ский
16	Острог *	»	»
17	Соколь	»	»
18	Степань *	»	»
19	Торчин *	»	церковный
20	Турыйск *	Волынское	частновладельче- ский
21	Черкаassy *	Киевское	великокняжеский
<i>Малые города</i>			
22	Белая Церковь	Киевское	великокняжеский
23	Белев	Волынское	частновладельче- ский

Продолжение

№ п/п	Города и местечки	Воеводство	Правовой статус
24	Выжва	»	великокняжеский
25	Звенигород (Луцкий повет)	»	частновладельче- ский
26	Заславль *	»	»
27	Клевань	»	»
28	Корец *	»	»
29	Красилон	»	»
30	Локачи	»	»
31	Любеч *	Киевское	великокняжеский
32	Межирич	Волинское	частновладельче- ский
33	Миляннвичи	»	великокняжеский
34	Несухоежи	»	частновладельче- ский
35	Овруч *	Киевское	великокняжеский
36	Остер *	»	»
37	Острожец	Волинское	частновладельче- ский
38	Оручев	»	»
39	Переяслав *	Киевское	великокняжеский
40	Полонное *	Волинское	»
41	Ровно *	»	частновладельче- ский
42	Тарговица *	»	»
43	Чернобыль *	Киевское	великокняжеский
44	Чуднов *	»	»
45	Шульжинцы	Волинское	частновладельче- ский
<i>Местечки</i>			
46	Андреев	Волинское	частновладельче- ское
47	Алексинец	»	»
48	Березно **	»	»
49	Белгородка (Белгород) * (Киевский повет)	Киевское	великокняжеское
50	Белгородка (Кременецкий повет)	Волинское	частновладельче- ское
51	Берездов	»	»
52	Берестко	»	»
53	Богурич	»	»
54	Боремль	»	церковное
55	Бужаны	»	частновладельче- ское
56	Верба	»	»
57	Вербовец	»	»
58	Вишневец *	»	»
59	Высоцк	»	»
60	Вышгородок	»	»

Продолжение

№ п/п	Города и местечки	Воеводство	Правовой статус
61	Голятин	Волынское	частновладельче-
62	Городище	»	ское
63	Городище	Киевское	»
64	Горохов	Волынское	»
65	Гоша	»	»
66	Грицев	»	»
67	Губков	»	»
68	Добрятин	»	»
69	Дорогобуж	»	»
70	Дорогостай	»	»
71	Дорофиевцы	»	»
72	Дубровица	»	»
73	Жарнов	»	»
74	Жеславль	»	»
75	Жидичин	»	церковное
76	Жуков	»	частновладельче-
77	Загорово	»	ское
78	Звенигород (Звенигородский повет)	Брацлавское	великокняжеское
79	Звягель *	Волынское	»
80	Здолбица	»	частновладельче-
81	Ивница	Киевское	ское
82	Камень (Кашир- ский)	Волынское	великокняжеское
83	Камень (Човган)	»	частновладельче-
84	Квасов	»	ское
85	Киликиев	»	церковное
86	Коблин	»	частновладельче-
87	Козин	»	ское
88	Колки	»	»
89	Колодно	»	»
90	Корница	»	»
91	Кошер *	»	»
92	Кричильск	»	»
93	Крупа	»	»
94	Кузьмин	»	»
95	Куликов	»	»
96	Лановцы	»	»
97	Левков	Киевское	»
98	Любче	Волынское	»
99	Ляховцы	»	»
100	Ляшки	»	»
101	Маначин	»	»
102	Матеев	»	»
103	Мельница *	»	»
104	Меренин	»	»
105	Мизяков	Брацлавское	великокняжеское

Продолжение

№ п/п	Города и местечки	Воеводство	Правовой статус
106	Милятин	Волынское	частновладельческое
107	Млынов	»	»
108	Муравица	»	»
109	Ожеговцы	»	»
110	Озеряны	»	»
111	Олевск	Киевское	церковное
112	Перемиль *	Волынское	частновладельческое
113	Пересопница **	»	великокняжеское
114	Пиков	Брацлавское	частновладельческое
115	Поворск	Волынское	»
116	Поповцы	»	»
117	Почаев **	»	»
118	Полишенцы	Киевское	»
119	Порицк *	Волынское	»
120	Радивиллов	»	»
121	Рожище	»	церковное
122	Романов	Киевское	частновладельческое
123	Сатиев	Волынское	»
124	Свинюхи	»	»
125	Столпин	»	»
126	Стрьевка	»	»
127	Судилков	»	»
128	Теслугов	»	»
129	Тесов	»	»
130	Тивров	Брацлавское	»
131	Топорише	Киевское	»
132	Тучин	Волынское	»
133	Устилуг	»	»
134	Хабное	Киевское	»
135	Хиничи	Волынское	»
136	Хлапотин	»	»
137	Хорлуп	»	церковное
138	Хотышев	»	частновладельческое
139	Хренники	»	»
140	Чарторыйск	»	»
141	Черняхов	Киевское	»
142	Четвертня	Волынское	»
143	Шпаков	»	»
144	Шпанов	»	»
145	Шумбар	»	»
146	Шумск	»	»
147	Янушполь (Ямполь)	»	»
148	Ярунь	»	»

* Города, существовавшие в конце XV в.

** Предполагаемый статус.

Перечень специальностей в городском ремесле, промыслах и торговле на Украине (60-е годы XVI в.)

Пищевое производство и винокурение

1. Бражники	9. Мякинники
2. Винники	10. Мясники (резники)
3. Кабатчики	11. Пекари
4. Калачники	12. Пивовары
5. Козерезы	13. Повара
6. Крупенники	14. Проскурники
7. Масляники	15. Салотопы
8. Мельники	16. Солодовники

Кожевенное производство и изготовление изделий из кожи

17. Гарбари	23. Седельники
18. Дубильщики	24. Сумники
19. Дуботовки	25. Сыромятники
20. Калитники	26. Чеботари
21. Красники	27. Шорники
22. Сапожники	28. Юхтенники

Обработка шерсти и изготовление полотна

29. Стригальщики	32. Ткачи
30. Стригальщики сукна	33. Шаповалы
31. Сукояники	

Изготовление одежды и шапок

34. Барвари	36. Скорняки
35. Портные	37. Шапочники

Кузнечно-слесарное производство, оружейное и ювелирное дело

38. Бехтерники	сельскохозяйственных ору-
39. Замочники	дий труда
40. Збройники (бронники)	49. Лучники
41. Зекгармистры (часовщики)	50. Медники
42. Золотари (ювелиры)	51. Мечники
43. Кольчужники-панцирники	52. Ножовщики
44. Конвисары	53. Пушкар
45. Котельники	54. Сабельщики
46. Кузнецы-универсалы	55. Сагайдачники
47. Кузнецы-инструменталь-	56. Слесари
щники	57. Стрельники
48. Кузнецы, специализировав-	58. Шлемники
шиеся по производству	

Деревообделочное производство

59. Бондари	65. Плотники
60. Бочечники	66. Ситники
61. Гребенники	67. Столяры
62. Каретники	68. Токари
63. Колесники	69. Шкатулочники
64. Комяжные мастера	

Строительство и керамическое производство

70. Вапенники	74. Кирпичники
71. Гончары	75. Мытники
72. Грабари	76. Печники
73. Каменщики	77. Шафари строительных работ

Промыслы

78. Будники	85. Селитряники
79. Дегтяри	86. Смольники
80. Дровосеки	87. Стекольщики
81. Землевозы	88. Угольщики
82. Пороховщики	89. Шафари поташных буд
83. Рудники	90. Шафари рыбного промысла
84. Рыбаки	

Транспорт

91. Возницы	93. Паромщики
92. Осначи	94. Перевозчики

Торговля и ростовщичество

95. Коробейники	101. Перекупни хлебные
96. Крамари	102. Прасолы
97. Купцы	103. Ростовщики
98. Перекупни рыбные	104. Скупщики текстильного сырья
99. Перекупни суконные	105. Соляники
100. Перекупни съестными припасами	106. Торговцы «едвабными речами»

Специальности, связанные с ведением сельского хозяйства

107. Бобровники	112. Жеребятники
108. Бортники	113. Пастухи
109. Виноградари	114. Пасечники
110. Воловники	115. Стадники
111. Городники	

Прочие ремесленные и другие специальности

116. Аптекари	125. Мытники
117. Бакаляры	126. Органисты
118. Водовозы	127. Охотники
119. Воскобойники	128. Работники
120. Дударь	129. Скрипники
121. Иконописцы	130. Толмачи
122. Лазебники (банщики)	131. Трубачи
123. Лекари	132. Цепнари
124. Маляры	133. Цирюльщики

*Некоторые меры и денежные единицы, бывшие
в употреблении на украинских землях в XVI в.*

Меры длины

Локоть — от 29,8 до 73,2 см	Штука полотна — в среднем
Постав сукна — в среднем 30—	48 локтей
36 локтей	Штука других тканей — от 30
	до 79 локтей

Меры поверхности

Волока — 30 моргов, или	Прут — 7 локтям
21,36 га	Прут лановой — 1080 кв. прута
Лан — равнялся в основном	волоке
Морг — около 0,7 га	Шнур — 22,84 сажня

Меры массы

Фунт = 372—406,697 г	Камень — от 32 до 40 фунтов
----------------------	-----------------------------

Меры насыпные

Бочка солянка ржи — 6 пудам	Лашт = 2 тоннам
(использовались бочки на 12,	Маца = 8 пудам
24 и 32 пуда)	Фаска масла = 30 квартам
Корец = 6 пудам	

Меры жидкости

Бочка меда, пива, водки = 36—	Гарнец — 4 квартам
122 гарнцам	

Денежные единицы

Грош = 10 пенязям (денариям)	Широкий (пражский) грош-
литовским	12 литовским пенязям
Копя — 60 литовским грошам	Таляр = 30 польским грошам
Золотой польский-30 грошам	Червонный золотой (флорин)-
польским (24 грошам литов-	32—50 польским грошам
ским)	

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрам 86
 Абрамович Зраил 31
 Аврашкович 31, 149
 Айзак 89
 Александр, великий князь литовский 11, 114, 131, 132, 153, 154, 160, 163, 166
 Александрович С. 197
 Алексеев Григорий 134
 Андрей 29, 139
 Андриюшка 169
 Андриюшко 32
 Антонец 128
 Антонович В. Б. 4, 194
 Апошнян 28
 Артюхович Грин 126
- Бабинский Андрей 124
 Бабич Максим 34
 Балаш Ян 160
 Балиньский М. 4, 194
 Баранович А. И. 14, 195, 197
 Барбер 34
 Бардах Ю. 207, 210
 Бартыш Я. 203
 Батый 4
 Белостоцкий Олехно 169
 Беляева С. А. 201, 206
 Билецкая В 202
 Березейский Иван 32
 Бершадский С. А. 197
 Билецкая В. 202
 Бобровник Левко 167
 Богдановская Федора 168
 Богданович Никита 28, 33
 Богоявленский С. К. 202
 Богушева 81
 Болгак 111
 Бона 121
- Бондар 34
 Боплан Г. 36, 76
 Борзобогатый (Борзобогатый-Красенский) 31, 48, 61, 74, 107—110, 127
 Ботуга Миско 33
 Брагина Л. М. 205
 Брокгауз Ф. А. 205
 Буганов В. И. 205
 Булгакович Самойло 118
 Бутович Федор 33
 Бух Иван 33
- Васко 29
 Величко Матвий 33
 Верзилов А. 207, 208
 Вестерфельд А. 36, 54
 Виноградов Г. Н. 204, 205
 Владимирский-Буданов М. Ф. 4, 164, 194, 210
 Владычка Грицко 25
 Влох Ганибель 31, 89
 Водарский Я. Е. 196
 Войтович Сенко 79, 183
 Волович Остафий 27, 88
 Волос 29
 Ворона 70
 Вороновицкий Юрий 172
 Воронович Антон 33
 Воронович Илко 40
 Воронович Олехно 38, 183
- Гапон 147
 Гасан 32
 Гаштовтович Мартин 155
 Герасименко Антон 166
 Глогер З. 202
 Годованюк Е. М. 200
 Граевский Кристоф 108

- Граевский Станислав 40, 64, 69, 111
 Голобуцкий В. А. 5, 195, 197, 199, 207
 Головня-Острожецкий Андрей 74
 Головня Федор 61
 Гольшанская 89
 Гостские 32
 Гостский Ерофей 110
 Готенбиенский Л. 203
 Гошвич Шмойло 173
 Гошкович 173
 Грибич 116
 Грин 31, 81, 169
 Грицкевич А. П. 13, 21, 196, 198, 208
 Гришкович Иван 33
 Гроицкий Б. 211
 Грушевский М. С. 4, 194
 Гулевич Василий 140
 Гулевич Григорий 116
 Гулевич Роман 111
 Гурец 100
 Гуслистый К. 195
 Гутнова Е. В. 198
 Давид 117
 Данилович И. 196 211
 Дахновая 171
 Дашкович Вакула 84
 Дашкович Иван 33
 Дембинский Криштоф 167
 Денисов Е. Н. 201, 202
 Денисова М. М. 201, 202
 Деревянкин Т. И. 207
 Дешковский Богдан 40
 Добрилчицкий Яцко 109
 Довнар-Запольский М. В. 3, 194
 Дорогостайский Николай 77
 Дрозденский Михаил 149
 Дроневиц Федец 33
 Дуброва Петр 89
 Дудка Миско 33
 Езерский Василий 80
 Еловицкий 32
 Еропкин Михаил 134
 Есманович Хазко 140
 Ефрон Н. А. 205
 Жало Ходко 33
 Жеславский Януш 141
 Жоравницкий Марко 109
 Жос Емельян 167
 Завада 40
 Загоровский Василий 112, 113
 Загоровский Петр 27, 86
 Закревский Федор 168
 Занко 111, 178
 Запаско Я. П. 204
 Зарецкий Ян 117
 Збаражская Николаева 168
 Збаражский 32
 Збаражский Николай 119
 Зварич В. В. 207
 Зельман 89
 Золотар 34
 Зраилович Идель 141, 142
 Зубар Созон 167
 Иван 167
 Иван Олехнович 127
 Иванец 116
 Иванишев Н. Д. 182, 211
 Иванович Иван 115
 Иванковский Богдан 168
 Издебский Станислав 186
 Изкович Мошко 139
 Иконник 34
 Иконникович Яроцкий 110
 Ильяш 116
 Ильяшевич Лейзор 80
 Иоан 174
 Исаевич Я. Д. 169, 195, 201, 210
 Казимир IV (Ягелончик) 134, 155, 160
 Капля Василий 34, 120, 139
 Кардашевич С. 4, 195
 Карлов В. В. 196
 Келемет Иван 80, 81 128
 Кирдей-Мыльский 108
 Кирдей-Мыльский Олизар 110
 Кириллова А. А 204
 Кирпичников А. Н. 201
 Киселевич Ярмолец 25
 Кислович Миско 33
 Кись Я. П. 195, 198
 Клепатский П. Г. 194, 199, 211
 Клохович К. 202
 Кмитич Крыштоф 156
 Коблинский Ян 115
 Кобыльский Ян 150
 Коваль 34
 Ковальский Н. П. 204, 205
 Козека 42
 Козинский 141
 Козинский Михаил 112, 142
 Козютич Ермолай 117
 Кокис Семен 167
 Колчин Семен 167
 Колчин Б. А. 206

- Коляда Василий 32
 Компан Е. С. 14, 101, 191, 205
 Конаш 25
 Кондратович Опанас 33
 Константин 71, 156
 Копысский З Ю. 13, 196, 203, 205, 208, 210
 Копыстенский Андрей 132
 Кордт В. 199
 Корецкий Богуш 130, 166
 Королевич Кузьма 167
 Косточкин В. В. 200
 Костя 109
 Котляр 34
 Котляр Н. Ф. 207
 Кошерские 140
 Кошерский Александр 117
 Кравченко В. М. 206
 Крамар 34
 Кресальный Н. И. 199, 200
 Кривкович Гнат 80
 Кривкович Василий 28
 Кривонос В. П. 208
 Кривый Василий 33
 Кривый Пашко 34
 Крикун М. Г. 206
 Крипякевич И. П. 14, 197
 Крот В. А. 198
 Крупский Иероним 112
 Крутоус Павлюк 33
 Круш Франц 55
 Кубышев А. И. 206
 Куза А. В. 13, 196
 Кулеевска-Топольска З. 197
 Куликович Иванец 33
 Купчич Андрей 109
 Курбский Андрей 27, 85, 110, 157
 Кутовой А. И. 200
 Кутшеба С. 5, 195
 Кучера М. П. 200
 Кучинко М. М. 53, 201
 Кушнир 34
- Лаврикович Иван 33
 Лазорович Перец 31
 Ланко 74
 Ласский Ольбрехт 105, 108, 130, 154
 Лев Данилович 173
 Легонович Иван 33
 Левкович Юско 33
 Ледаховский 32
 Ленин В. И. 86, 101, 203, 205
 Ленц Э. 202
 Леонтович Ф. И. 3 194
 Липиньский Т. 4, 194
- Листопад Микита 33
 Литвин Михалон 135, 143
 Лодижич Томило 115
 Лось Иван 126
 Лудович Максим 184
 Лудович Федор 175
 Лукаш 116, 148
 Лукашевич Василий 79, 118
 Лукин Гриць 134
 Лукьянович Василий 31, 115, 149
 Лысаковский Николай 29, 55, 126
 Любавский М. К. 3, 194, 195
 Любарт Гедиминович 49
 Любецкий Богуш 119
 Ляскоронский В. Г. 199, 201
- Мавродин В. В. 196
 Малиновский И. 211
 Малинский Михаил 140, 181, 182
 Малко 25
 Маркевич А. 210
 Маркевич В. Е. 202
 Маркина В. А. 197
 Маркс К. 16—18, 85—87, 91, 92, 125, 197, 203—205, 207
 Мартынюк А. И. 195, 201
 Мартин 93
 Мартинец 29
 Марушка 80
 Масальская Анна 33
 Масальский Андрей 33
 Масальский Иван 117
 Маслово Г. С. 203
 Матейко К. И. 202, 203
 Матуш 148
 Матфеец 29
 Мацко 29
 Мацько Иван 33
 Матыс 74, 165
 Мелешкович Семен 149
 Менгли-Гирей 26
 Миклаш 63, 148
 Мисанович Батко 106, 107, 115, 117, 141, 150
 Мисановичи 31, 150
 Миско 78
 Миткович Андрей 167
 Михайлина П. В. 15, 197
 Михайлович Петр 156
 Мицевич Иван 148
 Мишка 112
 Моитсохович Богдан 167
 Мохов Н. А. 208
 Мулярович Лаврин 93

- Мышка-Варковский 17, 167
 Мышко Д. И. 5, 195, 204—206, 211
 Налистен Денис 166
 Налистен Иван 166
 Натанович Яцко 110
 Неволин К. А. 3, 194
 Неколодко Ходко 33
 Некрашевич-Бережецкий Фар-лей 178
 Нельговский Ю. А. 200
 Несвицкие 32
 Никифор 148
 Николаева Т. А. 203
 Николай 142
 Никольский В. А. 201, 202
 Овсийчук В. А. 200
 Огородникович Миско 40, 140
 Ожаровский 140
 Олехнович Федор 126
 Олифер 147
 Омелянович Степан 33
 Омелянские 107
 Омельян 116
 Остафий 147
 Острожская Беата 108, 158, 167, 168
 Острожский Константин 27, 64, 109, 130, 153, 154, 168, 170
 Острожский Михаил 153, 154
 Острожские 153
 Отамановский В. Д. 5, 182, 195, 211
 Осыка Федор 148
 Охманьский Я. 197
 Павлович Яков 167
 Павлюк 29
 Пазыра С. 210
 Парфен 172, 173
 Пархомец 29
 Пашкович Гнат 33
 Пашкович Костюк 33
 Петрик 167
 Петрович Калиш 33, 128
 Петрович Станислав 155
 Пиво Степан 33
 Пинчук Федор 117
 Плескач Иван 33, 80 88
 Плющ Наум 33
 Подгаецкая Таца 149
 Подградская Е. М. 208
 Половко Грицько 33
 Половко Грицько 33
 Полозович Петрик 33
 Полх Иван 84, 85
 Полянский Ф. Я. 204
 Попович Богдан 33
 Портнов М. Э. 201, 202
 Посолейко Григорий 33
 Пострыгач 34
 Потап 100
 Потапович Богдан 33
 Похильый Лучка 33
 Преображенский А. А. 205
 Прихожий Даниил 148
 Пронский 55
 Птасьник Я. 204
 Пушкар 34
 Пудловский 93
 Пшездецкий А. 4, 194
 Рабеевич Шмойло 110
 Рабинович М. Г. 203
 Радивилл Николай 48, 104, 154
 Радко 78
 Рапов О. М. 196
 Раппопорт П. А. 196
 Растец 116
 Рашба Н. С. 198
 Ризнык 34
 Ровенская Мария 154
 Рог 155
 Рогозинские 186
 Розовский Стас 167
 Рой 32
 Роман 156
 Романович Сенко 33
 Романовский Станислав 71, 88
 Рудецкий 33
 Рудецкий Федор 169
 Руднык Щасный 79
 Рудый Иван 33
 Русин Андрей 120
 Русин Федор 78
 Рыбаков Б. А. 195
 Рыбарский Г. 204
 Рымар 34
 Рыт Иероним 137
 Савинич Иван 166
 Савка 25, 29
 Саввантов П. 201
 Сало Мартинец 33
 Самойло 79
 Сангушкович Александр 168
 Сангушкович Андрей 153—155
 Сангушкович Дмитрий 157
 Сангушкович Роман 142
 Сангушкович Ярослав 167
 Сангушкович-Кошерский Лев 99, 117, 150
 Сахаров А. М. 196, 209

- Сванидзе А. А. 204, 205, 207
 Свешников И. 202
 Себастьян 168
 Семашковая София 118
 Семенович Яков 70
 Сенко 29
 Сенкович Паско 79
 Сенькевич Никита 167
 Сениота 32
 Сербина К. К. 206, 207
 Сербинная Михайлова 139
 Сигизмунд I 31, 91, 131, 132, 153—155, 163, 176
 Сигизмунд II Август 97, 120, 131, 156, 157, 160, 175, 184
 Сидоренко В. А. 201, 202
 Сикгнатор Ян 175
 Скерковский Матвей 177
 Скрепа Ян 118
 Скубедриная Михайлова 32, 148
 Скубейда Михаил 121
 Скубейда Олехно 31, 120
 Скубейда Петр 120
 Слаский Б. 204
 Слюсар 34
 Сокол Станислав 112
 Соколов Н. П. 204, 205
 Сокольские 110
 Солодовник 34
 Сорока 153
 Сосницкий Богдан 109
 Стамеров К. К. 202, 203
 Степанец 25
 Стефан Баторий 91, 94
 Стецкий Т. 4, 194
 Стецко 25
 Стецкович Яцко 109, 110
 Стоклицкая-Терешкович В. В. 204
 Стримилецкие Лащи 55
 Стришенец М. М. 207
 Стужинский Станислав 71
 Сурин Гордей 28
 Сурин Потей 28
 Сухоносевич Степан 117

 Тарасюк Л. 202
 Тасованный Степан 79
 Теодорович Н. 207
 Тесля 34
 Тимар 137
 Тимко 29
 Тимофеева Е. Т. 204, 205
 Тимош 104
 Тихомиров М. Н. 196
 Тихонов Ю. А. 205

 Тищенко О. 200
 Товстоногович Федько 533
 Труш 120
 Турнау И. 203
 Туровский Себастьян 167
 Турчинин Абрам 134

 Улащик Н. Н. 202, 203

 Фалчевский Франц 141
 Федец 78
 Федко 85, 185
 Федор 140
 Федоренко П. К. 207
 Федорович Григорий 85
 Фома 85
 Фроянов И. Я. 196

 Халява Миско 33
 Хамко 136
 Хачатурян Н. А. 144, 209
 Хмель Станислав 167
 Хоболтовский 42
 Хомич Тишко 33
 Хомяк Федор 182
 Хоревский Ян 112
 Хорошко Шмойло 139
 Хренницкий Богдан 74, 79

 Цыбулька Федот 33

 Чалый Васько 33
 Чаплич-Шпановский Григорий 80, 88, 141
 Чаплич-Шпановский Иван 107
 Чапличи 33
 Чарторыйские 158
 Чарторыйский А. 171
 Чарторыйский Иван 51
 Чарторыйский Федор 155
 Чатоп Стецко 79
 Черевчей 41, 119
 Черевчей 148
 Чернодолинский Пашко 120
 Четвертинская Авдотья 141
 Четвертинский Матвей 171
 Чижевич Моисей 70
 Чорный Федько 33
 Черт Иван 33

 Шабульдо Ф. М. 195, 196
 Шаповал 34
 Швець 34
 Швидько А. К. 15, 99, 195, 197, 204, 205
 Шимич 127
 Шимко 116

Шимкович Тимош 59
Шмарко 172, 173
Шмойлович Ицко 172
Шпаковские 117
Шотыга Дмитро 33
Шумский 32
Щетинка Васко 117

Щока Боголюбец Юско 181
Щуревич Грицко 59, 71

Эдигей 46
Эммануил 128
Энгельс Ф. 3, 16, 27, 43, 91, 92,
191, 137, 198, 200, 204

Юнас 104, 105
Юрьев Михаил 134
Юско 80, 139
Юхимович Федько 33
Юшкевич Петр 115

Яблоновский А. 4, 7, 194
Яковицкий 74
Якубович Лаврин 167
Ян 93, 124, 177
Янковский Станислав 168
Ярошин 25
Яхим 128
Яцко 80, 88, 139
Яцкович Сенко 139
Яцунский В. К. 15, 197

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббевиль 92
 Австрия 95
 Аккерман 136
 Алексинец 213
 Амьен 92
 Англия 76, 92, 95, 102
 Андреев 213
 Аррас 92
- Баев, с. 140
 Базалия 24
 Балканы (Балканский п-в) 136
 Белая Церковь 22, 23, 92, 136, 154, 166, 212
 Белгород 11, 136
 Белев 21, 24, 74, 117, 129, 132, 175, 185, 212
 Белгородка (Киевский повет) 23, 213
 Белгородка (Кременецкий повет) 22, 213
 Белоруссия 26, 139
 Бережцы, с. 106, 141
 Берездов 22, 29, 108, 145, 154, 213
 Березенский, лес 105
 Березно 213
 Берестечко 15, 18, 22, 24, 29, 59, 66, 74, 129, 132, 175, 185, 186, 212
 Берестко 19, 20, 41, 213
 Берестье (Брест) 104, 140
 Бершадь 23
 Белая, лес 111
 Белев 213
 Ближний Восток 135
 Блудов, с. 129
 Бобер, р. 124
 Бобровые Лозы, лес 110
- Бобруйск 26, 34, 64
 Богурин 213
 Бокоем, с. 111
 Боремль 22, 129, 213
 Брацлав 11, 22, 26, 35, 92, 119, 136, 138, 142, 156, 157, 171, 175, 186, 212
 Брацлавское воеводство 10, 22, 30, 107
 Брацлавский повет 9, 10
 Брацлавщина 3, 8, 22—24, 188
 Брянск 135
 Бужаны 213
- Валахия 132
 Варковичи, с. 167
 Васильков 24
 Великое княжество Литовское 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 21, 24, 27, 31, 32, 36, 43, 46, 49, 52, 53, 55, 57, 64, 85, 89, 91, 93, 95, 114, 119, 122, 126, 128, 130—132, 134, 135, 137, 141, 143, 153, 154, 156—161, 164, 166, 169, 174, 185, 186, 188, 191, 193
 Великий Лес, лес 111
 Велихово, с. 105
 Венгрия 137, 174
 Верба 213
 Вербовец 213
 Видов 24
 Вильно 166
 Винница 7, 11, 12, 22, 23, 26, 31, 66, 71, 92, 114, 119, 132, 136, 138, 142, 145, 154, 158, 166, 212
 Винницкий повет 9, 10
 Вичин, с. 20
 Вишневец 11, 19, 29, 119, 213
 Владимир 4, 7, 11, 22, 24, 29, 31,

- 47, 53, 55, 59, 69, 71, 74, 80, 84, 89, 90, 92, 99, 100, 111, 116, 120, 128, 132, 140, 142, 144, 154, 155, 158, 165, 170—173, 175, 176, 178—184, 186, 187, 212
- Владимир (Владимир-на-Клязьме) 135
- Владимирский повет 9, 28, 29
- Волосовая Воля, с. 20
- Волочищи 24
- Волынская земля 9, 26, 130
- Волыньское воеводство 24, 38, 107, 123
- Волынь 3, 8, 15, 19, 24—27, 30, 31, 60, 66, 86, 90, 104—107, 111, 115, 122, 135, 137, 138, 140, 141, 150, 157, 172, 188
- Воробиевцы 24
- Ворскла, р. 145
- Восток 63, 76, 137, 152, 191
- Вроцлав 93
- Выжва 16, 21, 24, 175, 185, 213
- Высоцк 213
- Вычолковское, с. 74
- Вышгород 11, 24
- Вышгородок 22, 119, 213
- Вязьма 135
- Галицко-Волынская Русь 173
- Галич 138
- Галичина 30
- Гданьск 89, 105—109 112
- Германия 95, 102
- Глиници, лес 148
- Глубочицкий, ручей 54
- Глушец, р. 55
- Голешов, с. 120
- Голятин 19, 20, 214
- Городище 23, 214
- Городло 108, 117, 139
- Горохов 132, 214
- Горынь, р. 120
- Гоща 214
- Грицев 119, 214
- Грушовский, лес 111
- Губков 214
- Гуменная Дуброва, урочище 23
- Гурбахи, лес 111
- Дарница, р. 32
- Дашев 23
- Денятин, с. 175
- Дерн, с. 61, 74
- Десна, р. 138
- Днепр, р. 11, 32, 36, 37, 54, 112, 134, 136, 139, 142, 115, 148
- Добрытин 214
- Долина 79, 131, 138
- Дорогобуж 131, 155, 175, 185, 214
- Дорогостай 214
- Дорофиевцы 214
- Древнерусское государство (Русь) 64, 165, 182, 191
- Дрогобыч 131
- Дроздены, с. 150
- Дубно 11, 22, 24, 36, 42, 71, 74, 75, 80, 111, 131, 132, 136, 138, 142, 147, 153, 154, 175, 185, 212
- Дубенская волость 110
- Дубровица 53, 132, 136, 142, 214
- Европа 46, 68, 70, 76, 97, 191
- Жарнов 29, 167, 214
- Жеславль 214
- Животов 23
- Жидичин 74, 79, 115, 214
- Житомир 7, 9, 11, 12, 22, 23, 26, 30, 34, 71, 92, 114, 119, 122, 125, 141, 145, 154, 158, 212
- Житомирский повет 29
- Жуков 16, 18, 22, 111, 116, 120, 139, 145, 159, 168, 214
- Заборовль, с. 175
- Завидов, с. 168
- Загорово 214
- Задыбский, лес 110
- Западная Европа 22, 82, 94, 95, 112, 135, 140, 141, 144
- Западная Подолия 30
- Западный Буг, р. 25, 89, 105, 107, 108, 112, 140, 141
- Заславль 11, 21, 24, 213
- Затурцы, с. 129
- Збараж 11, 22, 24, 119, 130, 138, 212
- Зборошев, с. 74
- Звенигород (Звенигородский повет) 22, 25, 214
- Звенигород (Луцкий повет) 21, 24, 213
- Звянячее, с. 19
- Звягель 11, 12, 16, 22, 92, 132, 145, 214
- Звягельская волость 9
- Здолбица 214
- Золочев 129
- Зубильное, с. 20
- Ивница 23, 214
- Иква, р. 121
- Ильинцы 23

- Ингул, р. 145
 Ингулец, р. 145
 Иоахимсталь 127
 Испания 68
 Италия 137

 Калусов, с. 129
 Калуш 139
 Камень (Каширский) 20, 214
 Камень (Човган) 214
 Канев 11, 22, 23, 30, 34, 35, 92,
 113, 145, 154, 158, 167, 212
 Каневская волость 9
 Караул 23
 Кафа 137
 Квасов 175, 214
 Киев 4, 9, 11, 22, 23, 28, 30, 31,
 34—37, 39—41, 54, 57, 58, 71,
 75, 88, 91, 113, 114, 116, 118,
 119, 122, 126, 129, 131, 132, 135,
 136, 138, 140—145, 148, 149, 154,
 155, 159, 165, 172, 175, 185—187,
 212
 Киевское воеводство 10, 22, 23,
 30, 107, 123
 Киевская земля 9, 11, 12, 131
 Киевский повет 10, 149
 Киевщина 3, 89, 22—24, 188
 Киликиев 214
 Килия 136
 Кладнев, с. 141
 Клевань 21, 24, 51, 52, 71, 86,
 129, 132, 155, 213
 Коблин 214
 Ковель 18, 22, 24, 31, 43, 92,
 107, 110, 119, 126, 129, 132, 149,
 154, 157, 172, 175, 179, 181, 182,
 186, 212
 Кодня, с. 177
 Козин 214
 Козятин, с. 27, 168
 Колки 214
 Колодно 29, 132, 154, 155, 214
 Коломыя 138
 Комаровское поселение (с. Ко-
 маровка Переяслав-Хмельниц-
 кого р-на Киевской обл.) 61,
 121
 Константинов (Колищенцы) 18,
 22, 24, 27, 29, 36, 41, 42, 75, 119,
 125, 130, 132, 147, 175, 185, 212
 Конюсское Зашиново, с. 168
 Копыль 26
 Копыльский, лес 110
 Корец 11, 21, 24, 26, 29, 129,
 130, 136, 213
 Корница 214

 Корсунь 24
 Коршовец, с. 140
 Котовский, лес 109
 Котельня 24
 Кошер 11, 119, 214
 Красилов 21, 24, 25, 29, 131,
 132, 147, 154, 155, 213
 Краснополь 24, 25
 Красносельское, с. 175
 Красово, с. 19
 Кременец 4, 7, 11, 12, 22, 24, 26,
 31, 32, 34, 35, 38, 51, 52, 54, 59,
 61, 71, 73, 92, 98, 116—119, 121,
 129, 131, 133, 138, 142, 146,
 148, 154, 158, 172, 175, 181, 184,
 186, 187, 212
 Кременецкий повет 9, 24, 28—
 29, 169
 Крешатик, урочище 37
 Кричев 34
 Кричильск 214
 Крупа 110, 168, 214
 Кублич 24
 Кузьмин 25, 132, 175, 185, 214
 Куликов 214
 Куна 24
 Курск 135
 Крым 134, 135
 Крымское ханство 26, 135

 Лавров, с. 115
 Лановцы 214
 Левков 23, 175, 185, 214
 Липа, с. 115
 Литва 4
 Литовеж 11, 18, 22, 24, 129, 132,
 175, 212
 Локачи 18, 22, 24, 71, 132, 158,
 168, 213
 Луга, р. 53, 54
 Луцк 4, 7, 11, 22, 24, 26, 29, 31,
 34, 35, 38, 47—49, 51, 53, 58,
 71, 73, 75, 80, 82, 85—88, 92, 97,
 99, 106—109, 111, 113—118, 122,
 125, 126, 129, 132, 133, 135—139,
 141, 142, 144, 150, 154, 170—173,
 175, 177, 180—182, 185—187,
 212
 Луцкий повет 9, 19, 20, 27—29,
 41, 74, 115, 131, 132, 140, 149,
 168, 175
 Львов 26, 93, 117, 143, 173
 Любартов 24, 25
 Любеч 11, 22, 23, 30, 154, 213
 Любечский повет 30
 Люблин 59, 88, 123, 128, 136,
 138, 142, 184

- Любче 131, 170, 214
 Ляховцы 214
 Ляшки 214
- Малев, с. 27
 Малый Глушец, р. 49
 Маначин 214
 Матеев 132, 214
 Маховичи, с. 21
 Межирич 22, 24, 29, 132, 213
 Мезев, с. 150
 Мельница 11, 79, 126, 132, 167, 214
 Меренин 214
 Мизяков 23, 214
 Миляновичи 22, 24, 213
 Милятин 26, 215
 Млынов 129, 150, 215
 Могилев 34, 136
 Мозырь 26, 129
 Мозырьский повет 10
 Моковский, лес 107
 Молдавия 136
 Москва 128, 136
 Московское Великое княжество 46, 134
 Мочулищи, лес 110
 Муравица 22, 116, 132, 215
- Навоз, с. 32
 Немиров 24
 Несвиж 129
 Несухоежи 16, 22, 24, 29, 34, 60, 120, 129, 142, 147, 159, 167, 213
 Несухоежская волость 167
 Нидерланды 76, 95, 102, 137
 Нижний Новгород 135
 Новгород 135
 Новогрудок 60
 Новоставцы, с. 19
 Нюрнберг 137
- Овруч 9, 11, 12, 18, 22, 23, 26, 29, 31, 34, 59, 75, 120, 125, 130, 147, 213
 Овручский повет 29
 Огавчицкий, лес 109
 Ожеговцы 215
 Озерский, лес 111
 Озеряны 215
 Олевск 23, 215
 Олыка 22, 24, 31, 61, 86, 116, 117—119, 120, 129, 132, 155, 175, 185, 212
 Омеляник, с. 175
 Омелянский, лес 107
- Остер 9, 11, 22, 34, 70, 136, 145, 154, 213
 Острог 11, 22, 24, 29, 34, 42, 50, 51, 52, 59, 66, 71, 75, 125, 129—132, 137, 138, 147, 154, 155, 157, 212
 Острожец 16, 18, 22, 24, 28, 116, 120, 132, 156, 159, 175, 185, 213
 Острополь 24, 25
 Орель, р. 145
 Оручев 22, 24, 29, 213
 Орша 34
 Османская империя (Оттоманская Порта) 26, 135, 136
 Очаков 136
 Оцов, с. 115
- Панасовка 24
 Пекалово, с. 150
 Перемиль 11, 117, 132, 175, 215
 Пересопница 215
 Переяслав 9, 11, 22, 23, 35, 60, 154, 213
 Песковский, лес 111
 Петриков 139
 Печихвосты, с. 120
 Пиков 23, 215
 Пинск 136, 143
 Пляшевка Малая, с. 168
 Пляшевка Средняя, с. 168
 Поворск 215
 Погребнице 24
 Подгайцы Волковыйские, с. 149
 Подлесцы, с. 175
 Поднепровье 44, 141, 143
 Подолия 140, 141
 Подольская земля (Восточная Подолия) 9, 10, 23
 Подольское воеводство 51
 Познань 137, 142
 Полищенцы 23, 175, 185, 215
 Полонное 11, 22, 24—26, 29, 71, 108, 129, 131, 132, 147, 153—155, 167, 213
 Полонская волость 154
 Полонский повет 153
 Полоцк 53
 Польша (Польское королевство) 4, 6, 10, 46, 51, 66, 82, 94, 102, 127, 128, 131, 137, 139, 141, 174
 Полянский, лес 104
 Поповцы 215
 Пориск 11, 22, 55, 129, 132, 215
 Почаев 215
 Прикарпатье 138
 Прилуки 24

- Припять, р. 138
 Псков 135
 Пуцовка, р. 35, 120

 Радивиллов 139, 169, 215
 Ратно 141
 Речь Посполитая 14, 15
 Ровно 11, 22, 24, 29, 129, 131, 132, 136, 154, 155, 175, 185, 213
 Рогозное, с. 186
 Рожище 27, 168, 215
 Романов 23, 154, 215
 Россия 6, 65, 66, 86, 101, 135, 138, 193
 Рудка, с. 169
 Рудник, с. 122
 Русское воеводство 123
 Русское государство 6, 9, 35, 64, 80, 100, 122, 124, 128, 134, 135, 136, 138

 Самара, р. 145
 Сатиев 129, 132, 146, 154, 167, 215
 Свиножи 215
 Селищенский, лес 111
 Сененский, лес 108
 Серпухов 122
 Ситковцы 23
 Сквиря 24
 Слободища 26
 Слуцк 26
 Слуць, р. 24, 123
 Смолева, с. 150
 Смочь, р. 53
 Соколь 18, 22, 24, 27, 71, 119, 143, 212
 Ставецкий, лес 111
 Старое Берестко с. 20
 Старый Голятин, с. 19
 Стеблев 24
 Степань 11, 16, 18, 22, 24, 31, 63, 64, 71, 75, 77, 105, 106, 110, 111, 125, 131, 132, 139, 147, 154, 155, 169, 170, 212
 Степанская волость 105
 Стидень, с. 20
 Столпин 215
 Стрыевка 215
 Стырь, р. 49, 112, 118, 138, 139
 Судилков 18, 22, 28, 120, 145, 159, 215
 Сырец, р. 119

 Тавань 135
 Тарговица 11, 22, 24, 27, 29, 132, 213

 Тверь 135
 Теслугов 215
 Тесов 215
 Тетерев, р. 123
 Тивров 23, 215
 Тимолов 23
 Топорище 23, 215
 Торчин 11, 18, 22, 24, 31, 59, 74, 86, 111, 126, 132, 139, 175, 185, 212
 Триполье 24
 Турийск 11, 16, 22, 24, 28, 29, 34, 129, 147, 159, 212
 Турийская волость 167
 Туров 26, 129, 139
 Турция 132, 136
 Тучин 22, 167, 215
 Тясмин, р. 145

 Уборть, р. 123
 Уж, р. 123
 Украина 3—8, 10, 12—16, 18, 19, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 35, 37, 43, 44, 54, 55, 57, 59, 60, 63—68, 70, 74, 79, 80, 84, 85, 91, 93, 95—98, 101, 102, 107, 109, 112, 113, 118, 119, 121—123, 126, 128, 132, 134—138, 143—145, 150—155, 157, 159, 165, 173, 175, 180—182, 186—193
 Устилуг 80, 89, 111, 112, 141, 215
 Устюжна Железопольская 122
 Утены, с. 167
 Ухов Рог, лес 110

 Фастов 24
 Фландрия 82
 Флоренция 97
 Франция 76, 98, 137

 Хабное 23, 119, 215
 Хаджибей 136, 138
 Хиничи 215
 Хлапотин 215
 Хоболтов, с. 129
 Хоболтовский, лес 107
 Хоботов, урочище 110
 Хорлуп 77, 110, 119, 146, 215
 Хотышев 215
 Хренники 215

 Цевов, с. 132

 Чарторыйск 129, 215
 Черкассы 9, 11, 22, 23, 30, 34,

- 35, 54, 92, 113, 135, 142, 145, 154,
158, 166, 212
Чернеевцы 24
Чернигов 135, 136
Чернигово-Северская земля 6
Чернигово-Северщина 9
Чернобыль 9, 11, 22, 23, 34, 129,
145, 167, 213
Черное море 138
Черноморское побережье 132
Черняхов 23, 29, 154, 215
Черняховская волость 9
Четвертня 129, 215
Четыре Могилы, урочище 23
Чехия 76, 137, 174
Чигирин 24
Чуднов 11, 12, 22, 23, 92, 114,
125, 132, 147, 153, 154, 213
Чудновская волость 9
Чурилов 23
- Шаргород 136
Швеция 98, 124
Шпанов 119, 215
Шпранов 119, 215
Шульжинцы 22, 24, 42, 147, 154,
213
Шумбар 215
Шумск 215
- Южная Русь 121, 123
Южный Буг, р. 35, 44, 119, 136,
145
Юревич, с. 28
- Янушполь (Ямполь) 23, 29, 154,
215
Ярославль 135
Ярунь 215
Яссы 136

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВ И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ, ВХОДИВШИХ В СОСТАВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО</i>	
1. Численность городов и их социально-экономическая классификация	9
2. Социальная и этническая структура городского населения	25
3. Архитектурно-планировочные принципы застройки городов и местечек и их фортификация	35
<i>Глава II. ЭКОНОМИКА ФЕОДАЛЬНЫХ ГОРОДОВ: РЕМЕСЛО, ПРОМЫСЛЫ, ТОРГОВЛЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО</i>	
1. Ремесло и цеховой строй его организации	57
2. Промыслы	101
3. Развитие городской торговли	125
4. Сельскохозяйственные занятия городских жителей	143
<i>Глава III. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ФЕОДАЛЬНЫХ ГОРОДОВ</i>	
1. Правовой статус городов Украины и государственное законодательство Великого княжества Литовского	153
2. Административное устройство городов на обычном праве. Феодальные юридики	165
3. Городское самоуправление на магдебургском праве	173
Заключение	188
Примечания	194
Приложение	212
1. Города и местечки украинских земель в составе Великого княжества Литовского	212
2. Перечень специальностей в городском ремесле, промыслах и торговле на Украине (60-е годы XVI в.)	216
3. Некоторые меры и денежные единицы, бывшие в употреблении на украинских землях в XVI в.	218
Именной указатель	219
Географический указатель	225
	231

Научное издание

САС
Петр Михайлович

**ФЕОДАЛЬНЫЕ
ГОРОДА
УКРАИНЫ
В КОНЦЕ XV —
60-х ГОДАХ
XVI в.**

Оформление художника

Н. В. ИФСТЕРЕНКО

Художественный редактор

С. П. КВИТКА

Технический редактор

А. А. НАГОРНАЯ

Корректоры

А. И. СМОЛКИНА,

С. Е. НОТКИНА, Л. Н. ЛЕМБАК

ИБ № 9928

Сдано в набор 07.06.88. Подп. в печ. 17.11.88. БФ 01153. Формат 84×108/32.
Бум. тип. 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 12,18. Усл. кр.-отг. 12,5.
Уч.-изд. л. 13,12. Тираж 1700 экз. Заказ 2031. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина. 3.

Отпечатано с матриц киевской книжной фабрики «Жовтень». 252053 Киев 53,
ул. Артема, 25 в областной книжной типографии, 292000 Львов, ул. Сте-
фаника, 11

2 р. 60 к.

НАУКОВА ДУМКА